

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDINGS OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

TOM V, № 4, 2015

Учредитель: Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)

Главный редактор **Б.С. КАРАМУРЗОВ**
Первый зам. главного редактора **А.П. САВИНЦЕВ**
Зам. главного редактора **С.К. БАШИЕВА**
Зам. главного редактора **Х.Б. ХОКОНОВ**
Зам. главного редактора **А.А. ШЕБЗУХОВ**
Зам. главного редактора **Г.Б. ШУСТОВ**
Зам. главного редактора **М.М. ЯХУТЛОВ**
Ответственный секретарь **М.Ч. ШОГЕНОВА**

Редакционная коллегия

Волков Ю.Г., Гукешоков М.Х., Гуфан Ю.М., Дзамихов К.Ф., Карлик А.Е., Кетенчиев Х.А., Кочесокон Р.Х.,
Матусов Н.И., Мизиев И.А., Муратова Е.Г., Мустафаева З.А., Радченко В.П., Радченко О.А., Рубаков В.А.,
Фельдштейн Д.И., Фортов В.Е., Хавинсон В.Ц., Хохлов А.Р., Хуснутдинова Э.К., Шхануков-Лафисев М.Х.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-44485 от 31.03.2011 г.

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» 43720.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных
научных результатов диссертаций.

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте научной электронной библиотеки
«eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Адрес редакции: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефоны: (88662) 722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Авторы, 2015

© Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, 2015

Founder: Kabardino-Balkarian State University (KBSU)

Editor in chief **B.S. KARAMURZOV**
The 1st Deputy Editor **A.P. SAVINTSEV**
Deputy Editor **S.K. BASHIEVA**
Deputy Editor **H.B. KHOKONOV**
Deputy Editor **A.A. SHEBZUHOV**
Deputy Editor **G.B. SHUSTOV**
Deputy Editor **M.M. YAHUTLOV**
Executive sekretary **M.Ch. SHOGENOVA**

Editorial board

Volkov Yu.G., Gukeshokov M.Kh., Gufan Yu.M., Dзамихов K.F., Karlik A.E., Ketenchiev Kh.A., Kochesokov R.Kh.,
Matuzov N.I., Miziev I.A., Muratova E.G., Mustafaeva Z.A., Radchenko O.A., Radchenko V.P., Rubakov V.A.,
Feldshtein D.I., Fortov V.E., Khavinson V.Ts., Hohlov A.R., Khusnutdinova E.K., Shkhanukov-Lafishev M.Kh.

Registration certificate PI № FS 77-44485 from 31.03.2011

Subscription index in the catalog «Russian Press» 43720

Access to abstracts of articles of the magazine is carried out on the Scientific Electronic Library Online
«eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Editorial address: Kabardino-Balkarian State University, 360004, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

Phone number: (88662)722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Authors, 2015

© Kabardino-Balkarian State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА

Мустафаев М.Ш., Карданец Л.Ю. Сравнительная характеристика распространенности и интенсивности кариеса и его осложнений у юношей 18-летнего возраста по муниципальным образованиям КБР в 2014 г.	7
Хаиров А.М., Павелец К.В., Орёл В.И., Байсиев А.Х., Вавилова О.Г., Лобанов М.Ю. Социально-гигиеническая характеристика больных старшей возрастной группы, страдающих обширными и гигантскими послеоперационными вентральными грыжами	13
Хоконова Т.М., Уметов М.А., Сижажева С.Х. Исследование параметров центрального аортального давления и жесткости сосудов у больных с сахарным диабетом 2 типа и артериальной гипертонией	16
Байсиев А.Х., Захохов Р.М., Давыденко В.В., Лапшин А.С., Хаиров А.М. Влияние изоляции протеза на результаты хирургического лечения у пациентов с послеоперационными вентральными грыжами после различных способов ненатяжной герниопластики	20
Масляков В.В., Барсуков В.Г., Суханов С.А., Куркин К.Г. Особенности тромбозитарного звена системы гемостаза в ближайшем послеоперационном периоде у пациентов с различными травмами грудной клетки	24
Жетишев Р.А., Анаева Л.А. Роль реабилитационного отделения КБР в структуре оказания помощи детям с заболеваниями нервной системы и костно-мышечного аппарата	28
Жетишев Р.А., Архестова Д.Р. Железодефицитные состояния и основные факторы риска их развития у детей одного года жизни в г. Нальчике	31

ЭКОНОМИКА

Каранашев А.Х., Целых Л.А., Причина О.С. Теоретическое обоснование использования положений нечеткой логики в моделях выбора корпоративной культуры с учетом внешних и внутренних факторов ее функционирования	33
Карашева А.Г., Анищенко Е.А. Организационные аспекты системы управления человеческими ресурсами на предприятиях ресторанного сервиса	38
Кокаев С.Б. Методические аспекты формирования устойчивого развития туризма	41

ФИЛОЛОГИЯ

Шогенова М.Ч. Этнокультурные стереотипы в языковом сознании личности	45
Кумыкова А.Х. Ненормативная лексика как компонент языкового портрета современных СМИ (на материале российских газетных публикаций)	50
Бауаев К.К. Генезис советской традиции и апперцептивная специфика как основа этнического стиля поэзии балкарского народа	54
Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз «глаз» в карачаево-балкарском языке	58
Кокова Б.Дж., Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Зоофорные онимы с семантикой «коза» в славянских и адыгских языках (лингвокультурологический аспект)	62
Ставицкая А.Н. Концептуальные основы изучения языческого дискурса: славянский обряд как лингвосторитико-этнокультурный конструкт	65

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абаев З.К. Система мониторинга коррозионного растрескивания под напряжением магистральных газопроводов	68
Волошин Ю.Н., Нагоев М.М., Ланина Т.И. Математическая модель процесса экстрагирования растительного сырья	73

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Ивазов А.М., Маремшаова И.И. К вопросу о распространении чая у кабардинцев (конец XIX–нач. XX вв.)	76
Абазалиева Л.Р. Особенности ислама в политических процессах республик Северного Кавказа	80
Машезова Л.Р. Учитель как нравственный идеал для подрастающего поколения (на примере советских фильмов)	84
Машезова Л.Р. Эволюция читательских предпочтений и ее отражение на формирование ценностных ориентиров молодежи	87

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Казгериева Э.В., Гукеншоков М.В., Хачеритлов М.Х., Дышеков М.В. Теоретический анализ правовой конструкции «утрата доверия»	89
Жугов А.А. К вопросу о правовой природе защиты гражданских прав	93

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Савинцев А.П. Расчет порогов лазерного разрушения хлорида натрия импульсами длительностью 30–50 фс ...	95
Шогенова М.Ч. Корреляция этнокультуры и этнического языка как фактор определения специфики «образа жизни» языковой личности	97
Мустафаев М.Ш., Хараева З.Ф., Мустафаева Ф.М. Особенности системного и локального медиаторного ответа у пациентов с различным количеством дентальных имплантатов	99
Тхазаплижева М.Т., Балкаров А.О., Хулаев И.В., Шогенова Ж.Л., Байрамкулова М.А. Распространенность кариеса и его осложнений у детей дошкольного возраста г. Нальчика	102
Тлапшокова Л.Б., Чудопал С.М. Течение острого периода инфаркта мозга у больных с нарушением углеводного обмена	105
Кумыкова А.Х. Роль вопросительных конструкций в создании газетных заголовков (на материале региональных, республиканских и районных газет)	108
Шогенова З.А. Математическая модель динамики заболеваемости щитовидной железы на примере Кабардино-Балкарской Республики	110
Шогенова З.А. Диагностика заболевания щитовидной железы на основе математических моделей в Кабардино-Балкарской Республике	112
Бокова Л.М., Султыгова З.Х., Инаркиева З.И., Дидигова Л.А., Темирханов Б.А. Использование кинетического метода в определении молибдена в кукурузе	114
Культурбаева Л.М. Традиции в социокультурном дискурсе возрождения этничности	117
Захохов Р.М., Федоров В.Э., Толстокоров А.С., Кумыков В.К. Оптимизация диагностического обследования заболеваний щитовидной железы на госпитальном этапе	119
Хеймашева М.С. Семья как важный акмеологический фактор развития полиэтнической компетентности студентов вуза	123
Сатушиева Л.Х. Христианский вопрос в российской политике на Кавказе во второй половине XIX–начале XX вв.	125
Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»	128

CONTENTS

MEDICINE

Mustafaev M.Sh., Kardanets L.Y. Comparative analysis of the prevalence and intensity of caries and its complications for youths 18 summer age in municipal formation of Kabardino-Balkarian Republic in 2014 y.....	7
Hairov A.M., Pavelec K.V., Orel V.I., Baisiev A.H., Vavilova O.G., Lobanov M.Y. Older age group patients suffering from extensive and giant postoperative ventral hernias sociohygienic characteristic	13
Khokonova T.M., Umetov M.A., Sizhazheva S.H. Study of central aortic pressure parameters and cap vessel stiffness for patients with type 2 diabetes and hypertension	16
Baisiev A.H., Zahohov R.M., Davydenko V.V., Lapshin A.S., Hairov A.M. Insulation effect of the prosthesis on the results of surgical treatment in patients with postoperative ventral hernias after various ways pull hernioplastics	20
Maslyakov V.V., Barsukov V.G., Sukhanov S.A., Kurkin K.G. Features of the platelet link of system of the hemostasis in the next postoperative period at patients with various injuries of the thorax	24
Zhetishev R.A., Anaeva L.A. The role of rehabilitation department of Kabardino-Balkaria in a structure of helping children who have diseases of the nervous system and musculoskeletal apparatus	28
Zhetishev R.A., Arkhestova D.R. Iron deficiency and the main risk factors for their development in children one year of life in the city of Nalchik	31

ECONOMY

Karanashev A.Kh., Tselykh L.A., Prichina O.S. The theoretical justification of the usage of the fuzzy logic in the models of choice of the corporate culture taking into account external and internal factors of its functioning	33
Karasheva A.G., Anishchenko E.A. The organizational aspects of human resources management system at the enterprises of restaurant service	38
Kokaev S.B. Methodical aspects of formation of the sustainable development of tourism	41

PHILOLOGY

Shogenova M.Ch. Ethnocultural stereotypes in the language consciousness of a personality	45
Kumykova A.H. Profanity as a component of linguistic portrait of modern mass-media (on the materials of Russian newspapers)	50
Bauaev K.K. Genesis of the Soviet tradition and apperception specifics as basis of ethnic style of poetry of the Balkar people	54
Khubolov S.M. Structure and semantics of sentences with predicates expressed by phraseological units with somatism «eye» in the Karachay-Balkar language	58
Kokova B.D., Kokov D.N., Kokova L.D. Zoophoric onims with semantic meaning «goat» in Slavic and circassian languages (linguoculturological aspect)	62
Stavitskaya A.N. Problem of pagan discourse studying: Slavic rite as linguistic rhetorical construct	65

ENGINEERING SCIENCES

Abaev Z.K. Monitoring system of corrosion cracking under tension of main gas pipelines	68
Voloszyn Y.N., Nagoev M.M., Lanina T.I. Mathematical model of extracting vegetable raw materials	73

HISTORY AND PHILOSOPHY

Ivazov A.M., Maremshaova I.I. On the spread of tea at Kabardians (late XIX–beg. XX centuries)	76
Abazalieva L.R. The unique features of Islam in the political processes of the North Caucasus republics	80
Mashezova L.R. The teacher as the moral ideal for younger generation (on the example of the Soviet movies)	84
Mashezova L.R. Evolution of readers preferences and its reflection on formation of valuable reference points of youth	87

JURISPRUDENCE

Kazgerieva E.V., Gukephshokov M.H., Hacheritlov M.H., Dishekov M.V. Theoretical analysis of the legal structure «loss of confidence»	89
Zhugov A.A. On the question of the legal nature of the protection of civil rights	93

SHORT REPORTS

Savintsev A.P. Calculation of laser breakdown of sodium chloride by laser pulse duration of 30–50 fs	95
Shogenova M.Ch. Correlation of the ethnic culture and the ethnic language as a factor determining the specificity of a «lifestyle» of a language personality	97
Mustafaev M.Sh., Kharaeva Z.F., Mustafaeva F.M. Features of systemic and local mediator response in patients with the different number of dental implants	99
Thazaplizheva M.T., Balkarov A.O., Khulaev I.V., Shogenova Zh.L., Bayramkulova M.A. Prevalence of caries complications in preschool children in the city of Nalchik	102

Tlapshokova L.B., Chudopal S.M. The course of acute period of cerebral infarction in patients with disorders of carbohydrate metabolism	105
Kumykova A.H. Interrogative constructions role in creating headlines (on the materials of regional, national and regional newspapers)	108
Shogenova Z.A. Mathematical model of dynamics of morbidity thyroid gland on example of the Kabardino-Balkarian Republic.....	110
Shogenova Z.A. Diagnosis of thyroid diseases using mathematical models in Kabardino-Balkaria	112
Bokova L.M., Sultygova Z.H., Inarkieva Z.I., Didigova L.A., Temirhanov B.A. Using kinetic method determination of molybdenum in maize	114
Kulturbaeva L.M. Roots in the socio-cultural discourse revival of ethnicity	117
Zakhokhov R.M., Fedorov V.E., Tolstokorov A.S., Kumykov V.K. Optimization of diagnostic examination of thyroid gland disorders in hospital stage	119
Heimasheva M.S. The family as an important factor of acmeological development of multiethnic competence of University students	123
Satushieva L.H. The peasant question in Russian politics in the Caucasus in the second half XIX–early XX	125
The demand to the design of the scientific article, represented in the journal «Proceeding of the Kabardino-Balkarian State University»	128

МЕДИЦИНА

УДК 616.3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ КАРИЕСА И ЕГО ОСЛОЖНЕНИЙ У ЮНОШЕЙ 18-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА ПО МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ КБР В 2014 г.

Мустафаев М.Ш., *Карданец Л.Ю.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*akarda@mail.ru

Проведено обследование твердых тканей зубов у юношей 18-летнего возраста, подлежащих призыву на военную службу по муниципальным образованиям Кабардино-Балкарской Республики. Проведен сравнительный анализ распространенности и интенсивности кариеса и его осложнений у юношей. Результаты обследования показали высокую распространенность и интенсивность кариеса и его осложнений у обследованного контингента. Выявлена зависимость состояния твердых тканей зубов у призывников от места проживания.

Ключевые слова: призывники, распространенность кариеса, интенсивность кариеса, распространенность осложнений кариеса, интенсивность осложнений кариеса.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PREVALENCE AND INTENSITY OF CARIES AND ITS COMPLICATIONS FOR YOUTHS 18 SUMMER AGE IN MUNICIPAL FORMATION OF KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN 2014 y.

Mustafaev M.Sh., Kardanets L.Y.

Kabardino-Balkarian State University

The examination of dental hard tissues in young men aged 18 years of age to be recruited for military service in Kabardino-Balkarian has been made. A comparative analysis of the prevalence and intensity of caries and its complications in young men in municipal formation of Kabardino-Balkarian Republic. The results showed a high prevalence and intensity of caries and its complications in the surveyed population. The correlation between the state of dental hard tissues and the residence of young recruits have been revealed.

Keywords: recruits, prevalence of caries, intensity of caries, prevalence of caries complications, intensity of caries complications.

По данным ряда авторов, в настоящее время болезни полости рта занимают одно из ведущих мест по распространенности: удельный вес стоматологических заболеваний среди общей заболеваемости населения по обрабатываемости достигает 20–25 %, на 1000 жителей приходится 345–550 случаев. Распространенность кариеса составляет по разным регионам Российской Федерации от 95 % до 100 % [1]. К тому же, стоматологическая помощь является одним из массовых видов медицинского обслуживания [2–4].

Важным направлением практической медицины является оценка стоматологического здоровья подростков и юношей, его реализация необходима для решения многих организационных вопросов, адекватного планирования, совершенствования лечебно-профилактических мероприятий [5]. В настоящее время рост нуждаемости подростков и юношей в лечении зубов прогрессирует, увеличивается количество осложнений и число удаленных постоянных зубов [6, 7], качество и доступность оказываемой стоматологической помощи снижается в связи с ростом объема лечебной работы [8, 9]. К сожалению, у большей части подростков низка мотивация к сохранению собственного здоровья отмечается нежелание осуществлять профилактические и лечебные стоматологические процедуры [10, 11].

Достаточно актуальны вопросы охраны здоровья подростков, в том числе и стоматологического, для военных ведомств, обеспечивающих обороноспособность и безопасность страны, так как комплектование Вооруженных сил здоровым призывным контингентом является важной государственной задачей. В связи с тем, что из года в год количество подростков, имеющих ограничения к военной службе по состоянию здоровья, в том числе и стоматологического, растет [12], оценка стоматологического статуса у данной возрастной категории лиц становится особенно актуальной.

Цель исследования: изучить распространенность и интенсивность кариеса и его осложнений у лиц призывного возраста и оценить уровень оказания стоматологической помощи в муниципальных образованиях КБР.

Материал и методы. Объектом исследования явились юноши 18-летнего возраста, подлежащие призыву на военную службу осенью 2014 года. Обследование проводилось в военном комиссариате КБР. Всего состояние твердых тканей зубов исследовано у 500 юношей, в том числе 81 человек из Баксанского и Зольского районов, 89 человек из г. Нальчика, 81 человек из Прохладненского и Майского районов, 81 человек из Урванского, Лескенского и Черекского районов, 59 человек из Терского района, 55 человек из Чегемского района, 54 человека из Эльбрусского района.

На основании клинического осмотра, при котором учитывались клинически выраженные симптомы, и результатов дополнительных методов исследования (Р-графия, электроодонтодиагностика) определяли распространенность и интенсивность кариеса (КПУ) и его осложнений.

Распространенность кариеса зубов определялась вычислением процента лиц, имеющих хотя бы один из признаков проявления кариеса зубов по отношению к общему числу обследованных [13].

Интенсивность поражения определялась по индексу КПУ. Показатель КПУ – это количественное выражение суммарного поражения постоянных зубов кариесом и его осложнениями. В структуру КПУ включали постоянные зубы с кариозными полостями с разрушенной коронкой – К, зубы, пломбированные по поводу кариеса и его осложнений – П, удаленные зубы – У. При вычислении показателя КПУ числителем является общее количество кариозных, пломбированных и удаленных зубов, а знаменателем – общее число осмотренных. Показатель КПУ дает среднее число пораженных зубов, приходящихся на одного человека [13].

Также в структуре КПУ определялось количество зубов с осложнениями кариеса – ОК (зубы с клиническими проявлениями пульпита и периодонтита, зубы с пломбами, у которых имелись деструктивные изменения в периапикальных тканях, а также корни зубов) [14].

Распространенность осложнений кариеса определялась вычислением процента лиц с осложнениями кариеса к общему числу осмотренных, а интенсивность осложнений кариеса путем деления числа зубов с осложнениями кариеса на общее количество обследованных (распространенность и интенсивность осложнений кариеса определена согласно исследованиям М.Т. Пригорневой (2000)) [14].

Для проведения анализа эпидемиологического обследования, полученные данные сводились в таблицы.

Результаты и обсуждение. Результаты обследования показали высокую распространенность (84,4 %) и интенсивность (3,01) кариеса у обследованного контингента (табл. 1).

Таблица 1

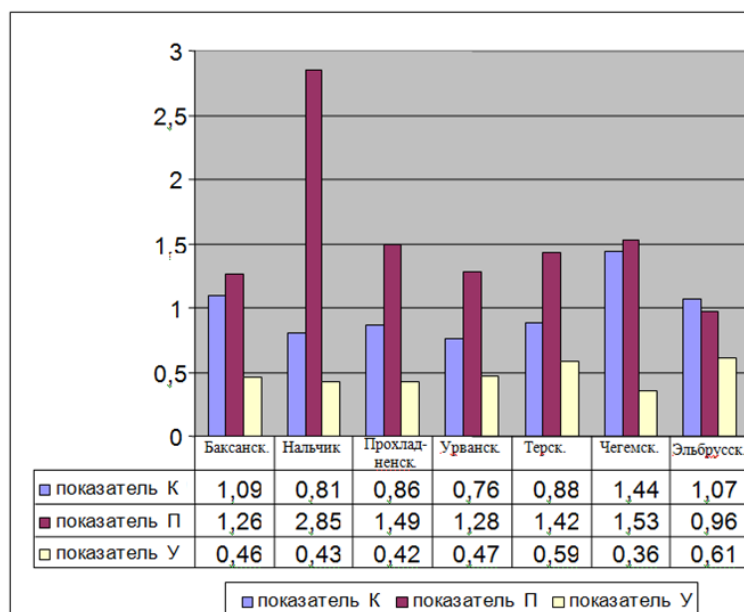
Распространенность и интенсивность кариеса по КБР (общее)

Всего осмотрено	Распространенность кариеса	КПУ	К	П	У
500	84,4 %	3,01	0,96	1,58	0,47

Как видно из табл. 1, в структуре индекса КПУ преобладает элемент П, составляющий 1,58 зуба, индекс К соответствует 0,96 зуба, индекс У равен 0,47 зуба. Необходимо отметить тот факт, что у лиц 18-летнего возраста уже имеются удаленные зубы, что является неблагоприятной тенденцией.

Проведенное исследование показало зависимость состояния твердых тканей зубов у юношей призывного возраста от места проживания. Распространенность кариеса у 18-летних юношей всех муниципальных образований республики довольно высокая: наиболее высокая распространенность кариеса в г. Нальчике – 89,5 % и в Чегемском районе – 89,1 %, на III месте по распространенности кариеса – Прохладненский и Майский районы – 84,8 %, на IV месте – Баксанский и Зольский районы – 83,6 %, на V месте – Урванский, Лескенский и Черекский районы – 81,3 %, VI место занимает Терский район – 79,5 %, наиболее низкая распространенность кариеса – в Эльбруском районе – 76,9 %.

Индекс КПУ у юношей, проживающих в г. Нальчике, самый высокий – 4,09. На II месте – Чегемский район – индекс КПУ – 3,33. Практически одинаков данный индекс у юношей Баксанского, Зольского и Терского районов и составляет 2,81 и 2,89 соответственно. На V месте Прохладненский и Майский районы – 2,77. На VI месте – Эльбрусский район – 2,64. Самый низкий индекс КПУ у 18-летних юношей Урванского, Лескенского и Черекского районов – 2,51, то есть индекс КПУ у юношей, проживающих на данной территории, в 1,6 раза ниже, чем у юношей г. Нальчика.

Гистограмма 1. Сравнительная характеристика показателей К, П и У у юношей 18-летнего возраста по районам КБР

Из гистограммы 1 видно, что в структуре индекса КПУ юношей почти всех муниципальных образований КБР преобладает показатель П, который составляет: у юношей Баксанского и Зольского районов – 1,26; у юношей г. Нальчика – 2,85; у юношей Прохладненского и Майского районов – 1,49; у юношей Урванского, Лескенского и Черекского районов – 1,28; у юношей Терского района – 1,42; у юношей Чегемского района – 1,53. Самый высокий показатель П выявлен у юношей г. Нальчика – 2,85 (69,7 %). Самый низкий – в Эльбруском районе – 0,96 (36,4 %), что почти в три раза ниже, чем у юношей г. Нальчика. Причем в Эльбруском районе преобладает показатель К в структуре индекса КПУ и составляет 1,07 (40,5 %).

В структуре КПУ интенсивность показателя К варьирует от 0,76 (Урванский, Лескенский и Черекский районы) до 1,44 (Чегемский район) – наиболее высокий показатель. В Баксанском, Зольском и Эльбруском районах данный показатель почти одинаков – 1,09 и 1,07 соответственно. Также этот показатель практически одинаков в Терском, Прохладненском и Майском районах – 0,88 и 0,86 соответственно. Город Нальчик по показателю К на VI месте – 0,81, а на VII месте – Урванский, Лескенский и Черекский районы – 0,76 (гистограмма 1).

В структуре КПУ показатель У наиболее высокий в Эльбруском районе – 0,61. Наиболее низкий – в Чегемском районе – 0,36. На II месте – Терский район – 0,59. В Урванском, Лескенском и Черекском, Баксанском и Зольском, Прохладненском и Майском районах, а также в г. Нальчике данный показатель практически одинаков – 0,47; 0,46; 0,42 и 0,43 соответственно (гистограмма 1).

Таким образом, в г. Нальчике индекс КПУ наиболее высокий за счет наибольшего (по сравнению с другими муниципальными образованиями) количества пломбированных зубов – 2,85 (69,7 %) при практически наименьших показателях К – 0,81 (19,8 %) (VI место из семи) и У – 0,43 (10,5 %) (V место); в Чегемском районе при сравнительно высоком индексе КПУ – 3,33 количество пломбированных зубов и зубов, пораженных кариесом, практически на одном уровне – 1,53 и 1,44 соответственно. Однако в этом районе самый низкий показатель У – 0,36 (самый высокий – в Эльбруском районе – 0,61); в Терском районе индекс КПУ составляет 2,89 в основном за счет показателя П – 1,42. Показатель К – 0,88 (IV место) и показатель У – 0,59 – довольно высокие по сравнению с другими муниципальными образованиями республики (II место); в Баксанском и Зольском районах индекс КПУ немного ниже, чем в Терском районе – 2,81. Однако показатель П в структуре КПУ также лидирует – 1,26. Показатель К достаточно высокий – 1,09 (II место), но ниже, чем в Чегемском районе (1,44) на 0,35. Показатель У на среднем по сравнению с другими муниципальными образованиями республики уровне – 0,46 (IV место); в Прохладненском и Майском районах индекс КПУ – 2,77 (V место), в структуре индекса лидирующее место занимает компонент П – 1,49 (III место) компонент У на среднем уровне – 0,42; в Эльбруском районе самая неблагоприятная ситуация – при сравнительно низком индексе КПУ – 2,64 (VI место) в структуре индекса преобладает компонент К – 1,07 (III место) и здесь самый высокий показатель в сравнении с другими муниципальными образованиями республики У – 0,61 (I место) при самом низком по республике показателе П – 0,96 (VII место); в Урванском, Лескенском и Черекском районах самый низкий по сравнению с другими муниципальными образованиями республики индекс КПУ – 2,51 (VII место), при наиболее низком показателе К – 0,76 (VII место), среднем показателе У – 0,47 (III место), и среднем показателе П – 1,28 (V место).

В итоге, удельный вес пломбированных зубов наибольший в г. Нальчике – 69,7 %, наименьший – в Эльбруском районе – 36,4 %; наибольшее количество больных зубов, нуждающихся в лечении – в Чегемском районе – 43,2 %, наименьшее – в г. Нальчике – 19,8 %; наибольшее количество удаленных зубов – в Эльбруском районе – 23,1 %, наименьшее – в г. Нальчике – 10,5 % и в Чегемском районе – 10,8 %.

Из вышеизложенного следует, что наиболее благоприятная ситуация по уровню санации складывается в г. Нальчике (несмотря на наиболее высокий индекс КПУ – 4,09 и наиболее высокую распространенность кариеса –

89,5 %, здесь количество больных с кариесом в 3,5 раза ниже, чем количество с пломбированными зубами, а количество больных с удаленными зубами – в 6,6 раз ниже данного показателя), а наименее благоприятная – в Эльбрусском районе (при наиболее низкой распространенности кариеса – 76,9 % и относительно низком индексе КПУ – 2,64 здесь количество больных с кариесом превышает количество с пломбированными зубами, а количество больных с удаленными зубами ниже всего в 1,6 раза). Относительно хорошие показатели в Прохладненском, Майском, Урванском, Лескенском, Черекском и Терском районах: здесь количество зубов, пораженных кариесом, ниже, чем количество пломбированных зубов в 1,5 раза, а количество удаленных зубов в 2,7 раза ниже количества пломбированных зубов. В Баксанском, Зольском и в Чегемском районах ситуация не очень благоприятная (количество зубов, пораженных кариесом, и количество пломбированных зубов практически на одном уровне, хотя количество удаленных зубов ниже количества пломбированных зубов в среднем в 3 раза).

Для более объективной оценки состояния зубов в структуре КПУ в отдельную группу были выделены осложнения кариеса. Зубы с осложнениями кариеса и, подлежавшие удалению, учитывали в элементе К индекса, зубы, леченные по поводу осложнений кариеса – в элементе П, элемент У – это зубы, удаленные по поводу осложнений кариеса (ОК) (табл. 2).

Таблица 2

Распространенность и интенсивность осложнений кариеса (общие)

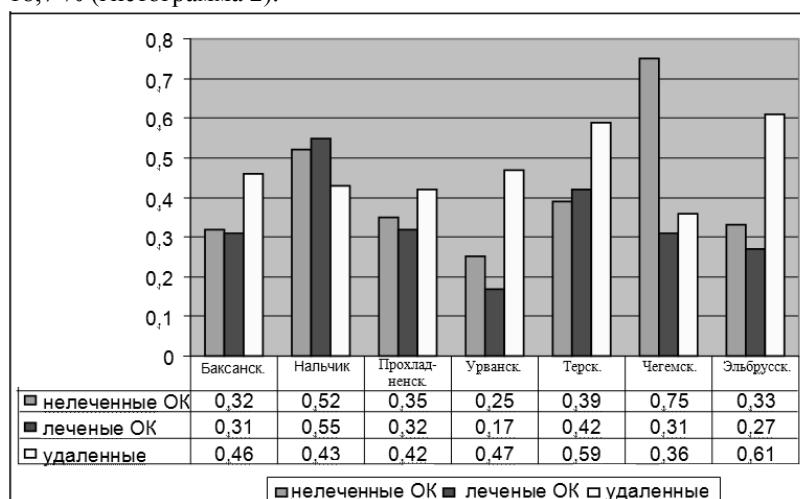
КПУ	К	П	У	осложнения кариеса				распространенность ОК
				всего	нелеченные	леченные	удаленные	
3,01	0,56	1,24	0,47	1,21	0,40	0,34	0,47	40,2%

Из табл. 2 следует, что распространенность осложнений кариеса у обследованных составила 40,2 %, а интенсивность – 1,21, причем зубов, в которых проводилось эндодонтическое лечение, меньше (0,34), чем нелеченных (0,40).

В элементе К количество зубов с кариесом (0,56) и его осложнениями (0,40) практически одинаково. В элементе П в основном представлены зубы, леченные по поводу кариеса (1,24). Эндодонтическому лечению подверглось всего 0,34 зуба.

Наиболее высокая распространенность осложнений кариеса в Терском районе составляет 48,4 %. Надо отметить, что в данном муниципальном образовании удельный вес пломбированных по поводу осложнений кариеса зубов составил 14,5 %, а удельный вес зубов, не подвергшихся эндодонтическому лечению, составил 13,5 %, то есть показатели практически одинаковые. При этом удельный вес удаленных по поводу ОК зубов 20,4 % – довольно высокий (II место после Эльбрусского района – 23,1 %).

II место по распространенности осложнений кариеса занимает Эльбрусский район – 45,8 %, на III месте – Чегемский район – 42,6 %, на IV месте – Прохладненский и Майский районы – 39,4 %, на V месте – Баксанский и Зольский районы – 38,9 %, на VI месте – г. Нальчик – 36,7 %. Наиболее низкая распространенность ОК в Урванском, Лескенском и Черекском районах – 35,5 %. При этом удельный вес леченых по поводу осложнений кариеса зубов составляет 6,8 %, а удельный вес нелеченых по поводу ОК зубов – 10,1 %. Тем не менее, низкий процент распространенности ОК, возможно, связан с тем, что в данном муниципальном образовании зубы с ОК чаще подвергаются удалению – 18,7 % (гистограмма 2).

Гистограмма 2. Сравнительная характеристика показателей «нелеченные ОК», «леченные ОК», «удаленные» в структуре индекса КПУ у юношей 18-летнего возраста по районам КБР

Из гистограммы 2 видно, что в Баксанском, Зольском, Прохладненском, Майском, Урванском, Лескенском, Черекском и Эльбрусском районах удельный вес зубов, не подвергшихся эндодонтическому лечению, выше удельного веса зубов, пломбированных по поводу ОК – в среднем на 2,0 %. Чегемском районе удельный вес леченых по поводу ОК зубов меньше, чем удельный вес нелеченных по поводу ОК зубов в два раза, при этом удельный вес удаленных по поводу ОК зубов самый низкий по республике – 10,8 %, что говорит о низком уровне организации санации (гистограмма 2).

В г. Нальчике и в Терском районе удельный вес зубов, леченых по поводу ОК, выше, чем удельный вес зубов, не подвергшихся эндодонтическому лечению по поводу ОК, по сравнению с другими муниципальными образованиями республики, но ненамного – в среднем на 0,8 %. В г. Нальчике распространенность ОК 36,7 % (VI место из семи) (гистограмма 2).

Таким образом, чаще всего по поводу осложнений кариеса удаляются зубы в Эльбрусском (23,1 %) и Терском районах – 20,4 %, что может свидетельствовать о низкой мотивации к лечению зубов. Реже всего по поводу ОК удаляют зубы в Чегемском районе – 10,8 %. Чаще всего подвергаются лечению зубы с ОК в г. Нальчике (13,4 %), а реже всего – в Урванском, Лескенском и Черекском районах – 6,8 % и в Эльбрусском районе – 10,2 %. Удельный вес нелеченных по поводу осложнений кариеса зубов выше всего в Чегемском районе – 22,5 %, а ниже – в Урванском, Лескенском и Черекском районах – 10,1 %.

Высокий показатель удаленных зубов может свидетельствовать о позднем обращении за стоматологической помощью, неадекватном эндодонтическом лечении, расширении показаний для удаления зубов. Вследствие этого, довольно большое количество юношей уже в 18-летнем возрасте нуждаются в протезировании: наибольшее количество – 23,1 % – в Эльбрусском районе; 20,4 % – в Терском районе; 18,7 % – Урванском, Лескенском, Черекском районах; 16,4 % – Баксанском и Зольском районах; 15,2 % – Прохладненском и Майском районах; в Чегемском районе и в г. Нальчике данный показатель в два раза ниже, чем в Эльбрусском районе (23,1 %) – 10,8 % и 10,5 % соответственно.

Анализ проведенного исследования показал высокую распространенность (84,4 %) и средний уровень интенсивности (3,01) кариеса, а также высокую распространенность (40,2 %) и интенсивность (1,21) осложнений кариеса у лиц 18-летнего возраста в Кабардино-Балкарской Республике. То есть практически у половины юношей уже имеются осложнения кариеса, что для данной возрастной группы является крайне негативным фактором.

Наиболее высокие показатели распространенности кариеса в г. Нальчике – 89,5 % и в Чегемском районе – 89,1 %, наиболее низкие – в Эльбрусском районе – 76,9 %.

Индекс КПУ у юношей, проживающих в г. Нальчике, самый высокий – 4,09. Самый низкий индекс КПУ у 18-летних юношей Урванского, Лескенского и Черекского районов – 2,51 – почти в два раза ниже, чем в г. Нальчике.

В структуре КПУ юношей почти всех муниципальных образований КБР преобладает показатель П, причем, самый высокий показатель П выявлен у юношей г. Нальчика – 2,85 (69,7 %), а самый низкий – в Эльбрусском районе – 0,96 (36,4 %), то есть ниже почти в три раза.

В структуре КПУ показатель К наиболее высокий в Чегемском районе – 1,44, наиболее низкий – в Урванском, Лескенском и Черекском районах – 0,76 – ниже почти в два раза.

В структуре КПУ показатель У наиболее высокий в Эльбрусском районе – 0,61. Наиболее низкий – в Чегемском районе – 0,36 – в два раза ниже.

Распространенность осложнений кариеса наиболее высокая в Терском районе и составляет 48,4 % (интенсивность ОК – 1,4), наиболее низкая распространенность ОК – в Урванском, Лескенском и Черекском районах – 35,5 % (интенсивность – 0,89).

Наибольшее количество юношей, нуждающихся в протезировании – 23,1 % – в Эльбрусском районе; наименьшее – 10,5 % – в г. Нальчике – в два раза ниже.

Из полученных данных видно, что уровень организации санации полости рта у лиц 18-летнего возраста довольно низкий в Чегемском и Эльбрусском районах; средний – в Баксанском, Зольском, Прохладненском, Майском, Урванском, Лескенском и Черекском районах; относительно хороший в г. Нальчике и Терском районе.

Выводы

В связи со всем вышеизложенным необходимо:

1) проводить санитарно-просветительскую работу и активно внедрять профилактические программы среди детей (начиная с детских садов), подростков и юношей с целью формирования у них санитарной культуры с раннего возраста, и привлекать к реализации данной задачи не только врачей – специалистов, но и воспитателей, и учителей;

2) органам здравоохранения совместно с представителями военных комиссариатов разработать комплекс мероприятий, направленных на повышение мотивации детей, подростков и юношей к профилактическим мероприятиям и санации полости рта;

3) усиливать контроль над качеством проведения профилактических осмотров и санации полости рта в школах, особенно у юношей старших классов;

4) проводить повышение уровня профессиональной подготовки врачей-стоматологов, усиливать контроль за соблюдением стандартов оказания стоматологической помощи.

Библиография

1. Оправин А.С., Токуева Л.И. Организация стоматологической помощи населению России: учебное пособие. Архангельск, 2011. 9 с.
2. Леонтьев В.К. Российская стоматология: прогнозы и реалии // Новое в стоматологии. 2004. № 8. С. 4–11.
3. Максимовский Ю.М., Каплан З.М., Кича Д.И., Каплан Б.М. Комплексная стоматологическая активность и здоровье зубов молодежи: метод. рекомендации. М.: РУДН, 2006. 17 с.
4. Сагина О.В., Максимовский Ю.М., Дойников А.И., Аванесов А.М. Современные принципы организации работы стоматологических учреждений России: учебное пособие. М., 2004. 479 с.

5. Ананьин А., Дмитроченков А.В., Подушкина И.В. Состояние здоровья, качество жизни и организация медицинского обеспечения военнослужащих пограничной службы, проходящих военную службу на контрактной основе: монография. Н. Новгород, 2005. 158 с.
6. Бутова В.Г., Зими́на Э.В., Каплан М.З. Управление качеством стоматологической помощи. М.: ТВООК, 2007. 224 с.
7. Елизарова В.М. Стоматология детская. М.: Медицина, 2009. 408 с.
8. Каплан З.М., Гринин В.М. Здоровье, безопасность и здравоохранение: сб. научн. трудов. М.: МГМСУ, 2006. С. 35.
9. Кузьмина Э.М. Гигиенист стоматологический. М., 2005. 230 с.
10. Максимовский Ю.М., Ковальский В.Л., Бутова В.Г., Ананьева Н.Г. Оценка качества пломбирования зубов в медицинских организациях различных форм собственности // Бюлл. НИИ соц. гиг., экономики и управления здравоохран. им. Н.А. Семашко. Развитие системы обеспечения качества медицинской помощи в современных условиях и проблемы оптимизации структуры здравоохранения: матер. V научн.-практ. конф. М., 2000. С. 56–60.
11. Здравоохранение Томской области в 2002 году: статистический сборник. Томск, 2003. 95 с.
12. Куликов В.В., Кабалин А.П., Ядчук В.Н., Пантелеев А.Я., Гукасов А.Ю. Новые методологические аспекты организации военно-врачебной экспертизы // Воен.-мед. журн. 2003. № 7. С. 4–8.
13. Кузьмина Э.М. Прифилактика стоматологических заболеваний. М., 2001. С. 41–43.
14. Пригорнева М.Т. Распространенность осложнений кариеса и качество пломбирования корневых каналов зубов при эндодонтическом лечении в КБР: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2000. 19 с.

СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОЛЬНЫХ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ, СТРАДАЮЩИХ ОБШИРНЫМИ И ГИГАНТСКИМИ ПОСЛЕОПЕРАЦИОННЫМИ ВЕНТРАЛЬНЫМИ ГРЫЖАМИ

Хаиров А.М.¹, Павелец К.В.¹, *Орёл В.И.¹, Байсиев А.Х.², Вавилова О.Г.¹, Лобанов М.Ю.¹

¹Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

²Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова

*viorel56@list.ru

Статья посвящена социально-гигиеническим особенностям старшей возрастной группы пациентов, страдающих послеоперационными вентральными грыжами (ПВГ), широкому спектру тяжелой сопутствующей патологии.

Ключевые слова: послеоперационная вентральная грыжа, внутрибрюшное давление, доплерэхокардиография, легочная гипертензия.

OLDER AGE GROUP PATIENTS SUFFERING FROM EXTENSIVE AND GIANT POSTOPERATIVE VENTRAL HERNIAS SOCIOHYGIENIC CHARACTERISTIC

Hairov A.M.¹, Pavelec K.V.¹, Orel V.I.¹, Baisiev A.H.², Vavilova O.G.¹, Lobanov M.Y.¹

¹St. Petersburg State Pediatric Medical University

²Petersburg State Medical University named after academician I.P. Pavlov

The article is devoted to the social and hygienic especially the senior group of patients, countries giving postoperative ventral hernias (PVG), a wide range of severe concomitant pathology.

Keywords: postoperative ventral hernia, intra-abdominal pressure, Doppler echocardiography, pulmonary hypertension.

Актуальность. Впервые термин «грыжа» был введен выдающимся ученым и врачом древности Клавдием Галеном (129–199 гг. н.э.). Сведения о грыжах так же встречаются в работах Гиппократ (V в. до н.э.), Цельса (I в. до н.э.) и других авторов. Уже тогда Цельс дает классическое определение грыжи, как выпячивание внутренних органов через приобретенные или врожденные ворота [1]. Вопрос хирургического лечения послеоперационных вентральных грыж сохраняет свою актуальность и в настоящее время [2–5].

Подавляющее большинство хирургов, занимающихся вопросами герниологии, считают, что послеоперационные вентральные грыжи следует рассматривать не только как локальный патологический процесс брюшной стенки и брюшной полости, а в большей степени как полиэтиологическое заболевание с нарушением функций внутренних органов, деятельности дыхательной и сердечно-сосудистой систем, дистопией органов живота [6–9].

Хирургическое лечение послеоперационных вентральных грыж у больных пожилого и старческого возраста, несомненно, связано с повышенным риском, в связи с чем показания и противопоказания к операции должны быть строго аргументированы.

При анализе социального и возрастного состава пациентов выявлен высокий процент больных пожилого и старческого возраста, что соответствует данным отечественной и зарубежной литературы (55 %), причем именно в этой группе наиболее часто наблюдаются послеоперационные осложнения (42 %) и высокая летальность (24 %) [2–5, 7].

Распределяя больных по возрастному составу, мы использовали классификацию Организации Объединенных Наций (ООН). В соответствии с данной классификацией в табл. 1 выделено 12 возрастных периодов.

Таблица 1

Возрастные периоды жизни человека

Период жизни человека	Календарный возраст
Новорожденные	1–7 дней
Младенцы	7 дней – 1 год
Раннее детство	1–3 года
Первое детство	4–7 лет
Второе детство	8–12 лет, мальчики 8–11 лет, девочки
Подростки	13–16 лет, мальчики 12–15 лет, девочки
Юноши	17–21 год
Девушки	16–20 лет
I период зрелости	22–35 лет, мужчины 21–35 лет, женщины
II период зрелости	36–60 лет, мужчины 36–55 лет, женщины
Пожилые люди	61–74 года, мужчины 56–74 года, женщины
Старые люди	75–90 лет
Долгожители	Старше 90 лет

В 20 % случаев больным было отказано в плановом оперативном лечении из-за наличия тяжелой сопутствующей патологии.

Цель и задачи исследования

1. Социально-гигиеническая характеристика больных пожилого и старческого возраста, страдающих обширными и гигантскими послеоперационными вентральными грыжами.

2. Анализ хирургического лечения обширных и гигантских послеоперационных вентральных грыж у больных старшей возрастной группы.

3. Расширить показания к плановому хирургическому лечению больных старшей возрастной группы, страдающих обширными и гигантскими послеоперационными вентральными грыжами.

4. Улучшить результаты хирургического лечения больных, страдающих обширными и гигантскими послеоперационными вентральными грыжами.

Материалы и методы исследования

Исследования проведено в г. Санкт-Петербурге – втором по площади и численности жителей городе Российской Федерации с постоянным населением более 5 млн чел.

В соответствии с Программой реструктуризации коечного фонда Санкт-Петербурга, Мариинская больница вошла в число учреждений, ориентированных на оказание интенсивного лечения.

Исследование проводилось на базе СПб ГБУЗ «Городская Мариинская больница» – крупного многопрофильного стационара мощностью более 900 коек, из которых хирургических около 600. Ежегодно оказывается стационарная помощь 40000 больных. Количество выполненных операций достигает 11 тыс. в год.

В исследовании были проанализированы 203 случая лечения больных обширными и гигантскими послеоперационными вентральными грыжами, по классификации К.Д. Тоскина и В.В. Жебровского (1990), оперированных в 6-м хирургическом отделении СПб ГБУЗ «Городская Мариинская больница» в период с 2001 по 2013 гг.

I-ю (основную) группу составили 114 пациентов (56,2 %), оперированных в плановом порядке.

II-я (сравниваемая) группа была представлена 89 больными (43,8 %), которые перенесли хирургическое вмешательство в экстренном порядке.

По половому и возрастному составу группы достоверно не различались: в I-й группе мужчин – 14,1 %, женщин 85,9 %, во II-й – 12,4 % и 87,6 % соответственно.

Средний возраст основной группы составил 75,3 лет, сравниваемой – 78,1.

Из основной группы 12,3 % пациентов было отказано в плановом оперативном лечении в других стационарах города в связи с наличием тяжелой сопутствующей соматической патологии.

В сравниваемой группе 20,2 % пациентов отказано в плановом оперативном лечении по соматическому статусу, сами больные отказались от предложенного планового оперативного вмешательства в 19,1 % случаев, 6,7 % пациентов не обращались за медицинской помощью.

Практически у всех больных отмечено наличие значимой сопутствующей патологии: ИБС, постинфарктный кардиосклероз – у 14,9 % пациентов основной группы и 21,3 % пациентов второй группы, гипертоническая болезнь – у 37,7 % и 69,7 % соответственно, сахарный диабет 2 типа – у 9,6 % и 22,5 %, хроническая обструктивная болезнь легких – у 15,8 % и 39,3 %, ожирение III алиментарно-конституционного генеза – у 16,7 % и 55,1 %, острое нарушение мозгового кровообращения в анамнезе – 6,1 % и 12,4 %, варикозная болезнь нижних конечностей – у 30,7 % и 53,9 %.

Всем больным первой группы до операции в 1-е и 10-е сутки после операции выполнялась доплерэхокардиография с целью определения среднего расчетного давления в легочной артерии как наиболее значимого показателя, отражающего степень легочной гипертензии [6, 10, 11]. Данные приведены в табл. 2.

В эти же сроки пациентам основной группы измерялось внутрибрюшное давление непрямым методом Kгон. Отмечено повышение внутрибрюшного давления на первые сутки послеоперационного периода у 67 (58,8 %) больных в пределах I степени (10–15 мм рт.ст.), у 11 (9,6 %) пациентов II степени (16–25 мм рт.ст.). В результате своевременного реагирования удалось добиться нормализации внутрибрюшного давления консервативными мерами.

Таблица 2

Оценка степени легочной гипертензии

Сроки исследования	Отсутствие легочной гипертензии	Пограничная легочная гипертензия (Р сред. ЛА: 12–19,99 мм рт.ст.)	Умеренная легочная гипертензия (Р сред. ЛА: 20–39,99 мм рт.ст.)	Значительная легочная гипертензия (Р сред. ЛА: 40–59,99 мм рт.ст.)	Общее количество пациентов
до операции	32 (28,1 %)	13 (11,4 %)	69 (60,5 %)	0	144 (100 %)
1-е сутки после операции	4 (3,5 %)	21 (18,4 %)	85 (74,6 %)	4 (3,5 %)	144 (100 %)
10-е сутки после операции	19 (16,7 %)	92 (80,7 %)	3 (2,6 %)	0	144 (100 %)

Предоперационная патогенетически обоснованная медикаментозная терапия проводилась 69 (60,5 %) пациентам основной группы ввиду наличия у них умеренной легочной гипертензии. С этой целью использовался блокатор медлен-

ных кальциевых каналов – амлодипин в дозе 2,5–7,5 мг/сутки в зависимости от массы тела пациентов и с учетом их возрастных особенностей. В результате проведенной терапии через неделю среднее расчетное давление в легочной артерии снизилось до пограничных цифр, после чего больные были допущены к операции.

Всем пациентам первой группы производилась натяжная протезирующая пластика грыжевых ворот в модификации А.В. Вишневого с наднапоневротической фиксацией синтетического сетчатого протеза и дренированием подкожной клетчатки по Редону.

У больных, оперированных в плановом порядке, летальных исходов отмечено не было. Системные осложнения возникли у 3 (2,6 %) из 114 (100 %): ТЭЛА – у 2 (1,8 %) и ОНМК – у 1 (0,9 %). Местные осложнения возникли – у 11 (9,6 %) (серома послеоперационной раны).

В соответствии с резолюцией Российского герниологического общества 2008 года, под натяжной протезирующей пластикой следует понимать полное устранение грыжевого дефекта путем сшивания краев апоневроза с дубликатурой или без нее, соблюдая принцип ненапряжения. Протез при этом не замещает грыжевой дефект, а играет роль дополнительного укрепления апоневротической пластики.

В сравниваемой группе пластика грыжевых ворот в модификации А.В. Вишневого выполнена 29 (32,6 %) пациентам; пластика по Сапежко – 41 (46,1 %); контактная пластика – 19 (21,3 %). Резекция тонкой кишки выполнялась 25 (28,1 %) пациентам. Подкожная клетчатка дренирована у 64 (71,9 %) больных.

Из 89 пациентов, оперированных в экстренном порядке, ущемленная послеоперационная вентральная грыжа сопровождалась клинической картиной: острой кишечной непроходимости – у 29 (32,6 %); перитонита – у 17 (19,1 %); флегмоной грыжевого мешка и некрозом петель кишечника – у 20 (22,5 %) пациентов, что не позволило использовать синтетический сетчатый протез.

У пациентов, оперированных по экстренным показаниям, зарегистрировано 22 (24,7 %) системных осложнений: тромбоэмболия легочной артерии в 9 (10,1 %) случаях, ОНМК – в 1 (1,1 %), инфаркт миокарда – в 1 (1,1 %), двусторонняя пневмония – в 11 (12,4 %).

Местные осложнения отмечены у 39 (43,8 %) больных, из них: серома – у 27 (30,3 %), нагноение послеоперационной раны – у 12 (13,5 %).

Летальный исход наступил у 16 (17,9 %) пациентов второй группы. Причиной смерти в 6 (6,8 %) случаях явилась тромбоэмболия легочной артерии, в 1 (1,1 %) – острый инфаркт миокарда, в 1 (1,1 %) – острое нарушение мозгового кровообращения, в 8 (8,9 %) – полиорганная недостаточность.

Выводы

1. Социально-гигиенической особенностью старшей возрастной группы пациентов является наличие широкого спектра тяжелой сопутствующей патологии.
2. На фоне соответствующей патогенетически обоснованной предоперационной подготовки не происходит существенного подъема внутрибрюшного давления и значимой легочной гипертензии.
3. У оперированных в плановом порядке системные осложнения в раннем послеоперационном периоде наблюдаются в 3 раза реже, что ведет к значительному снижению летальности.

Библиография

1. Егиев В.Н. Атлас хирургии грыж. М.: Медпрактика, 2003. 169 с.
2. Байсиев А.Х., Давыденко В.В., Лапшин А.С., Хаиров А.М. Сравнительный анализ течения раннего послеоперационного периода у пациентов с послеоперационными вентральными грыжами после различных способов ненапряжной герниопластики // Вестник хирургии им. И.И. Грекова. 2014. Т. 173, № 3. С. 24–27.
3. Егиев В.Н., Чижов Д.В. Проблемы и противоречия «ненапряжной» герниопластики // Герниология. 2004. № 4. С. 3–7.
4. Савельев В.С. Послеоперационные венозные тромбоэмболические осложнения: фатальная неизбежность или контролируемая опасность? // Хирургия. 1999. № 6. С. 60–63.
5. Самарцев В.А., Сандаков П.Я., Семков Н.Г. Выбор способа герниопластики при вентральных грыжах с учетом показателей центральной гемодинамики и внутрибрюшного давления // Материалы VII конференции «Актуальные вопросы герниологии». М., 2010. С. 206–207.
6. Blinderman C., Lapid O., Shaked G. Abdominal compartment syndrome in a burn patient // Isr. Med. Ass. J. 2002. V. 4, N 10. P. 883–834.
7. Eriksen J.R., Poornoroozy P., Jorgensen L.N. Pain, quality of life and recovery after laparoscopic ventral hernia repair // Hernia. 2009. V. 13, N 1. P. 13–21.
8. Kingsnorth A.N., Shahid M.K., Valliattu A.J. Open onlay mesh repair for major abdominal wall hernias with selective use of components separation and fibrin sealant // World J. Surg. 2008. V. 32, N 1. P. 26–30.
9. Nieuwenhuizen J., Kleinrensink G.J., Hop W.C.J. Indications for incisional hernia repair: an international questionnaire among hernia surgeons // Hernia. 2008. V. 12, N 3. P. 223–225.
10. Карпунина Н.С., Плаксин С.А., Агафонов А.В. Роль эхокардиографии в диагностике легочной гипертензии у оперированных больных с сопутствующей кардиоваскулярной патологией // Материалы тезисов V съезда Российской ассоциации специалистов ультразвуковой диагностики в медицине. Пермь: ПГМА, 2006. 126 с.
11. Неклюдова Г.В., Калманова Е.Н. Роль эхокардиографии в диагностике легочной гипертензии // Consilium medicum. Болезни сердца и сосудов (актуальные и спорные вопросы). 2006. № 2. С. 42–50.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АОРТАЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ И ЖЕСТКОСТИ СОСУДОВ У БОЛЬНЫХ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2 ТИПА И АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНИЕЙ

*Хоконова Т.М., Уметов М.А., Сижазева С.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*tomek83@mail.ru

Исследуются параметры центрального давления в аорте и жесткости сосудов у больных артериальной гипертонией в сочетании с сахарным диабетом 2 типа, а также у пациентов с артериальной гипертонией без нарушения углеводного обмена.

Ключевые слова: артериальная гипертония, центральное аортальное давление, жесткость сосудистой стенки, суточное мониторирование.

STUDY OF CENTRAL AORTIC PRESSURE PARAMETERS AND CAP VESSEL STIFFNESS FOR PATIENTS WITH TYPE 2 DIABETES AND HYPERTENSION

Khokonova T.M., Umetov M.A., Sizhazheva S.H.

Kabardino-Balkarian State University

We study the parameters of central aortic pressure and rigidity of blood vessels for patients with arterial hypertension and type 2 diabetes mellitus as well as for patients with hypertension without violation of carbohydrate metabolism.

Keywords: arterial hypertension, central aortic pressure, rigidity of the vascular wall, daily monitoring.

По прогнозам Всемирной Организации Здравоохранения, к 2025 году по сравнению с сегодняшним днем ожидается увеличение числа больных сахарным диабетом (СД) в 2–3 раза, которое достигнет 300 млн человек. Сердечно-сосудистые осложнения являются основной причиной инвалидизации и смерти больных СД [1, 2].

Важное значение в патогенезе многих заболеваний сердечно-сосудистой системы играют повышение центрального давления в аорте (ЦАД), жесткости сосудов и снижение эластичности крупных артерий [3, 4].

ЦАД является наиболее интегративным гемодинамическим показателем [5], величина которого зависит от сердечного выброса, периферического сосудистого сопротивления, жесткости артерий крупного и среднего калибра, а также величины отраженной волны (рис. 1).

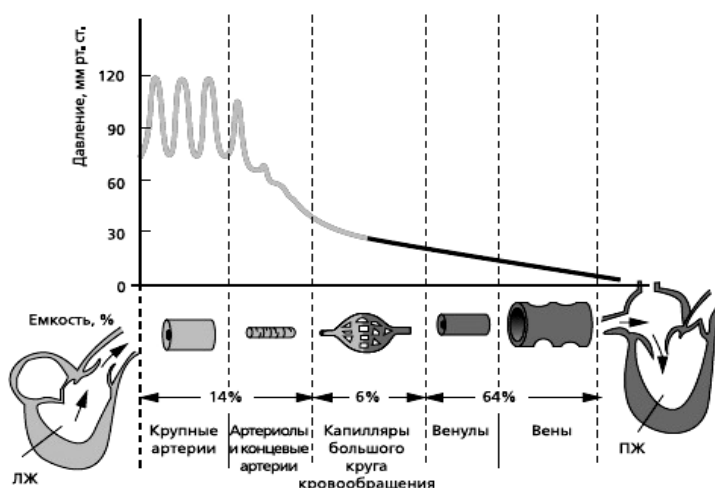

Рис. 1. Уровень давления и распределение объемов крови в различных отделах сосудистого русла большого круга кровообращения

Пульсирующий характер изменений давления в аорте обусловлен тем, что при каждом сокращении сердца в нее попадает объем крови, равный величине ударного выброса [6, 7].

«Золотым стандартом» для измерения ригидности крупных сосудов в настоящее время считается определение индекса отраженной волны – индекса аугментации (ИА) (рис. 2).

Рис. 2. Оценка жесткости артерий по характеристикам периферической пульсовой волны

Примечание: $SI \text{ рост}/\Delta t$ (м/с), где SI – индекс жесткости (скорость распространения пульсовой волны); рост – рост пациента в метрах; Δt – время между пиками прямой и отраженной пульсовых волн в секундах

В связи с этим, одно из ведущих мест отводится изучению роли сосудистой стенки в патогенезе СД 2 типа в сочетании с артериальной гипертензией (АГ). Ряд исследований указывают на то, что независимым фактором кардиоваскулярного риска является повышение жесткости артериального русла: при этом выше риск инсульта, ИБС, расслаивающей аневризмы аорты, общей смертности от сердечно-сосудистых заболеваний [8] (рис. 3).

Рис. 3. Артериальная жесткость как фактор кардиоваскулярного риска

О признании прогностической значимости артериальной жесткости говорит тот факт, что в последнюю редакцию Европейских рекомендаций по АГ в качестве признака поражения органов мишеней включена сонно-бедренная скорость пульсовой волны [9, 10]. Особенно важна оценка артериальной жесткости среди лиц, у которых она заведомо может быть повышена. Эта категория пациентов представлена в большинстве своем пациентами с наличием преимущественно СД 2 типа в сочетании с АГ. У данной группы больных исследование параметров артериальной жесткости является одним из главных факторов развития АГ у пациентов старших возрастов за счет выхода на первый план феномена отражения пульсовой волны. В настоящее время существует ряд методов оценки жесткости крупных артерий, однако их значимость в диагностике продолжает уточняться [11, 12]. Проблема заключается в том, что многие методики малодоступны практическому здравоохранению. В последние годы наметилась тенденция включения алгоритмов определения артериальной жесткости в приборы для суточного мониторинга артериального давления (СМАД), однако суточная динамика жесткости артериального русла изучена недостаточно [13]. Не до конца изученными представляются вопросы о взаимовлиянии показателей СМАД, уровня риска и показателей артериальной жесткости. Предполагается, что ответы на поставленные вопросы послужат повышению эффективности диагностики повышенной жесткости артериального русла как состояния, обуславливающего рост сердечно-сосудистого риска.

Все вышеизложенное определило выбор цели и задач настоящего исследования.

Цель исследования. Изучить роль показателей СМАД в оценке ЦАД и жесткости сосудистой стенки у пациентов с СД 2 типа как в сочетании с АГ 2 и 3 степени тяжести, так и без нее.

Материалы и методы. Обследовано 42 больных с СД 2 типа и АГ 2 и 3 степени тяжести в возрасте $58,2 \pm 4,5$ лет. Из них 30 мужчин и 12 женщин. Группу сравнения составили 22 больных с АГ 2 и 3 степени тяжести без нарушений углеводного обмена, 18 больных с СД 2 типа без АГ, группу контроля – 20 клинически здоровых лиц. Все обследованные были сопоставимы по возрастному и половому составу.

Измерение параметров ЦАД и жесткости сосудистой стенки проводилось с помощью суточного монитора АД компании «Петр Телегин» (Россия) и программного комплекса BPLab. Статистическую обработку проводили с использованием пакета прикладных программ Statistica 10,0.

Результаты и обсуждение. Результаты суточного мониторинга ЦАД представлены в таблице.

Таблица

Показатели ЦАД у обследуемых групп пациентов

Показатели ЦАД	1 группа (СД2+АГ)	2 группа (АГ)	3 группа (СД2)	4 группа (здоровые)
САДао, мм рт.ст.	139,5±5,26*	133,5±2,24*	131,5±2,20	103,1±2,31
ДАДао, мм рт.ст.	79,0±3,97	78,0±0,89	75,5±1,83	72,1±0,79
СрАДао, мм рт.ст.	104,0±5,93*	98,0±3,39*	91,3±2,10	84,7±1,13
ПАДао, мм рт.ст.	68,4±4,01*	59,6±3,67*	44,0±1,85	38,1±1,39
Индекс аугментации в аорте (АIх _{ао}), %	36,3±4,67*	29,0±3,62*	23,7±2,09	15,7±1,27
Индекс аугментации в аорте (АIх _{ао}), %, приведенный к ЧСС=75 уд./мин	30,9±4,48*	26,2±3,54*	24,2±1,98	18,8±1,91
Амплификация пульсового давления (РРА), %	117,2±5,07*	121,5±4,59*	127,9±2,03	135,9±2,17
Амплификация пульсового давления (РРА), %, приведенная к ЧСС=75	119,3±4,31*	124,8±3,27	129,4±2,08	137,4±1,95
Длительность периода изгнания (ЕD), мс	354,0±5,24	369,7±4,34	342,9±4,24	344,1±5,67
Длительность периода изгнания (ЕD), мс, приведенная к ЧСС=75 уд./мин	367,5±5,18	353,6±6,25	348,3±5,88	338,4±4,93

* *Примечание:* различия достоверны по отношению к показателям группы сравнения – здоровых ($p < 0,05$)

Исходя из полученных данных видно, что наибольшие изменения параметров ЦАД (систолическое АД в аорте – САДао, среднее АД в аорте – СрАДао, центральное пульсовое АД-ПАДао, индекс аугментации в аорте – АIх_{ао}) отмечены в группе больных с сочетанной патологией.

При оценке упруго-эластических свойств сосудистой стенки у обследованных больных отмечено достоверное снижение времени распространения пульсовой волны (РТТ) на 28 % у больных АГ 2 и 3 степени тяжести без нарушений углеводного обмена, на 19 % у больных с СД 2 типа без АГ, и на 48 % у больных с СД 2 типа и АГ 2 и 3 степени тяжести в сравнении с контролем (164,8±1,7 мс). Максимальная скорость нарастания АД (dPdt)_{max}, косвенно отражающая нагрузку на стенки сосудов во время прохождения пульсовой волны, была снижена в 1,6 раз ($p < 0,01$) у больных АГ, в 1,1 раз у больных с СД 2 типа без АГ, и в 2,0 раза – у пациентов с сочетанием СД 2 типа и АГ 2 и 3 степени тяжести по сравнению с группой контроля. Индекс ригидности (ASI) у больных АГ, СД 2 типа без АГ и у пациентов с сочетанием СД 2 типа и АГ на 21 %, 15 % и 43 % соответственно превышал контрольные значения. Индекс аугментации (прироста) А/х увеличился у больных групп сравнения: в 2,5 раза ($p < 0,01$) у больных АГ, в 1,7 раз ($p < 0,01$) у больных с СД 2 типа без АГ, а при сочетании 2 типа СД и АГ – в 3,9 раз ($p < 0,01$) по сравнению с контрольной группой (рис. 4).

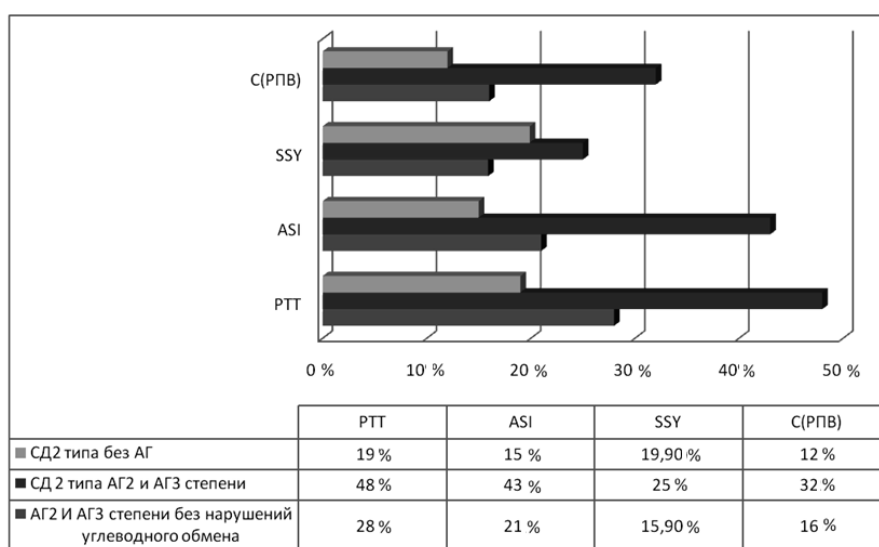

Рис. 4. Изменение показателей жесткости сосудов у групп исследования в сравнении с больными без СД2 типа и АГ

Примечание: на рисунке отражено повышение показателей жесткости артерий в группе больных СД2 с АГ2 и АГ3 степени в процентах (%), по сравнению с показателями в группе сравнения, данные которых приняты за 0 % в основании диаграммы

Выявленные изменения свидетельствуют о снижении упруго-эластических свойств сосудов у обследованных больных; достоверно более выраженные нарушения определены у больных СД 2 типа в сочетании с АГ 2 и 3 степени тяжести. Установлено повышение систолического индекса площади (SSY) на 15,9 %, 11,9 % и 25 %, соответственно у больных АГ, с СД 2 типа без АГ и при сочетании АГ с СД 2 типа. Определение скорости распространения пульсовой волны (СРПВ), являющейся критерием жесткости сосудистой стенки, выявило, что у больных с сочетанной патологией СРПВ на 32 % ($p<0,01$) превышала уровень контрольной группы ($133,3\pm 1,5$ м/с), у больных с АГ без нарушений углеводного обмена – на 16 % ($p<0,01$), у пациентов с СД 2 типа без АГ – на 12 % ($p<0,01$).

Выводы:

1. У больных с нарушением углеводного обмена и дополнительными факторами риска сердечно-сосудистых осложнений, по данным СМАД, выявляется повышенная жесткость сосудов, а также показателей ЦАД.
2. У пациентов с СД 2-го типа неудовлетворительная компенсация углеводного обмена значительно влияет на повышение скорости пульсовой волны.
3. Оценка параметров жесткости сосудов и ЦАД необходима для стратификации индивидуального риска сердечно-сосудистых осложнений.
4. В ходе исследования установлено, что повышение параметров ЦАД, жесткости и снижение эластичности артериального русла наиболее выражены у больных СД 2 типа в сочетании с АГ.

Библиография

1. Диагностика и лечение артериальной гипертензии. Российские рекомендации. Приложение 2 к ж. Кардиоваскулярная терапия и профилактика. М., 2008.
2. Кардиология. Национальное руководство. Краткое издание / под ред. Ю.Н. Беленкова, Р.Г. Оганова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. С. 223–321.
3. Новые возможности оценки артериальной ригидности раннего маркера развития сердечно-сосудистых заболеваний: материалы симпозиума. М.: Русский врач, 2007. 48 с.
4. Иванов С.В., Рябиков А.Н., Малютина С.К. Жесткость сосудистой стенки и отражение пульсовой волны в связи с артериальной гипертензией // Бюллетень СО РАМН. 2008. № 3 (131). С. 9–12.
5. Guidelines for the management of arterial hypertension. The task force for the management of arterial hypertension of the ESH and ESC // Hypertens. 2007. V. 25, N 6. P. 1105–1187.
6. Недогода С.В., Чаляби Т.А. Сосудистая жесткость и скорость распространения пульсовой волны: новые факторы риска сердечно-сосудистых осложнений и мишени для фармакотерапии // Consilium Medicum: болезни сердца и сосудов. 2006. № 4. С. 25–29.
7. Недогода С.В. Пульсовое АД – важная мишень для антигипертензивной терапии // Актуальные вопросы артериальной гипертензии. 2005. № 12. С. 7–10.
8. Laurent S., Cockcroft J., Bortel L. van. European network for non-invasive investigation of large arteries. Expert consensus document on arterial stiffness: methodological issues and clinical applications // Eur. Heart J. 2006. N 21. P. 2588–2605.
9. Рогоза А.Н., Балахонова Т.В., Чихладзе Н.М. Современные методы оценки состояния сосудов у больных артериальной гипертензией. М.: Атмосфера, 2008. 72 с.
10. Chen C.H., Nevo E., Fetics B. Estimation of central aortic pressure waveform by mathematical transformation of radial tonometry pressure: validation of generalized transfer function // Circulation. 1997. V. 95. P. 1827–1836.
11. Олейников В.Э., Матросова И.Б., Борисочева Н.В. Клиническое значение исследования ригидности артериальной стенки // Кардиология. 2009. Ч. 1, № 1. С. 59–64.
12. Пшеницин А.И., Мазур Н.А. Суточное мониторирование артериального давления. М.: Медпрактика-М, 2007. 216 с.
13. Gosse P., Lasserre R., Minifie C. et al. Arterial stiffness evaluated by measurement of the QKD interval is an independent predictor of cardiovascular events // American Journal of Hypertension. 2005. N 18. P. 470–476.

**ВЛИЯНИЕ ИЗОЛЯЦИИ ПРОТЕЗА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ
У ПАЦИЕНТОВ С ПОСЛЕОПЕРАЦИОННЫМИ ВЕНТРАЛЬНЫМИ ГРЫЖАМИ
ПОСЛЕ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ НЕНАТЯЖНОЙ ГЕРНИОПЛАСТИКИ**

Байсиев А.Х.¹, Захохов Р.М.², Давыденко В.В.¹, Лапшин А.С.¹, *Хаиров А.М.³

¹*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова*

²*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

³*Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет*

*amhair@mail.ru

В работе на основе анализа отдаленных результатов хирургического лечения определены преимущества модифицированного способа Тоскина–Жебровского по сравнению со стандартным способом ненатяжной герниопластики при лечении послеоперационных вентральных грыж. Данный способ позволяет уменьшить вероятность развития рецидивов и хронических лигатурных свищей, тем самым улучшает качество жизни пациентов.

Ключевые слова: послеоперационная вентральная грыжа, ненатяжная протезирующая пластика.

**INSULATION EFFECT OF THE PROSTHESIS ON THE RESULTS
OF SURGICAL TREATMENT IN PATIENTS WITH POSTOPERATIVE VENTRAL
HERNIAS AFTER VARIOUS WAYS PULL HERNIOPLASTICS**

Baisiev A.H.¹, Zahohov R.M.², Davydenko V.V.¹, Lapshin A.S.¹, Hairrov A.M.³

¹*Petersburg State Medical University named after academician I.P. Pavlov*

²*Kabardino-Balkarian State University; ³St. Petersburg State Pediatric Medical University*

In this paper based on the analysis of long-term results of surgical treatment of defined benefits of the modified method Toskin–Zhebrovsky compared to the standard method pull hernioplastics in the treatment of postoperative ventral hernias. This method can reduce the likelihood of recurrence and chronic ligature fistulas, there by improving the quality of life of patients.

Keywords: postoperative ventral hernia, tension-free prosthetic repair.

Актуальность. Послеоперационные вентральные грыжи (ПВГ) являются распространенной патологией в практике плановой и экстренной хирургии, количество их не имеет тенденции к снижению [1–5]. Результаты хирургического лечения ПВГ нельзя считать удовлетворительными: рецидивы наблюдаются от 5 до 61 % пациентов [1, 2, 6, 7]. Общеизвестной тактикой в хирургическом лечении ПВГ с шириной грыжевых ворот более 5 см является использование ненатяжной герниопластики [1, 8–10]. Одним из наиболее распространенных в практической хирургии является метод с наднапоневротическим расположением протеза ввиду простоты его исполнения. Ведущую роль в возникновении рецидивов ПВГ играет развитие гнойно-воспалительных осложнений раны [1, 2, 10].

Несмотря на многие преимущества протезирующей герниопластики, при использовании синтетических материалов возникает другая проблема – биосовместимость. Вследствие этого нередко в послеоперационном периоде наблюдается длительная продукция реактивной серозной жидкости вокруг протеза с формированием сером, что требует проведения мер профилактики развития инфильтратов, нагноений, лигатурных свищей [2, 3, 5].

Существуют разные варианты выполнения ненатяжной герниопластики при устранении послеоперационных грыж с шириной ворот более 5 см (W2 по классификации J.P. Chevrel, A.M. Rath, 1999). Чаще всего в этих случаях хирурги после резекции грыжевого мешка располагают и фиксируют над ним сетчатый протез к грыжевым воротам, при этом поверхность протеза непосредственно контактирует с подкожно-жировой клетчаткой. Этот контакт способствует возникновению сером в зоне операции и может стать причиной нагноения раны.

Вместе с тем, в литературе существует предложение не иссекать грыжевой мешок, а после его продольного рассечения на две половины уложить сетчатый протез между его лоскутами и фиксировать к грыжевым воротам [2, 6]. Предполагается, что это повышает прочность зоны операции [2]. Вместе с тем, учитывая всасывающую способность мезотелия брюшины, этот способ может уменьшать продукцию реактивной жидкости в области протеза. Однако специальных исследований этого вопроса не проводилось, что и обусловило своевременность данного исследования.

Цель работы. Сравнить отдаленные результаты хирургического лечения ПВГ при использовании двух вариантов ненатяжной герниопластики: при расположении сетчатого протеза в контакте с подкожно-жировой клетчаткой и при изоляции протеза от жировой клетчатки лоскутом грыжевого мешка.

Материал и методы. Клинический материал представлен 64 случаями хирургического лечения больных с ПВГ, оперированных в клинике госпитальной хирургии № 2 с 2007 по 2013 гг. методами ненатяжной герниопластики. В зависимости от метода выполнения ненатяжной герниопластики больные были разделены на 2 группы. По классификации SWR [3], ширина грыжевых ворот (W) у 19 (29,7 %) человек соответствовала W-2 (10 пациентов основной группы и 9 пациентов группы сравнения), у 29 (45,3 %) пациентов – W-3 (13 пациентов основной группы и 16 пациентов группы сравнения) и у 16 больных (25 %) – W-4 (7 пациентов основной группы и 9 пациентов группы сравнения).

Грыжи имели срединную локализацию (М) у 47 пациентов (73,4 %) – 23 пациентов основной группы и 24 пациентов группы сравнения. Латеральная локализация (L) наблюдалась у 9 пациентов (14,1 %): 3 пациентов основной группы и 6 пациентов группы сравнения, а ML – у 8 пациентов (12,5 %) – по 4 пациента в каждой группе. Рецидивные и рецидивирующие грыжи зарегистрированы в 7 (10,9 %) и в 3 (4,7 %) случаях соответственно – по 5 в каждой

группе. Как видно, пациенты в исследуемых группах были сопоставимы по ширине и локализации грыжевых ворот. Также группы были сопоставимы по количеству пациентов с рецидивными и рецидивирующими грыжами.

В исследуемой группе было 44 (68,8 %) женщины и 20 (31,2 %) мужчин. Средний возраст пациентов составил $61,5 \pm 5,1$. В возрастной группе от 36 до 45 лет находилось 6 (9,4 %) больных, от 46 до 60 лет – 19 (29,7 %) пациентов, от 61 до 74 лет – 36 (56,3 %) больных, от 75 до 89 лет – 3 (4,7 %) пациента. Избыточная масса тела выявлена у 25 (39,1 %) пациентов, ожирение I ст. – у 21 (32,8 %), ожирение II ст. – у 4 (6,3 %) и ожирение III ст. – у 2 (3,1 %) больных. У 12 пациентов (18,6 %) показатели ИМТ находились в пределах нормы. Людей с дефицитом массы тела среди оперированных не было. Пациенты были сопоставимы по полу, возрасту, ИМТ, характеру и частоте сопутствующей патологии (табл. 1).

Таблица 1

Сопутствующие заболевания в группе обследованных пациентов (n=64)

Нозология	Количество больных (n, %):	
	Основная группа	Группа сравнения
Патология сердечно-сосудистой системы	25 (82,5 %)	23 (67,6 %)
Постинфарктный кардиосклероз	3 (9,9 %)	3 (8,8 %)
Гипертоническая болезнь II–III ст.	21 (69,3 %)	23 (67,6 %)
Риск ССО 4	17 (56,1 %)	15 (44,1 %)
Нарушение ритма сердца	3 (9,9 %)	5 (14,7 %)
Хроническая сердечная недостаточность	4 (13,2 %)	6 (17,6 %)
ОНМК в анамнезе	0 (0 %)	1 (2,9 %)
Сахарный диабет II тип	4 (13,2 %)	3 (8,8 %)
Заболевания мочеполовой системы	4 (13,2 %)	3 (8,8 %)
Хроническая обструктивная болезнь легких	5 (16,5 %)	1 (2,9 %)
Варикозная болезнь вен нижних конечностей	17 (56,1 %)	21 (61,7 %)
Без признаков ХВН	3 (9,9 %)	4 (11,9 %)
С признаками ХВН	14 (46,2 %)	17 (50 %)
Пациенты без сопутствующей патологии	5 (16,5 %)	7 (20,6 %)

Основная группа – 30 человек (46,9 %) – оперированы с расположением протеза между лоскутами грыжевого мешка по типу метода Тоскина–Жебровского в модификации, принятой в клинике госпитальной хирургии № 2: в отличие от оригинального метода фиксация протеза производилась не узловыми, а непрерывным швом полипропиленовой нитью 2/0 к грыжевым воротам, и обязательным условием было попадание в шов заднего листка влагалища прямой мышцы живота (рис. 1).

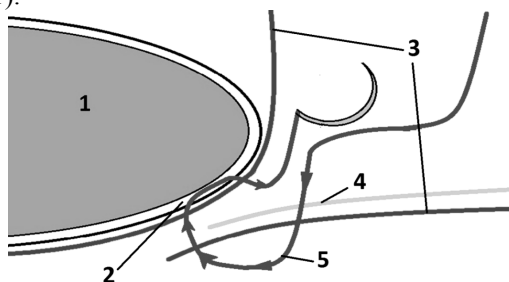

Рис. 1. Схема фиксации сетчатого эндопротеза: 1 – прямая мышца живота, 2 – задний листок влагалища прямой мышцы живота, 3 – лоскуты рассеченного грыжевого мешка, 4 – сетчатый протез, 5 – направление и ход обвивного шва (линия фиксации эндопротеза)

При этом протез изолировался от подкожно-жировой клетчатки лоскутом грыжевого мешка (рис. 2).

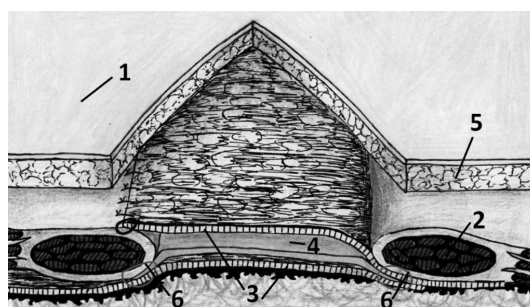

Рис. 2. Схема авторского способа ненатяжной герниопластики: 1 – кожа, 2 – мышцы, 3 – лоскуты рассеченного грыжевого мешка, 4 – сетчатый протез, 5 – подкожно-жировая клетчатка, 6 – линия фиксации протеза к грыжевым воротам

В группу сравнения вошли 34 пациента (53,1 %). У них грыжевой мешок иссекался, а протез фиксировался к грыжевым воротам поверх апоневроза и непосредственно контактировал с подкожно-жировой клетчаткой. Всем пациентам проводилась периоперационная антибиотикопрофилактика. Во всех случаях производилось дренирование подкожной жировой клетчатки по Редону. У всех пациентов использовался сетчатый полипропиленовый протез фирмы Johnson&Johnson (США).

В отдаленном периоде повторно были обследованы все 64 оперированных пациента. Минимальный срок отдаленного наблюдения составил 12 месяцев, максимальный – 36 месяцев, средний срок наблюдения составил 26±8. Сведения о каждом пациенте были внесены в базу данных. Спустя 12 месяцев после операции, а в дальнейшем 1 раз в год или по требованию больного каждый пациент приглашался в клинику и обследовался на предмет наличия рецидива грыжи и свища. Для этого наряду с физикальным обследованием также выполняли УЗИ зоны операции. Это позволяло с высокой долей достоверности делать вывод о наличии/отсутствии рецидива послеоперационной вентральной грыжи.

При контрольном осмотре в отдаленный период после операции всем пациентам для оценки качества жизни проводилось анкетирование с использованием опросника SF-36 Health Status Survey. Опросник SF-36 относится к неспецифическим опросникам для оценки качества жизни. 36 пунктов объединены в 8 шкал. В каждой шкале показатели варьируют от 0 до 100, чем выше оценка – тем выше уровень качества жизни. Шкалы опросника отражают физическое и душевное состояние.

Результаты и их обсуждение. В отдаленные сроки наблюдения у пациентов основной группы рецидивов послеоперационной вентральной грыжи не было, а в группе сравнения рецидивы наблюдались у двух пациентов. Также у пациентов группы сравнения выявлены 2 случая хронических лигатурных свищей в зоне операции. Результаты оценки качества жизни представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки качества жизни с помощью опросника SF-36

Шкала опросника SF-36:	Минимальное значение (%):		Максимальное значение (%):		Среднее значение (%):	
	ОГ	ГС	ОГ	ГС	ОГ	ГС
1. Physical Functioning (PF)	79	82	95	90	81,4	79
2. Role-Physical (RP)	76	70	100	90	83,3	76
3. Bodily Pain (BP)	81	65	98	95	93,4	70
4. General Health (GH)	62	64	100	100	73,6	74,5
5. Vitality (VT)	65	66	92	89	70,3	71
6. Social Functioning (SF)	60	50	100	95	80,1	75,3
7. Role-Emotional (RE)	69	70	100	100	85,3	84,7
8. Mental Health (MH)	70	65	98	100	80,6	79,2

Как видно из табл. 2, средние значения выраженности болевого синдрома (BodilyPain–BP) и ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием (Role-PhysicalFunctioning – RP), в основной группе выше, что свидетельствует о хороших результатах.

Большинство исследователей считают, что избыточное количество серозной жидкости вокруг протеза возникает вследствие контакта синтетического материала с подкожной жировой клетчаткой [1, 2, 6, 7, 10, 11]. В случае расположения протеза между лоскутами грыжевого мешка, к нему с одной стороны прилежит мезотелий, что обеспечивает частичную абсорбцию реактивной жидкости брюшиной и снижает частоту возникновения сером [1, 6, 7, 10, 11]. Как следствие уменьшается частота возникновения воспалительных изменений со стороны раны в области герниопластики, что ведет к уменьшению рецидивов и хронических лигатурных свищей [1, 2, 6, 7]. Этим можно объяснить зарегистрированное в данном исследовании уменьшение рецидивов и хронических лигатурных свищей, а также улучшение качества жизни.

Вывод: при выполнении ненапряжной герниопластики у пациентов с ПВГ изоляция протеза от подкожно-жировой клетчатки лоскутом грыжевого мешка снижает частоту рецидивов и образования лигатурных свищей, что улучшает результаты лечения ПВГ.

Библиография

1. Байсиев А.Х., Давыденко В.В., Лапшин А.С., Хаиров А.М. Сравнительный анализ течения раннего послеоперационного периода у пациентов с послеоперационными вентральными грыжами после различных способов ненапряжной герниопластики // Вестник хирургии им. И.И. Грекова. 2014. Т. 173, № 3. С. 24–27.
2. Егиев В.Н., Чижов Д.В. Проблемы и противоречия «ненапряжной» герниопластики // Герниология. 2004. № 4. С. 3–7.
3. Chevrel J.P., Rath A.M. Classification of incisional hernias of abdominal wall // Hernia. 2000. № 4. P. 1–7.
4. Oliver-Allen H.S., Hunter C., Lee G.K. Abdominal compartment syndrome as a rare complication following component separation repair: case report and review of the literature // Hernia. 2015. V. 19, N 2. P. 293–9.
5. Webb D., Stoikes N., Voeller G. Evolution of mesh fixation for hernia repair // Surg. Technol. Int. 2014. V. 25. P. 123–129.

6. Белоконов В.И. Патогенез и хирургическое лечение послеоперационных вентральных грыж. Самара: Перспектива, 2005. 208 с.
7. Жебровский В.В., Эльбашир М.Т. Хирургия грыж живота и эвентраций. Симферополь: Бизнес информ, 2002. 440 с.
8. Ермолов А.С., Алексеев А.К., Упырев А.В., Ильичев В.А., Горчаков В.К. Выбор способа пластики послеоперационных грыж живота полипропиленовыми эндопротезами // Хирургия. 2005. № 8. С. 16–21.
9. Лубянский В.Г., Колобова О.И., Оношкин В.В., Костина Ю.П. Патогенез и профилактика венозных тромбозных осложнений при больших вентральных грыжах // Хирургия. 2008. № 1. С. 30–32.
10. Ромашкин-Тиманов М.В. Морфофункциональное обоснование хирургических методов лечения послеоперационных вентральных грыж брюшной стенки: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2007. 33 с.
11. Борисов А.Е., Малкова С.К., Тоидзе В.В. Применение полипропиленовой сетки при больших и гигантских грыжах передней брюшной стенки // Вестник хирургии. 2002. Т. 161, № 6. С. 76–78.

**ОСОБЕННОСТИ ТРОМБОЦИТАРНОГО ЗВЕНА СИСТЕМЫ ГЕМОСТАЗА
В БЛИЖАЙШЕМ ПОСЛЕОПЕРАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ У ПАЦИЕНТОВ
С РАЗЛИЧНЫМИ ТРАВМАМИ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ**

***Масляков В.В., Барсуков В.Г., Суханов С.А., Куркин К.Г.**

Саратовский медицинский институт «РЕАВИЗ»

***maslyakov@inbox.ru**

В результате проведенного исследования установлено, что у пациентов с ранением груди на изменения агрегационной активности тромбоцитов оказывает влияние характер ранения. Более выраженные изменения выявлены при огнестрельном ранении. Так, в этой группе изменения отмечаются с третьих послеоперационных суток, когда отмечается увеличение максимальной степени агрегации тромбоцитов, максимальной скорости агрегации тромбоцитов и максимального размера тромбоцитарных агрегатов, данные показатели восстанавливаются на пятые послеоперационные сутки. Все это необходимо учитывать при ведении таких больных.

Ключевые слова: ранения грудной клетки, тромбоцитарное звено гемостаза, агрегация тромбоцитов.

**FEATURES OF THE PLATELET LINK OF SYSTEM OF THE HEMOSTASIS IN THE NEXT
POSTOPERATIVE PERIOD AT PATIENTS WITH VARIOUS INJURIES OF THE THORAX**

Maslyakov V.V., Barsukov V.G., Sukhanov S.A., Kurkin K.G.

Saratov Medical Institute «REAVIZ»

As a result of the conducted research it is established that at patients with wound of a breast nature of wound has impact on changes of aggregation activity of platelets. More expressed changes are revealed at a gunshot wound. So, in this group of change are noted from third postoperative day when the increase in the maximum extent of aggregation of platelets is noted, the maximum speed of aggregation of platelets and the maximum size the trombositarnykh of units, these indicators are restored for the fifth postoperative days. All this needs to be considered when maintaining such patients.

Keywords: thorax wounds, trombositarny link of a hemostasis, aggregation of platelets.

Введение. В настоящее время травматические повреждения являются главной причиной смерти, а также временной и стойкой нетрудоспособности лиц моложе 40 лет. В структуре травматических повреждений ранения груди составляют 35–50 %. Проникающие колото-резаные и огнестрельные ранения встречаются в 12 % случаев. Ранения грудной клетки сопровождаются большим количеством осложнений, для них до сих пор характерны высокая летальность на месте происшествия и в лечебных учреждениях, не всегда удовлетворительные результаты лечения [1–5]. Известно, что изменения агрегационной активности тромбоцитов и их гликопротеиновых рецепторов оказывают влияние на течение ближайшего послеоперационного периода у пациентов с различными травмами, при этом выраженность этих изменений зависит от степени кровопотери [6]. В настоящее время в литературе недостаточно описаны изменения сосудисто-тромбоцитарного звена системы гемостаза у пациентов с различными повреждениями грудной клетки.

Цель. Изучить изменения сосудисто-тромбоцитарного звена системы гемостаза у пациентов с различными повреждениями грудной клетки в ближайшем послеоперационном периоде.

Материалы и методы. Для решения цели и задач исследования нами проведено изучение течения ближайшего послеоперационного периода и изменение агрегационной активности тромбоцитов и их рецепторного аппарата в зависимости от объема кровопотери у 23 пациентов, оперированных по поводу огнестрельных и колото-резаных ранений груди. Все пациенты находились на лечении в хирургическом стационаре городской больницы № 9 г. Грозного Чеченской Республики.

Из общего количества пациентов огнестрельные ранения груди были у 11 (47,8 %) пострадавших, все раненые имели проникающие ранения без повреждения внутренних органов (основная 1). Группу с проникающими колото-резаными ранениями грудной без повреждения внутренних органов составили 12 (52,1 %) пациентов (основная 2). Группу сравнения составили 15 относительно здоровых доноров-добровольцев того же возраста и пола. Обе основные группы были сопоставимы по возрасту, объему кровопотери и тяжести состояния. Согласно шкале тяжести состояния АРАСНЕ II, сумма баллов пострадавших составила от 12 до 19. Средний возраст составил 35 ± 2 лет. Всем пациентам были выполнены первичная хирургическая обработка (ПХО) и дренирование плевральной полости. У всех пациентов объем кровопотери составил 200–500 мл.

Критериями включения были: наличие проникающего ранения грудной клетки, наличие малого гемоторакса (скопление крови в плевральном синусе 200–500 мл). Критериями исключения: наличие кровопотери более 500 мл, наличие сочетанных и множественных повреждений. При определении степени кровопотери учитывались следующие факторы: артериальное давление, центральное венозное давление (ЦВД), пульс, диурез, количество гемоглобина, дефицит объема циркулирующей крови (ОЦК).

Исследование микроциркуляторного (тромбоцитарно-сосудистого) звена системы гемостаза проводилось в лаборатории гемостаза и реологии крови. Микроциркуляторное звено системы гемостаза оценивалось по функ-

циональной активности тромбоцитов. Определялась агрегация тромбоцитов методом, предложенным в 1989 году З.А. Габбасовым и соавт. [3], разработанным в КНЦ АМН РФ при помощи лазерного анализатора агрегации «Био-ла 230», сопряженного через интерфейс с IBM-совместимым компьютером.

Учитывались следующие показатели светопропускания:

1. Максимальная степень агрегации тромбоцитов – отношение оптической плотности на высоте агрегации тромбоцитов к исходной оптической плотности, % (МСАТ).
2. Максимальная скорость агрегации тромбоцитов – максимальный наклон кривой светопропускания, %/мин (МСкАТ).
3. Время достижения максимальной скорости агрегации, с (ВДМСА).
4. Максимальный размер тромбоцитарных агрегатов – максимальное значение среднего размера агрегатов после добавления индуктора, измеряемый в относительных единицах (МРТА).
5. Время достижения максимального размера тромбоцитарных агрегатов, с (ВДМРТА).
6. Время достижения наибольших тромбоцитарных агрегатов, с (ВДНТА).

Индукторами агрегации отмытых тромбоцитов были растительные лектины: конканавалин А (Con A), лектин зародышей пшеницы (WGA) и фитогемагглютинин Р – РНА-Р (фирма «Лектинотест», Украина). При исследовании агрегации к 300 мкл отмытых тромбоцитов после минутного термостатирования при 37 °С добавляли Con A, WGA и РНА-Р по 10 мкл в концентрации 32 мкг/мл.

Исследование показателей проводилось на первые, третьи, пятые, седьмые и десятые послеоперационные сутки.

Статистическая обработка полученных данных проводилась при помощи непараметрического метода U-критерия теста Mann-Whitney (пакет программ Statistica 6.0.). Рассчитывали среднее значение и ошибку средней величины ($M \pm m$).

Результаты и их обсуждение. Показатели агрегационной активности тромбоцитов, полученные в первые послеоперационные сутки, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели агрегационной активности тромбоцитов в первые сутки после операции у больных с ранениями грудной клетки ($M \pm m$)

Показатели	Результаты по видам ранения		Здоровые (n = 15)
	Огнестрельные (n = 12)	Колото-резаные (n = 12)	
МСАТ, %	55,2 ± 0,6*	56,12 ± 0,1*	54,11 ± 0,1
МСкАТ, %/мин	44,8 ± 0,2*	45,3 ± 0,2*	42,1 ± 0,2
ВДМСА, с	57,76 ± 0,1*	57,87 ± 0,1*	54,87 ± 0,1
МРТА, отн. ед.	36,2 ± 0,3*	37,3 ± 0,3*	34,2 ± 0,3
ВДМРТА, с	47 ± 0,2*	48,3 ± 0,2*	45,1 ± 0,2
ВДНТА, с	58 ± 0,2 *	56,4 ± 0,1*	54,9 ± 0,1

Примечание: * – знак достоверности различий по отношению к данным группы сравнения ($p < 0,05$)

Из представленных в табл. 1 данных видно, что в группе пациентов с колото-резаной раной грудной клетки полученные показатели не отличались от данных, полученных в группе сравнения. В то же время в группе пациентов с огнестрельной раной они были статистически достоверно повышены.

На третьи послеоперационные сутки у всех пациентов, независимо от вида выполненной операции, отмечалось незначительное, но статистически достоверное увеличение некоторых показателей агрегации тромбоцитов: максимальной степени агрегации тромбоцитов, максимальной скорости агрегации тромбоцитов и максимального размера тромбоцитарных агрегатов. Следует отметить, что в группе с колото-резаной раной эти показатели были повышены на 0,5 раза по сравнению с данными группы сравнения, а у пациентов с огнестрельной раной отмечено превышение этих показателей в 1,8 раз по сравнению с группой относительно здоровых людей.

На пятые послеоперационные сутки полученные результаты в группе пациентов с колото-резаной раной грудной клетки не изменились и соответствовали данным, полученным на третьи послеоперационные сутки. В то же время у пациентов с огнестрельной раной произошло частичное восстановление всех изучаемых показателей, выраженное в их снижении. Анализируемые показатели стали соответствовать данным, полученным в первые послеоперационные сутки.

К седьмым послеоперационным суткам показатели, характеризующие агрегационную активность тромбоцитов у пациентов с колото-резаной раной, полностью восстанавливались и соответствовали данным, полученным в группе сравнения. Однако результаты агрегатограммы в группе пациентов с огнестрельным ранением не изменялись и соответствовали данным, полученным на пятые послеоперационные сутки. Полное восстановление этих показателей происходило на десятые послеоперационные сутки.

Результаты изучения функциональной активности гликопротеиновых мембран тромбоцитов, индуцированных РНА-Р в дозе 32 мкг/мл, полученные в этой группе в зависимости от выполненной операции на селезенке в первые послеоперационные сутки у пациентов с колото-резаной раной грудной клетки, не отличались от данных группы сравнения, в то же время у пациентов с огнестрельным ранением отмечается статистически достоверное увеличение всех показателей. Данные показатели были превышены в 0,3 раза по сравнению с данными группы сравнения. Из этого следует, что в первые послеоперационные сутки у пациентов с огнестрельным ранением грудной клетки, сопровождающимся кровопотерей легкой степени, отмечается увеличение гликопротеиновых рецепторов, несущих участки b-D-галактозы. Результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA, в этой группе пациентов, полученные в первые послеоперационные сутки, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA, в группе пациентов с ранением грудной клетки, полученные в первые послеоперационные сутки

Показатели	Результаты по видам ранения		Здоровые (n = 15)
	Огнестрельные (n = 11)	Колото-резаные (n = 12)	
МСАТ, %	14,11 ± 0,1*	12,30 ± 0,1	12,26 ± 0,1
МСкАТ, %/мин	9,06 ± 0,3*	7,03 ± 0,4	7,02 ± 0,2
ВДМСА, с	48,9 ± 0,4*	46,7 ± 0,2	46,6 ± 0,1
МРТА, отн. ед.	138 ± 0,1*	130,3 ± 0,1	130,4 ± 0,2
ВДМРТА, с	15,16 ± 0,1*	12,31 ± 0,2	12,26 ± 0,1
ВДНТА, с	9,09 ± 0,3*	7,02 ± 0,2	7,02 ± 0,2

Примечание: * – знак достоверности различий по отношению к данным группы сравнения (p<0,05)

При проведении анализа данных, представленных в табл. 2, видно, что у пациентов колото-резаной раной полученные результаты не отличались от группы сравнения. В то же время в группе пациентов с огнестрельным ранением отмечается статистически достоверное увеличение всех исследуемых показателей. Из этого следует, что у пациентов этой группы происходит частичная активация участков рецепторов, содержащих N-ацетил-D-глюкозамина и N-ацетил-нейраминовой (сиаловой) кислоты в гликопротеиновых рецепторах мембран тромбоцитов.

Таблица 3

Результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином Con A, в группе пациентов с ранением грудной клетки, полученные в первые послеоперационные сутки

Показатели	Результаты по видам ранения		Здоровые (n = 15)
	Огнестрельные (n = 11)	Колото-резаные (n = 12)	
МСАТ, %	8,2 ± 0,1*	7,3 ± 0,1	7,2 ± 0,1
МСкАТ, %/мин	5,26 ± 0,3*	4,23 ± 0,4	4,22 ± 0,2
ВДМСА, с	46,9 ± 0,4*	44,7 ± 0,2	44,8 ± 0,1
МРТА, отн. ед.	157,2 ± 0,1*	151,3 ± 0,1	150,3 ± 0,2
ВДМРТА, с	8,6 ± 0,1*	7,3 ± 0,2	7,2 ± 0,1
ВДНТА, с	5,34 ± 0,3*	4,23 ± 0,2	4,22 ± 0,2

Примечание: * – знак достоверности различий по отношению к данным группы сравнения (p<0,05)

В табл. 3 представлены результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином ConA. Из этих данных видно, что в группе пациентов с колото-резаными ранениями грудной клетки исследуемые показатели не отличались от данных группы сравнения. В то же время в группе пациентов с огнестрельными ранениями все показатели были статистически достоверно повышены. Из этого следует, что агрегационная активность тромбоцитов у пациентов с огнестрельной раной грудной клетки повышается, в том числе и за счет гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки маннозы.

На третьи послеоперационные сутки у пациентов анализируемой группы отмечается увеличение всех показателей функциональной активности гликопротеиновых мембран тромбоцитов, индуцированных РНА-Р. При этом в группе пациентов с колото-резаной раной показатели увеличились в 1,5 раза, а в группе с огнестрельным ранением – в 2 раза.

При исследовании гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA, установлено, что в обеих группах зарегистрировано повышение всех показателей гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA. При этом в группе пациентов с огнестрельным ранением эти показатели значительно повышены по сравнению с группой больных с колото-резаными ранами (1,5 и 1,2 раза соответственно). Представленные данные свидетельствуют о том, что агрегационная активность тромбоцитов у пациентов этой группы происходит в том числе и за счет гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки N-ацетил-D-глюкозамина и N-ацетил-нейраминовой (сиаловой) кислоты. Данные гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином ConA, на третьи сутки показывают, что у пациентов с колото-резаной раной они не изменялись и соответствовали результатам, полученным в группе сравнения. В группе пациентов с огнестрельным ранением они увеличивались и превышали показатели группы сравнения в 1,5 раза. Из этого следует, что увеличение агрегационной активности тромбоцитов в группе пациентов с огнестрельным ранением грудной клетки происходит за счет гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки маннозы. В то же время в группе пациентов с колото-резаным ранением грудной клетки участки, несущие маннозу, не изменяются.

На пятые послеоперационные сутки в группе пациентов с колото-резаной раной и огнестрельным ранением участки гликопротеиновых мембран тромбоцитов, индуцированных РНА-Р, не изменялись и соответствовали данным, полученным на третьи послеоперационные сутки. Участки гликопротеиновых мембран тромбоцитов, индуцированных WGA, в группе пациентов с колото-резаным ранением не изменялись и соответствовали данным, полученным на третьи послеоперационные сутки; в группе пациентов с огнестрельным ранением все исследуемые показатели уменьшались, но оставались повышенными по сравнению с данными группы сравнения (табл. 4). Из этого можно сделать заключение, что уменьшение агрегационной активности тромбоцитов на пятые послеоперационные сутки происходит за счет гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки N-ацетил-D-глюкозамина и N-ацетил-нейраминовой (сиаловой) кислоты. Показатели гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных Con A, в обеих исследуемых группах не изменялись и соответствовали данным, полученным на третьи послеоперационные сутки.

Таблица 4

Результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA, в группе пациентов с ранением грудной клетки, полученные на пятые послеоперационные сутки

Показатели	Результаты по видам ранения		Здоровые (n = 15)
	Огнестрельные (n = 11)	Колото-резаные (n = 12)	
МСАТ, %	14,11 ± 0,1*	14,30 ± 0,1*	12,26 ± 0,1
МСкАТ, %/мин	10,06 ± 0,3*	9,03 ± 0,4*	7,02 ± 0,2
ВДМСА, с	49,9 ± 0,4*	48,7 ± 0,2*	46,6 ± 0,1
МРТА, отн. ед.	138 ± 0,1*	137,3 ± 0,1*	130,4 ± 0,2
ВДМРТА, с	17,16 ± 0,1*	16,31 ± 0,2*	12,26 ± 0,1
ВДНТА, с	9,09 ± 0,3*	9,02 ± 0,2*	7,02 ± 0,2

Примечание: * – знак достоверности различий по отношению к данным группы сравнения (p<0,05)

На седьмые послеоперационные сутки в группе пациентов с колото-резаной раной зарегистрировано восстановление показателей гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных РНА-Р. Исследуемые показатели в группе пациентов с огнестрельным ранением не изменялись. Из этого следует, что в группе пациентов с колото-резаной раной грудной клетки на седьмые послеоперационные сутки происходит восстановление агрегационной активности тромбоцитов, несущих участки b-D-галактозы. Результаты изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином WGA, на седьмые послеоперационные сутки показывают, что все исследуемые показатели в группе пациентов с колото-резаной раной также восстанавливались и соответствовали данным группы сравнения. В то же время в группе пациентов с огнестрельным ранением существенных изменений не получено. Из этого следует, что в группе пациентов с колото-резаной раной грудной клетки восстанавливаются участки гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки N-ацетил-D-глюкозамина и N-ацетил-нейраминовой (сиаловой) кислоты. Существенных изменений в результатах изучения гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных агглютинином Con A, не получено, все исследуемые показатели соответствовали данным, полученным на пятые послеоперационные сутки. При изучении показателей гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, индуцированных РНА-Р, WGA и Con A, в группе пациентов с колото-резаной раной грудной клетки данные не изменялись и соответствовали данным группы сравнения. В группе пациентов с огнестрельным ранением исследуемые показатели восстанавливались и соответствовали данным группы сравнения, т.е. происходило полное восстановление показателей агрегационной активности тромбоцитов за счет всех участков гликопротеиновых рецепторов.

При сопоставлении полученных лабораторных данных с клинической картиной нами установлено, что в группе пациентов с огнестрельным ранением зарегистрировано развитие 3 (27,2 %) осложнений, в группе пациентов с колото-резаной раной – 2 (16,6 %). При этом во всех случаях осложнения носили гнойно-септический характер, развивалась пневмония.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что у пациентов с ранением груди на изменения агрегационной активности тромбоцитов оказывает влияние не только объем кровопотери, но и характер ранения. Более выраженные изменения выявлены при огнестрельном ранении.

Так, в этой группе изменения отмечаются с третьих послеоперационных суток, когда происходит увеличение максимальной степени агрегации тромбоцитов, максимальной скорости агрегации тромбоцитов и максимального размера тромбоцитарных агрегатов, данные показатели восстанавливаются на пятые послеоперационные сутки. Изменение агрегационной активности тромбоцитов происходит за счет гликопротеиновых рецепторов, несущих участки b-D-галактозы и маннозы. При колото-резаной ране грудной клетки происходит увеличение некоторых показателей агрегации тромбоцитов: максимальной степени агрегации тромбоцитов, максимальной скорости агрегации тромбоцитов и максимального размера тромбоцитарных агрегатов, начиная с третьих послеоперационных суток. Восстановление происходит к седьмым послеоперационным суткам. При этом агрегационная активность тромбоцитов увеличивается за счет гликопротеиновых рецепторов тромбоцитов, несущих участки N-ацетил-D-глюкозамина и N-ацетил-нейраминовой (сиаловой) кислоты.

Библиография

1. Абакумов М.М., Исфакани А.К. Хирургическая тактика при ножевых левосторонних торакоабдоминальных ранениях // Вестн. хир. 1997. № 1. С. 86–90.
2. Баранова О.А. Эндовидеоторакоскопия при травмах грудной клетки: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005.
3. Вагнер Е.А. Хирургия повреждений груди. М.: Медицина, 1981. 287 с.
4. Брюсов П.Г., Шалаев С., Чепчерук Г.С. Хирургическая тактика при огнестрельных проникающих ранениях груди // Хирургия. 1993. № 4. С. 43–48.
5. Колесов А.П., Бисенков Л.Н. Хирургическое лечение огнестрельных повреждений груди. Л.: Медицина, 1986. 140 с.
6. Масляков В.В., Громов М.С., Ермилов П.В. Особенности тромбоцитарного звена системы гемостаза в ближайшем послеоперационном периоде после операций на поврежденной селезенке // Фундаментальные исследования. 2012. № 4 (2). С. 323–327.

РОЛЬ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ОТДЕЛЕНИЯ КБР В СТРУКТУРЕ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И КОСТНО-МЫШЕЧНОГО АППАРАТА

Жетишев Р.А., *Анаева Л.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

**anaeva.lima78@mail.ru*

Проведен анализ деятельности реабилитационного отделения на базе ГКУЗ «Дом ребенка специализированный» МЗ КБР – ведущего учреждения третьего этапа комплексной реабилитации для детей с заболеваниями нервной системы и костно-мышечного аппарата.

Ключевые слова: дети, реабилитация, болезни нервной системы, костно-мышечный аппарат.

THE ROLE OF REHABILITATION DEPARTMENT OF KABARDINO-BALKARIA IN A STRUCTURE OF HELPING CHILDREN WHO HAVE DISEASES OF THE NERVOUS SYSTEM AND MUSCULOSKELETAL APPARATUS

Zhetishev R.A., Anaeva L.A.

Kabardino-Balkarian State University

The analysis of work of rehabilitation department was carried out on the basis of the national public establishment of Healthcare service «Advanced children's home» Ministry of Public Health of Kabardino-Balkaria – the leading facility of the third stage of mixed rehabilitation for children who have diseases of the nervous system and musculoskeletal apparatus.

Keywords: children, rehabilitation, diseases of nervous system, musculoskeletal apparatus.

Создание и развитие эффективной системы комплексной ранней реабилитации является одним из приоритетных направлений совершенствования медицинской помощи детскому населению Кабардино-Балкарской Республики (КБР) [1].

В республике сохраняется высокий уровень инвалидизации детей (3753 ребенка в 2011 г., 3774 – в 2014 г.). Нозологическая структура детской инвалидности за последние годы остается неизменной: первое место стабильно занимают болезни нервной системы, второе – врожденные аномалии развития, третье место – психические расстройства и расстройства поведения. Удельный вес болезней нервной системы в структуре заболеваний, обусловивших детскую инвалидность, с каждым годом увеличивается, достигнув в 2014 г. 38,5 % [2]. Из них 44,5 % составляют дети с детским церебральным параличом и другими паралитическими синдромами [3].

В КБР детям с заболеваниями нервной и костно-мышечной системы оказывается в полном объеме трехэтапная система реабилитационной помощи, в то время как потребность в реабилитационном лечении детей раннего возраста с другими нозологиями сохраняется.

Первый этап медицинской реабилитации детей с заболеваниями нервной и костно-мышечной системы осуществляется в отделениях реанимации и интенсивной терапии государственных бюджетных учреждений здравоохранения «Республиканская детская клиническая больница» (РДКБ), «Перинатальный центр» (ПЦ), «Городская клиническая больница № 1» (ГКБ № 1) г. Нальчика.

Второй этап медицинской реабилитации осуществляется в отделениях второго этапа выхаживания новорожденных РДКБ и ПЦ, профильных детских отделениях (трех отделениях неврологических, одном отделении ортопедии и травматологии) РДКБ и ГКБ № 1, детских отделениях специализированных диспансеров, городских и районных больниц по месту жительства ребенка.

Третий этап реабилитации осуществляется как на базе государственного казенного учреждения здравоохранения (ГКУЗ) «Дом ребенка специализированный» в отделении реабилитации и восстановительного лечения для детей с заболеваниями нервной системы и костно-мышечного аппарата, так и на базе детских санаториев, детских поликлиник и детских поликлинических отделений.

Реабилитационное отделение открыто в июне 2011 г., функционирует на основании Положения об организации деятельности реабилитационного отделения [4]. Отделение является ведущим учреждением третьего этапа комплексной, многопрофильной медико-психолого-педагогической реабилитации детей с заболеваниями нервной системы и костно-мышечного аппарата в возрасте от 0 до 7 лет, рассчитано на 35 коек совместного пребывания матери и ребенка.

Деятельность реабилитационного отделения направлена на оказание квалифицированной медико-социальной, психолого-социальной и социально-педагогической помощи детям, имеющим отклонения в физическом или умственном развитии, для обеспечения максимально полной и своевременной социальной адаптации к жизни в обществе, семье, обучению и труду.

Целью данной работы явился анализ деятельности реабилитационного отделения для детей с заболеваниями нервной системы и костно-мышечного аппарата на базе ГКУЗ «Дом ребенка специализированный» за 2011–2014 гг.

Материалы и методы. Для выполнения поставленной цели изучены нормативные и отчетные документы реабилитационного отделения на базе ГКУЗ «Дом ребенка специализированный» Министерства здравоохранения КБР за период с 2011 по 2014 гг. Проведен статистический анализ показателей.

Результаты и обсуждение. В течение анализируемого периода (2011–2014 гг.) в реабилитационном отделении помощь была оказана 1383 детям. Показатели деятельности отделения ежегодно улучшались: увеличилось количество пролеченных детей в отделении и среднее число дней использования койки в году, вырос среднегодовой оборот койки (табл. 1).

Таблица 1

Показатели деятельности реабилитационного отделения за 2011–2014 гг.

Показатели	Годы			
	2011 (июль–декабрь)	2012	2013	2014
Число выбывших больных за год	117	350	487	429
Проведено больными койкодней	2704	7928	10143	8753
Среднее число дней использования койки в году	77,3	226,5	289,8	250
Оборот койки	3,3	10	13,9	12,3
Средняя длительность пребывания больного на койке	23	22,7	20,8	20,4

Исключением стал 2014 г., когда в сравнении с предыдущим 2013 г. количество пролеченных больных на 58 детей уменьшилось, снизился оборот койки. Ухудшение показателей деятельности отделения в 2014 г. было связано с тем, что реабилитационное отделение было трижды закрыто на карантин: 23.01–12.02 – карантин по ветряной оспе; 24.04–01.05 – карантин по скарлатине; 06.10–27.10 – карантин по ветряной оспе, который продлен до 10.11.2014 г. Кроме того, учитывая эпидемиологическую обстановку в республике, прием детей в отделение был ограничен, велся строго при отсутствии контакта по кори и при наличии вакцинации [5].

Дальнейший анализ выявил, что с 2011 по 2014 гг. объем работы реабилитационного отделения более чем в два раза уменьшился – доля детей первого года жизни: 2011 г. – 20,5 %, 2014 г. – 9,8 % (табл. 2). При этом не было создано дополнительных мощностей для приема и лечения больных в стационаре. Более того, в это время в отделении раннего возраста РДКБ проводился ремонт, и прием детей первого года жизни с заболеваниями нервной системы был ограничен. Таким образом, при росте заболеваемости детей с перинатальной энцефалопатией в КБР число детей, которым проводится терапия в стационаре и в реабилитационном отделении, уменьшается, что негативно влияет на показатели инвалидности детей в целом.

Таблица 2

Распределение детей по возрастным группам, проходивших реабилитацию в отделении за 2011–2014 гг.

Возраст	Годы				
	2011 (июль–декабрь)	2012	2013	2014	Всего
0–1 год	24 (20,5 %)	53 (15,1 %)	79 (16,2 %)	42 (9,8 %)	198 (14,3 %)
1–3 года	47 (40,2 %)	136 (38,9 %)	195 (40,1 %)	167 (38,9 %)	545 (39,4 %)
>3 лет	46 (39,3 %)	161 (46 %)	213 (43,7 %)	220 (51,3 %)	640 (46,3 %)

Таблица 3

Распределение детей по нозологическим группам, проходивших реабилитацию в отделении за 2011–2014 гг.

Нозологии	Годы			
	2011 (июль–декабрь)	2012	2013	2014
Детский церебральный паралич	34 (29,1 %)	104 (29,7 %)	120 (24,7 %)	161 (37,5 %)
Гипоксически-ишемическая энцефалопатия	28 (23,9 %)	55 (15,7 %)	87 (17,9 %)	47 (11,0 %)
Резидуальная энцефалопатия	13 (11,1 %)	68 (19,4 %)	96 (19,7 %)	83 (19,4 %)
Болезнь Дауна	5 (4,3 %)	19 (5,5 %)	23 (4,7 %)	13 (3,0 %)
Ортопедическая патология	11 (9,4 %)	63 (18 %)	102 (20,9 %)	79 (18,4 %)
Прочие состояния	26 (22,2 %)	41 (11,7 %)	59 (12,1 %)	46 (10,7 %)

Из данных, представленных в табл. 3, видно, что наибольшее количество детей, пролеченных в реабилитационном отделении, составляют больные с детским церебральным параличом. Их доля в течение анализируемого периода возросла на 8,4 %, составив в 2014 году 37,5 %. В нозологической структуре больных, пролеченных в отделении, вдвое увеличилась доля детей с ортопедической патологией.

Выводы:

1. Показатели деятельности реабилитационного отделения на базе ГКУЗ «Дом ребенка специализированный» Министерства здравоохранения КБР свидетельствуют о ежегодном увеличении числа детей с заболеваниями

нервной системы и костно-мышечного аппарата в возрасте от 0 до 7 лет, получивших комплексную, многопрофильную медико-психолого-педагогическую реабилитацию.

2. Несмотря на отмеченную положительную динамику показателей деятельности отделения реабилитации, коечный фонд отделения не используется на полную мощность. Необходимо увеличить среднее число дней использования койки в году, оборот койки.

3. В связи с уменьшением доли детей первого года жизни, поступающих в отделение, необходимо разработать комплекс мероприятий, направленный на раннее начало проведения реабилитации.

Библиография

1. Постановление Правительства КБР от 30.04.2013г. №136-ПП «О Государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Развитие здравоохранения в Кабардино-Балкарской Республике» до 2020 года» (Подпрограмма 5. Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детей).

2. Анаева Л.А., Жетишев Р.А., Крымукова М.А., Ацканова Б.Л. Динамика распространенности и нозологической структуры детской инвалидности в Кабардино-Балкарии // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 10. Ч. 9. С. 1680–1684.

3. Анаева Л.А., Жетишев Р.А. Место детского церебрального паралича в структуре инвалидности детей Кабардино-Балкарии // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/127-21060>.

4. Положение об организации деятельности реабилитационного отделения на базе ГКУЗ «Дом ребенка специализированный», утвержденное Приказом Министерства здравоохранения КБР № 129-П от 30.05.2011 г.

5. Постановление №4 от 06.02.2014 «Об усилении профилактических мероприятий по кори в организациях, осуществляющих медицинскую деятельность в Кабардино-Балкарской Республике».

**ЖЕЛЕЗОДЕФИЦИТНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА
ИХ РАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ ОДНОГО ГОДА ЖИЗНИ В г. НАЛЬЧИКЕ**

Жетишев Р.А., *Архестова Д.Р.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

**diana_z.a@mail.ru*

Профилактика железодефицитных состояний у детей раннего возраста является важной проблемой, решение которой позволит улучшить состояние здоровья детского населения. В статье приводятся данные отечественных и зарубежных исследователей, а также собственные данные о частоте железодефицитных состояний среди детей одного года жизни. Представлены данные по железодефицитным состояниям среди детей одного года жизни, проживающих в городском округе Нальчик.

Ключевые слова: дефицит железа, дети одного года жизни, растворимые рецепторы трансферрина, сывороточный ферритин.

**IRON DEFICIENCY AND THE MAIN RISK FACTORS FOR THEIR
DEVELOPMENT IN CHILDREN ONE YEAR OF LIFE IN THE CITY OF NALCHIK**

Zhetishev R.A., Arkhestova D.R.

Kabardino-Balkarian State University

The prevention of iron deficiency in children is an important problem, the solution of that will improve the health of the child population. The article presents the data of domestic and foreign researchers and our own data about the purity of iron deficiency among children one year of age. The data on iron deficiency among children one year of age living in the urban district Nalchic.

Keywords: iron deficiency, one year of old children, soluble transferrin receptors, serum ferritin.

Дефицит железа (Fe) встречается чаще, чем дефицит других эссенциальных микроэлементов [1]. Процент железа в организме низок и составляет 0,0065 % массы тела. У доношенных новорожденных запас железа составляет 300–400 мг у недоношенных детей – 100–200 мг. Биологическая значимость железа высока в силу того, что оно входит в функциональные группы белков, транспортирующих кислород, ферментов, катализирующих реакции генерации энергии и метаболические процессы, либо является активатором других ферментов, не содержащих железо [2].

Среди частых причин развития дефицита железа выделяют повышенную потребность организма в железе, недостаточное поступление железа в организм с пищей, нарушение всасывания в кишечнике, хронические кровопотери [2]. Наиболее восприимчивыми к дефициту железа являются дети раннего и подросткового возраста, а также беременные, что подчеркивается большинством исследователей.

Особенность распределения железа в организме детей младшего возраста заключается в том, что у них выше содержание железа в эритроидных клетках и меньше железа приходится на мышечную ткань. Таким образом, дефицит железа может сопровождаться изменениями в функционировании ряда органов и систем организма [3].

В исследованиях разных стран, посвященных дефициту железа у детей, показано, что частота его выявления в западноевропейских странах колеблется от 3 % до 18 % [4]. В Российской Федерации в исследованиях, проведенных в отдельных регионах, показано, что частота ЖДА у детей раннего возраста колеблется от 10,6–17 % (Москва и Московская область) до 20–60 % в регионах Урала и Сибири [5–7]. Компьютеризированный поиск релевантных статей в поисковых системах Pubmed, Medline, CAB Health and Embase в ноябре 2013 года с использованием предметного заголовка представил в общей сложности 7297 цитат и 44 исследования, проведенные в 19 европейских странах [8]. Распространенность дефицита железа в странах варьируется и зависит от характеристик обследованных детей. В исследованиях обсуждались две возрастные категории – грудные дети (6–12 месяцев) и дети раннего возраста (12–36 месяцев). В обеих группах распространенность ЖДА выше в Восточной Европе и достигает 50 % в то время как в странах Западной Европы в целом ниже 5 %.

Согласно современным литературным данным, латентный дефицит железа характеризуется нормальным содержанием гемоглобина при уменьшении фонда депонированного железа, определяемого по снижению значений сывороточного ферритина (СФ) – менее 12 мкг/л и/или мембранных рецепторов трансферрина (TfR) – более 2,8 г/л, вводящих железо в клетку [9]. При проведении исследования содержания в крови sTfR важное значение имеет знание нормативных значений показателя. Между тем вопрос о возрастных и гендерных особенностях изменений уровня sTfR у детей остается открытым. Это связано с недостаточным использованием данного параметра в качестве диагностики железодефицитных состояний на территории России [10].

При наличии явной железодефицитной анемии, согласно рекомендациям рабочей группы по анемиям ВОЗ и ЮНЕСКО [11], нижней границей нормы гемоглобина (Hb) считается 110 г/л у детей до 6 лет и 120 г/л у детей старше 6 лет.

Цель исследования: изучить частоту железодефицитных состояний, основные факторы риска их развития у детей одного года жизни в городе Нальчике.

Материалы и методы. Для уточнения частоты железодефицитных состояний и их причин было проведено углубленное исследование 102 детей одного года жизни. В группу обследования вошли здоровые дети, родители которых согласились на участие в исследовании (обработку анамнестических данных, забор венозной крови). Критериями исключения из обследования при осмотре детей первого года жизни служили наличие соматической патологии, перенесенной в течение двух недель до забора крови, острой респираторно-вирусной инфекции, отказ матери от забора венозной крови у ребенка, наличие железодефицитных состояний. Таким образом, группа изучения составила 68 детей: 30 мальчиков и 38 девочек.

У всех обследуемых брали капиллярную кровь для выполнения развернутого анализа крови на автоматическом гематологическом анализаторе BC-5300 Mindray. Венозную кровь использовали для иммуноферментного определения сывороточного ферритина, железа сыворотки, растворимых рецепторов трансферрина и С-реактивного белка тест-системами фирмы ЗАО «Вектор-Бест» на аппарате «Пикон Униплан». Полученные результаты обработаны в Microsoft Excel 2009 с применением SPSS Statistica 11.6.

Результаты и обсуждение. Из 102 обследованных детей 57 были отнесены к группе здоровых детей, в анализах крови которых не отмечалось каких-либо изменений. Оставшиеся 45 детей и составили группу дальнейшего изучения. Половой состав детей: 21 мальчик (46,6 %) и 25 девочек (55,5 %). У матерей обследованных детей наблюдалось отягощенное течение беременности. Гестоз первой половины беременности отмечался у 20 % матерей, гестоз второй половины у 15,5 %. Беременность протекала с угрозой прерывания в 73,3 % случаев. Анемию во время беременности перенесли 40 % женщин. Хроническая гипоксия плода отмечена в 48,8 % случаев. Роды произошли в срок в 100 % случаях. С момента рождения грудное вскармливание отмечалось у 40 детей (88,8 %). Острыми респираторно-вирусными инфекциями на первом году жизни болели 88,8 % детей. По данным анализа амбулаторных карт, диагноз рахит поставлен лишь 4,9 % детей. Острой кишечной инфекцией болели 21,7 % детей.

Процент детей с латентным дефицитом железа (сывороточный ферритин, СФ <12 нг/мл) в данной группе составил 26,6 %. Дефицит железа у детей с повышенным уровнем растворимых рецепторов трансферрина (sTfR) составил 77,7 %. Дефицит железа с учетом двух параметров (СФ <12 нг/мл, sTfR >2,9 мкг/мл) составил 37,7 % детей.

Железодефицитное состояние со снижением эритроцитарных параметров (МСН <27 пг, МСНС <320 г/л, MCV <70 фл, RDW >14,5 %) отмечено у 10 детей (22,2 %). Железодефицитная анемия (WBC <3,8*10⁹/л, HbG <110 г/л, СФ <12 мкмоль/л) отмечена у 7 детей (15,5 %).

Выводы:

1. Основными факторами риска развития железодефицитных состояний у детей являются гестозы, угроза прерывания беременности, хроническая гипоксия плода. Среди постнатальных причин ведущими являются небольшая продолжительность грудного вскармливания, заболеваемость детей острыми респираторными и кишечными инфекциями.

2. При изучении информативности СФ и sTfR в качестве диагностических параметров у детей установлено, что снижение уровня СФ <12 нг/мл и сочетанное повышение уровня sTfR >2,9 мкг/мл повышают вероятность развития анемии до 4 раз, что в 3 раза выше по сравнению с изолированным определением пониженного уровня СФ.

3. Частота ЖДА в городском округе составила 15,5 % случаев, что соответствует средним данным, представленным в литературе.

Библиография

1. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Основные тенденции здоровья детского населения России. М.: Союз педиатров России, 2011. 116 с.
2. Baker R.D., Greer F.R. Diagnosis and prevention of iron deficiency and iron-deficiency anemia in infants and young children (0–3 years of age) // Pediatrics. 2010. V. 126 (5). P. 1040–1050.
3. Анемии у детей: диагностика и лечение: практическое пособие / под ред. А.Г. Румянцева, Ю.Н. Токарева. М.: МАКС Пресс, 2004. 216 с.
4. Анемии у детей: диагностика, дифференциальная диагностика и лечение / под ред. А.Г. Румянцева и Ю.Н. Токарева. 2-е изд. М.: МАКСПресс, 2004. С. 21.
5. Коровина Н.А., Заплатников А.Л., Захарова И.Н. Железодефицитные анемии у детей. М., 1999. 64 с.
6. Domeloff M. Iron requirement of term breast-fed infants. A study in Sweden in Honduras. Umea University Medical Dissertations, 2001. V. 759. С. 55–60.
7. Казакова Л.М. Распространенность дефицита железа у детей Кемеровской области. Педиатрия. 2002. № 6. С. 56–60.
8. Нетребенко О.К. Современные представления о потребностях в белке детей первого года жизни // Педиатрия. 2006. Т. 3. С. 71–78.
9. Мальцев С.В. Влияние экологических факторов на развитие анемии у беременных, детей и подростков // Дефицит железа и железодефицитная анемия у детей / под ред. Н.С. Кисляк и др. М.: Славянский диалог, 2001. С. 98–107.
10. Казюкова Т.В., Тулупова Е.В., Алиева А.М. и др. Стратегия лечения железодефицитной анемии у детей раннего возраста // Педиатрия. 2012. Т. 91, № 4. С. 89–97.
11. ВОЗ. Официальный ежегодный отчет. Женева, 2002. 248 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 338

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ НЕЧЕТКОЙ ЛОГИКИ В МОДЕЛЯХ ВЫБОРА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ С УЧЕТОМ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

*Каранашев А.Х.¹, Целых Л.А.², Причина О.С.³

¹*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

²*Таганрогский институт им. А.П. Чехова Ростовского государственного
экономического университета РГЭУ «РИНХ»*

³*Филиал ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Пензе*

*kanzor77@mail.ru

Статья посвящена вопросам применения метода нечеткой логики, цель которой состоит в улучшении количественного информационного обоснования стратегических процессов планирования, в частности в региональном аспекте формирования корпоративной культуры региона.

Ключевые слова: нечеткие условия; когнитивный аспект, совместимость факторов корпоративной культуры; граф оценки значимости факторов.

THE THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE USAGE OF THE FUZZY LOGIC IN THE MODELS OF CHOICE OF THE CORPORATE CULTURE TAKING INTO ACCOUNT EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF ITS FUNCTIONING

Karanashev A.Kh.¹, Tselykh L.A.², Prichina O.S.³

¹*Kabardino-Balkarian State University*

²*Chekhov Taganrog Institute*

³*The branch of the Moscow University SY Witte in Penza*

The article is devoted to the application of the method of fuzzy logic, which aims to improve the co-quantitatively study the information of strategic planning processes, particularly in the regional-rated aspect of corporate culture of the region.

Keywords: fuzzy conditions, cognitive component, compatibility of corporate culture factors, earl of assessing the significance of factors.

В круге задач, решаемых в настоящее время в российской экономике, несомненно, важную роль играет институт корпоративной культуры, в частности интеллектуальный, знаниевый капитал как объект управления в экономике знаний. Рассмотрим практическое использование теоретических выкладок положений нечеткой логики в математических моделях выбора корпоративной культуры с учетом внешних и внутренних факторов целезадающих и целевоспринимающих субъектов ее функционирования на оперативном примере реализации целевой функции – увеличение ВВП региона за счет развития сильных составляющих региональной корпоративной культуры как доминантного инновационного фактора в создании цепочек ценностей компании и их приращения наряду с имуществом, ценными бумагами, денежными средствами и т.п.

При решении данной задачи следует обратить внимание на не получившие достаточного освещения в литературе различаемые с позиций целезадающих и целевоспринимающих субъектов факторы корпоративной культуры, которые необходимо усиливать (развивать) для увеличения количества бизнесов в регионе. Внутренняя цель определяется мотивами (сложившейся корпоративной культурой) субъектов бизнеса (ценностными предпочтениями), в то время как внешняя цель определяется интересами других групп сложившегося территориально отраслевого комплекса региона.

Методическая обоснованность целепостановки обеспечивается следующими положениями [1–4]:

1. В регулярности целенаправленного использования сохраняющих актуальность на протяжении обозримого временного интервала факторов развития региональной корпоративной культуры и корпоративного сектора региона на фоне внешних возможностей экономики не приходится сомневаться.

2. Изоморфизм иерархии целей, а также противодействие внешним политическим и экономическим угрозам детерминирует необходимость определять состав подцелей набором потребных для достижения цели ресурсов (факторов силы), определяемых экспертным путем сопоставления значения силы взаимодействия факторов силы и

факторов влияния. Закономерность детерминации при этом следующая: реализация внешней цели является средством достижения цели внутренней.

3. Каузальность соотношения «цель–средство–результат» определяет ключевые внешние и внутренние факторы корпоративной культуры. С учетом этого и разрабатывают стратегию для достижения поставленных целей [5–7].

Далее определимся с показателями. Пусть $X = \{x_1, x_2, \dots, x_n\}$ – множество факторов силы (факторов развития региона);

$Y = \{y_1, y_2, \dots, y_n\}$ – множество факторов влияния (факторов развития корпоративного сектора региона);

$Z = \{z_1, z_2, \dots, z_n\}$ – множество факторов внешних возможностей (экономических).

Факторы силы – это составляющие корпоративной культуры региона, характеризующие её состояние, развитие и возможности:

- x_1 – цели, инновационная направленность развития корпоративной культуры региона;
- x_2 – уровень технологической инновационности;
- x_3 – уровень организационной инновационности;
- x_4 – инновационная инфраструктура региона;
- x_5 – уровень социальной ответственности в регионе;
- x_6 – социально-психологический климат в межкорпоративных отношениях;
- x_7 – когнитивный потенциал сотрудников предприятий;
- x_8 – предпринимательский стиль руководства;
- x_9 – знаниеориентированность человеческого капитала региона;
- x_{10} – восприимчивость философии всеобщего качества в профессиональной среде региона;
- x_{11} – общественная ментальность человеческого капитала региона;
- x_{12} – маркетинг персонала;
- x_{13} – открытая модель культуры труда;
- x_{14} – востребованность мягких компетенций работников;
- x_{15} – нравственно-созидающие ценности;
- x_{16} – прозрачность принятия решений на разных уровнях;
- x_{17} – демократизм системы управления;
- x_{18} – традиции межкорпоративных отношений.

Факторы влияния – это характеристики самого бизнеса компании и субъектов управленческих решений, играющие ключевую роль при принятии управленческих решений о функционировании и развитии компании [8, 9].

1. Характеристики руководства компании как субъекта управленческих решений:

- y_1 – лидерство;
- y_2 – тип личности;
- y_3 – интерес.

2. Условия ведения бизнеса компании в регионе:

- y_4 – инфраструктура для ведения данного вида бизнеса;
- y_5 – конкуренция по данному виду бизнеса;
- y_6 – обученный персонал (достаточные профессиональные компетенции);
- y_7 – предпринимательский климат.

3. Характеристики продукции (работ, услуг) и самого бизнеса:

- y_8 – экономия рабочего времени;
- y_9 – низкий начальный объем инвестиций («цена» вхождения в бизнес);
- y_{10} – снижение себестоимости продукции за счет инноваций;
- y_{11} – уникальность компетенций персонала.

Факторы внешних возможностей – это внешние возможности развития региона, в первую очередь в аспекте осуществления предпринимательской деятельности, способствующие созданию и развитию бизнесов, имеющие определенные признаки:

- z_1 – спрос со стороны государства в отношении приоритетных направлений развития (в регионе);
- z_2 – знаниеориентированная экономика;
- z_3 – запасы недр;
- z_4 – возникновение новых потребительских предпочтений;
- z_5 – экспортный спрос;
- z_6 – региональные преференции и льготы (региональный налоговый климат);
- z_7 – инвестиционная активность в регионе.

Для второй модели реализации рассмотрим использование факторов силы корпоративной культуры, ослабляющих негативное воздействие воздействий экономических, политических и других факторов внешней среды ведения бизнеса в регионе [10].

Факторы внешних угроз – это внешние угрозы для развития региона, в первую очередь в аспекте осуществления предпринимательской деятельности, препятствующие созданию и развитию предпринимательской активности бизнесов, имеющие определенные признаки:

- z_1 – возрастающее давление со стороны государственных органов;
- z_2 – недружественная денежно-кредитная политика (курс валют, % по кредитам, снижение доступности кредитов);

- z_3 – возрастание политических рисков (санкции, запреты);
- z_4 – возникновение новых потребительских предпочтений;
- z_5 – рост тарифов госмонополий (газ, вода, электроэнергия);
- z_6 – увеличение региональной налоговой нагрузки (региональный налоговый климат);
- z_7 – появление крупных (сетевых) агентов (продавцов).

На основании экспертных опросов были получены значения силы взаимодействия факторов силы и факторов влияния, сформировавшие матрицу инцидентности R нечеткого бинарного отношения и матрицу степени принадлежности (рис. 1).

	y_1	y_2	y_3	y_4	y_5	y_6	y_7	y_8	y_9	y_{10}	y_{11}
x_1	0	0	0,5	0	0,6	0	0,8	0,7	0	0	0,6
x_2	0,7	0	0	0,6	0	0	0,8	0	0,7	0	0,6
x_3	0	0	0	0,7	0	0	0,7	0,4	0,4	0	0
x_4	0	0	0	0,6	0	0,8	0,6	0,7	0	0,6	0,7
x_5	0	0,5	0	0,5	0	0	0	0,4	0,4	0,4	0,8
x_6	0	0	0,4	0,6	0,7	0,5	0,7	0	0	0	0
x_7	0,6	0,7	0	0	0	0,6	0	0	0,5	0	0,7
x_8	0,8	0,5	0,7	0	0,6	0	0,6	0,5	0	0	0
x_9	0,6	0,8	0	0	0	0,8	0,7	0,9	0,7	0	0,9
x_{10}	0	0	0	0	0	0	0,8	0,7	0	0,8	0,5
x_{11}	0	0	0,6	0	0	0,7	0,6	0,7	0,56	0,9	0,9
x_{12}	0,4	0,6	0	0	0	0,9	0,8	0,8	0,9	0,6	0,7
x_{13}	0	0	0	0	0	0,8	0,8	0	0,7	0	0,7
x_{14}	0,6	0	0	0	0	0,8	0,8	0,6	0	0	0
x_{15}	0,8	0	0,9	0	0	0,9	0,9	0,7	0,8	0	0,8
x_{16}	0,7	0	0,7	0	0,8	0	0,8	0	0,6	0	0
x_{17}	0,6	0	0,6	0	0,6	0	0,8	0,5	0	0	0
x_{18}	0	0	0	0,8	0	0,6	0,7	0,6	0,4	0	0

	z_1	z_2	z_3	z_4	z_5	z_6	z_7
y_1	0,6	0	0	0	0,4	0	0,6
y_2	0	0,7	0	0,8	0	0	0
y_3	0,3	0,9	0	0,7	0,6	0	0,7
y_4	0,9	0	0,7	0	0,7	0,6	0
y_5	0	0,7	0,6	0	0,5	0	0,7
y_6	0,7	0,7	0	0	0,6	0	0,8
y_7	0	0,9	0	0,8	0,7	0	0
y_8	0,8	0,8	0,7	0,9	0,8	0,4	0,7
y_9	0	0	0	0,4	0	0,8	0
y_{10}	0	0	0	0,8	0,7	0,4	0,9
y_{11}	0	0,9	0	0,8	0,8	0	0,9

Рис. 1. Матрица инцидентности R и матрица степени принадлежности S

Граф нечеткого отображения – нечеткой оценки влияния (значимости) факторов силы (характеристики корпоративной культуры региона) на факторы влияния (факторы принятия решения о создании/развитии бизнеса) есть:

$$R'(x_2) = \{0,7/y_1; 0,6/y_4; 0,8/y_7; 0,7/y_9; 0,6/y_{11}\}.$$

Представлен на рис. 2. Так, по фактору влияния y_2 (тип личности) силы воздействия факторов силы сформировано нечеткое множество:

$$X'(y_2) = \{0,5/x_5; 0,7/x_7; 0,5/x_8; 0,8/x_9; 0,6/x_{12}\}.$$

Нечеткие множества по остальным факторам формируются аналогично.

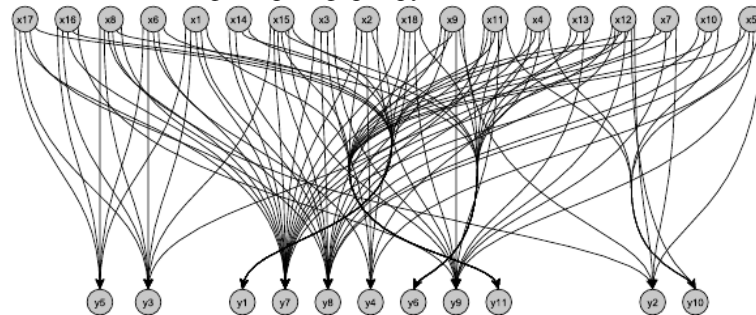

Рис. 2. Граф нечеткой оценки значимости факторов силы корпоративной культуры

Анализ матрицы R позволяет выявить наиболее значимые факторы силы для каждого фактора влияния. В ней элементы каждой строки отражают относительные степени силы воздействия факторов силы (факторы корпоративной культуры) на факторы влияния (факторы выбора решения о создании бизнеса). Чем выше значение, тем более важен признак. Наблюдается, что нет ни одного фактора силы, который бы был совместим со всеми факторами влияния.

Граф нечеткого отображения – нечеткой оценки влияния (значимости) факторов влияния (факторы принятия решения владельцем бизнеса) на факторы внешних возможностей для реализации поставленной цели:

$$S'(z_3) = \{0,7/y_4; 0,6/y_5; 0,7/y_8\}$$

Представлен на рис. 3.

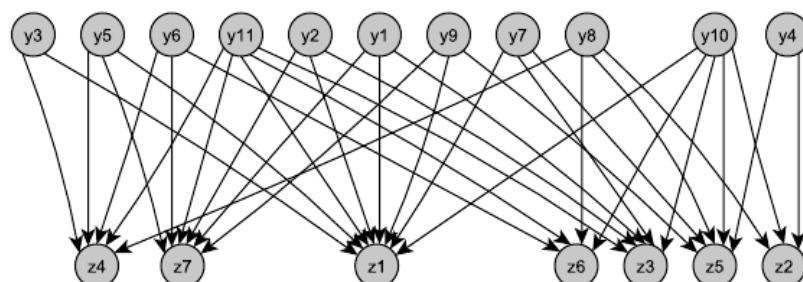

Рис. 3. Граф нечеткой оценки значимости взаимодействия факторов влияния с факторами внешних возможностей

При этом факторы внешних возможностей при взаимодействии с фактором влияния y_1 (лидерство) сформировали нечеткое множество:

$$Z'(y_1) = \{0,6/z_1; 0,8/z_5; 0,6/z_7\} \text{ и т.д.}$$

Так, внешние возможности z_i (повышение спроса со стороны государства в отношении приоритетных направлений развития) могут взаимодействовать в наибольшей степени с факторами влияния y_4 (инфраструктура) и y_8 (экономика рабочего времени), в нулевой степени с факторами влияния $y_2, y_5, y_7, y_9, y_{10}, y_{11}$, в средней степени с фактором влияния y_1 (лидерство) и y_6 (обученный персонал) и в малой степени с фактором y_3 (интерес).

В значениях матриц T и S рассматривается возможность реализации факторов силы корпоративной культуры через факторы влияния, соответствующие характеристикам бизнеса для достижения цели: увеличение ВВП региона.

Далее для определения зоны реализации (совмещения) внешних возможностей M_i и сильных сторон корпоративной культуры необходимо согласовать их взаимодействие. Для чего, применяя уравнение (1), получаем следующую матрицу (рис. 4).

	z1	z2	z3	z4	z5	z6	z7
x1	0,222	0,841	0,266	0,656	0,688	0,088	0,563
x2	0,282	0,371	0,124	0,412	0,512	0,271	0,282
x3	0,432	0,432	0,350	0,491	0,591	0,409	0,127
x4	0,415	0,573	0,228	0,538	0,715	0,220	0,575
x5	0,257	0,463	0,210	0,627	0,530	0,313	0,453
x6	0,348	0,631	0,290	0,290	0,621	0,124	0,403
x7	0,252	0,497	0,000	0,426	0,374	0,129	0,474
x8	0,295	0,632	0,192	0,492	0,503	0,054	0,470
x9	0,304	0,607	0,117	0,557	0,491	0,170	0,452
x10	0,200	0,618	0,175	0,825	0,743	0,214	0,593
x11	0,246	0,588	0,098	0,642	0,622	0,224	0,618
x12	0,265	0,533	0,098	0,568	0,505	0,225	0,472
x13	0,187	0,637	0,000	0,493	0,533	0,187	0,423
x14	0,500	0,629	0,150	0,421	0,629	0,086	0,507
x15	0,334	0,609	0,084	0,507	0,557	0,159	0,524
x16	0,175	0,531	0,133	0,381	0,461	0,133	0,408
x17	0,303	0,671	0,229	0,487	0,600	0,065	0,500
x18	0,523	0,494	0,316	0,406	0,610	0,335	0,290

Рис. 4. Матрица реализации (совмещения) внешних возможностей

Применим значение порога разделения $l=0,5$ и определим зоны реализации внешних возможностей M_i через сильные стороны корпоративной культуры (рис. 5), получим уровневые множества для всех $x \in M_i$:

$$M_7 = \{0,563/x_1; 0,575/x_4; 0,593/x_{10}; 0,618/x_{11}; 0,507/x_{14}; 0,524/x_{15}\} \text{ аналогично для всех остальных } M_i.$$

	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7
x1	—	0,841	—	0,656	0,688	—	0,563
x2	—	—	—	—	0,512	—	—
x3	—	—	—	—	0,591	—	—
x4	—	0,573	—	0,538	0,715	—	0,575
x5	—	—	—	0,627	0,530	—	—
x6	—	0,631	—	—	0,621	—	—
x7	—	—	—	—	—	—	—
x8	—	0,632	—	—	0,503	—	—
x9	—	0,607	—	0,557	—	—	—
x10	—	0,618	—	0,825	0,743	—	0,593
x11	—	0,588	—	0,642	0,622	—	0,618
x12	—	0,533	—	0,568	0,505	—	—
x13	—	0,637	—	—	0,533	—	—
x14	—	0,629	—	—	0,629	—	0,507
x15	—	0,609	—	0,507	0,557	—	0,524
x16	—	0,531	—	—	—	—	—
x17	—	0,671	—	—	0,600	—	—
x18	0,523	—	—	—	0,610	—	—
Итого	0,523	8,099	—	4,920	8,957	—	3,380

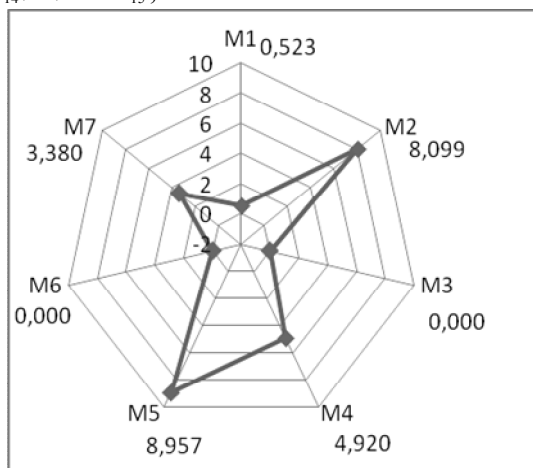

Рис. 5. Матрица и диаграмма реализации (совмещения) внешних возможностей

Графическое отображение количественного выражения совокупного действия факторов силы корпоративной культуры на реализацию внешних возможностей институциональной среды региона (в качестве примера: значения $M1 \dots M7$) иллюстрирует диаграмма реализации возможностей (рис. 5).

Таким образом, проанализировав результаты полученного ранее исследования, важно подчеркнуть, что методика применения теории нечетких множеств в моделях выбора корпоративной культуры с учетом внешних и внутренних факторов позволяет, во-первых, рассмотреть корпоративную культуру с позиции когнитивного аспекта знаниеориентированной экономики, а во-вторых, аналитическим путем определить и измерить факторы, от значений которых зависит достижение намеченной цели.

Библиография

1. Surroca J., Tribo J.A., Waddock S. Corporate responsibility and financial performance: the role of intangible resources // *Strategic Management Journal*. 2010. V. 31, N. 5. P. 463–490.
2. Tulder R., Jeroen W. From chain liability to chain responsibility // *Journal of Business Ethics*. Supplement 2. 2009. N 85, P. 399–412.
3. Drake M.J., Schlachter J.A. Virtue-ethics analysis of supply chain collaboration // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 82, N 4. P. 851–864.
4. Kaplinsky R., Memedovic O., Morris M., Readman J. The global wood furniture chain: what prospects for upgrading by developing countries // *UNIDO*. 2003. P. 38–42.
5. Авдашева С.Б. Бизнес-группы как форма реструктуризации предприятий: движение вперед или шаг назад? // *Российский журнал менеджмента*. 2005. № 3 (1). С. 3–26.
6. Яковлев А.А. Разработка рекомендаций по обеспечению конкурентоспособности предприятий в рамках «цепочек добавленной стоимости». М.: ГУ-ВШЭ, 2004. 132 с.
7. Нечеткие множества и теория возможностей. Последние достижения: пер. с англ. / под ред. Р.Р. Ягера. М.: Радио и связь, 1986. 408 с.
8. Karanashev A., Karasheva A., Baysultanova L., Tselykh L., Panfilova E. Comparative cognitive corporate culture modeling of the Kabardino-Balkaria Republic's Enterprises Recreational Sphere // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Supplement 4. 2015. V. 6, N 3. P. 34–38.
9. Целых Л.А. Методы нечеткой логики и лингвистического подхода при решении задач SWOT-анализа // *Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск «Интеллектуальные САПР»*. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2012. № 7 (132). С. 138–145.
10. Hyson C.D., Hyson W.P. The economic law of market area // *Q. J. Econ.* 64. 1950. P. 319–324.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕСТОРАННОГО СЕРВИСА

*Карашева А.Г., Анищенко Е.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*karasheva05@inbox.ru

В настоящее время подходы к управлению предприятием в целом и управлению человеческими ресурсами как основным фактором эффективности функционирования претерпевают кардинальные изменения. Данная статья посвящена проблемам организации системы управления человеческими ресурсами на предприятиях ресторанного бизнеса.

Ключевые слова: сфера гостеприимства, ресторанный бизнес, человеческие ресурсы, эффективное управление.

THE ORGANIZATIONAL ASPECTS OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT SYSTEM AT THE ENTERPRISES OF RESTAURANT SERVICE

Karasheva A.G., Anishchenko E.A.

Kabardino-Balkarian State University

At present management and especially human resources management undergoes considerable changes. This paper deals with the problems of the organizational aspects of human resources management system of the restaurant business.

Keywords: hospitality, restaurant business, human resources, effective management.

В условиях постиндустриального общества все большее значение приобретает развитие сферы услуг, которая является одним из наиболее эффективных секторов экономики. В свою очередь, одним из активных направлений развития сферы услуг является индустрия гостеприимства. В соответствии с мировой практикой под индустрией гостеприимства понимается совокупность таких сфер деятельности, как туризм, гостиничное дело и ресторанный бизнес [1]. Именно последнее направление представляет собой наиболее динамично развивающийся, высокодоходный и в то же время наиболее рискованный вид экономической деятельности.

Постоянно растущая конкуренция в сфере ресторанного бизнеса диктует свои условия, соответствие которым определяет эффективность деятельности того или иного предприятия ресторанного сервиса. Одним из таких условий выступает качественное управление персоналом, а также подход к этому процессу с пониманием того факта, что наличие квалифицированного и хорошо обученного персонала – одна из важнейших составляющих успешности ресторанного бизнеса. Процесс управления человеческими ресурсами – это основополагающий аспект жизнедеятельности предприятия, от которого напрямую зависит степень его успешности. Грамотно выстроенная система управления персоналом позволяет обеспечить непрерывное совершенствование методов кадровой политики, фундаментом которых служат достижения отечественной и мировой науки, а также изучение производственного опыта в данной сфере.

Сущность системы управления человеческими ресурсами в сфере ресторанного бизнеса заключается в установлении организационно-экономических, правовых и социально-психологических отношений между персоналом и менеджментом предприятий общественного питания. В основе данной системы взаимоотношений лежат принципы, методы и формы воздействия на деятельность, интересы и поведение сотрудников в целях максимально полного раскрытия их потенциала. На современном этапе эффективность менеджмента ресторана определяется не только увеличением прибыли, но также и стабильностью кадрового состава предприятия.

Программа привлечения кадров является одной из основ системы управления человеческими ресурсами в ресторанном бизнесе. Маркетинговый подход к проблеме управления заключается в проведении исследований по кадровым вопросам, направленных на изучение потребностей и запросов своих сотрудников. Проведение специализированных маркетинговых исследований позволяет компании выбрать наиболее предпочтительные сегменты рынка служащих, а также разработать соответствующий комплекс средств для воздействия на эти сегменты. Составляющими такого комплекса в отношении сотрудников выступает сама работа, оплата труда, льготы, режим работы, престижность работы, перспективы продвижения по служебной лестнице, удобное месторасположение, транспортные условия, наличие автостоянки [2].

Организационные формы использования кадров, в том числе использование временно занятых работников, повышение трудовой мобильности кадров, разработка гибких графиков рабочего времени позволяют привлечь потенциальных сотрудников. Система выбора сотрудником того или иного работодателя, а также перехода из одной организации в другую во многом схожа с системой выбора гостем или его отказом от посещения определенного ресторана. Для предприятия сферы гостеприимства потеря гостя и потеря сотрудника равнозатратны.

Использование маркетингового подхода при разработке программ привлечения кадров и организационных форм их использования для создания рабочих мест и обозначения преимуществ работы на предприятии ресторан-

ного сервиса позволяет не только привлекать эффективных сотрудников, но и далее удерживать их. Исследование таких факторов, как ситуация на рынке труда, социальный запрос общества, изменения в законодательстве, цели и ресурсы предприятия, его кадровый потенциал, а также кадровая политика конкурентов, позволяет определить и удовлетворить потребности предприятия в человеческих ресурсах и тем самым сформировать систему качественного маркетинга персонала.

Проблема текучести кадров в ресторанном бизнесе – это внутренний фактор, напрямую влияющий на содержание маркетингового подхода к использованию человеческих ресурсов. Причины данного процесса дифференцированы и зависят от ряда факторов. К таким факторам относятся:

- 1) возрастной состав коллектива – чем моложе сотрудники, тем они мобильнее;
- 2) гендерный состав коллектива – мужчины менее мобильны, чем женщины;
- 3) семейное положение – одинокие сотрудники более мобильны, чем семейные;
- 4) статус в организации – чем ниже в иерархии расположена должность, тем выше уровень мобильности сотрудника, ее занимающего [1].

Вышеозначенные факторы позволяют сделать вывод о том, что маркетинговый подход предприятия ресторанного сервиса к управлению человеческими ресурсами должен опираться на комплексный анализ ситуации и быть специализированным.

Невысокая профессиональная подготовка сотрудников является одной из основных проблем системы управления человеческими ресурсами на предприятиях сферы гостеприимства в целом и ресторанного бизнеса в частности. Организация постоянного развития персонала внутри предприятия является решающим фактором эффективного кадрового менеджмента в ресторане. Введение качественной программы подготовки способствует развитию самого предприятия и его подъему на принципиально новый уровень. Современные исследования подтверждают, что коэффициент качества обслуживания обратно пропорционален коэффициенту текучести кадров.

Начальная подготовка сотрудников к работе на фрон-хаусе должна включать обязательное изучение корпоративной информации о компании, ее ценностях, миссии и возможностях карьерного роста. Еще одним элементом качественной системы управления человеческими ресурсами выступает формирование института наставничества на предприятии ресторанного сервиса. Система наставничества использует такие методы, как ротация кадров, аттестация и проведение тренингов, что обеспечивает возможность непрерывного продвижения по карьерной лестнице в ресторанном бизнесе для заинтересованных сотрудников. Рациональная организация системы развития человеческих ресурсов позволяет сформировать и развить все необходимые компетенции у сотрудников, стимулирует инновационную деятельность персонала ресторана, а также позволяет существенно снизить текучесть кадров.

Примечательно, что именно компании, осуществляющие свою деятельность в рамках сферы гостеприимства, выступают флагами и пропагандистами системы развития человеческих ресурсов [3].

Мотивация и стимулирование персонала представляет собой комплекс мер, направленных на поддержание морального климата на предприятии ресторанного сервиса.

Программы материального и нематериального стимулирования на предприятии ресторанного сервиса основаны на учете различных аспектов эффективности деятельности сотрудников, среди которых выделяются достижение сотрудниками целей по снижению затрат на производство, достижение определенной себестоимости труда, достижение целей по объемам сбыта, степень удовлетворения гостя.

Процесс постоянного взаимодействия сотрудников ресторана с гостями и между собой порождает большое количество конфликтных и нетипичных ситуаций. Основой эффективного разрешения подобных ситуаций выступает не должностная инструкция, а система правильных подходов, знаний, навыков коммуникации. Именно поэтому деятельность системы мотивации направлена на выявление и поощрение сотрудников, готовых взять на себя ответственность за действия в нестандартных ситуациях и на разумное делегирование им полномочий, позволяющих справиться с возникшей проблемой.

Применение методов стимулирования коллективной деятельности в ресторанном бизнесе воплощается в подходе соучастия в решении проблемы и служит залогом получения гостем адекватного сервиса.

Коллективная деятельность на предприятии ресторанного бизнеса выступает как продукт корпоративной культуры. Выработка корпоративной культуры ресторана рассматривается нами как создание и развитие общего стиля предприятия, который воплощается в отношении сотрудников друг к другу и к своей работе. Эта система основывается на таких ценностях, как мораль, качество и справедливость. Сегодня в ресторанном бизнесе акцент делается не на качество производственных аспектов, а на качество обслуживания [4]. Это способствует выработке нового стиля корпоративного руководства, для которого характерно все большее участие коллектива в процессе управления предприятием питания, увеличение круга делегируемых полномочий и, как следствие, повышение ответственности сотрудников на местах. Такой подход, в свою очередь, позволяет стимулировать процессы новаторства и творчества персонала в процессе выполнения своих обязанностей.

Особенно важным представляется применение принципов командного менеджмента для интеграции субкультур сервисного и производственного подразделений ресторана, которые, как известно, часто вступают в противоборство.

Специфика сферы заключается в том, что предприятия ресторанного сервиса испытывают постоянную потребность в подборе и привлечении дополнительных кадровых ресурсов. Это происходит в силу разнообразных причин, среди которых можно выделить сезонное повышение спроса на услуги в данной сфере, текучесть кадров, расширение бизнеса и другие [4]. Система управления человеческими ресурсами на предприятии ресторанного сервиса должна быть ориентирована на поиск возможных путей и источников привлечения персонала, необходи-

мых для устранения нехватки численности сотрудников независимо от факторов как внутренней, так и внешней среды ресторана.

Еще одним организационным аспектом системы управления человеческими ресурсами в ресторанном бизнесе выступает методология управления персоналом. Данный фактор предполагает рассмотрение сущности человеческих ресурсов организации как объекта управления, процесса формирования поведения индивидов, соответствующего целям и задачам организации, а также методов и принципов управления персоналом.

Основой эффективного функционирования системы управления человеческими ресурсами на предприятии ресторанного сервиса, с методологической точки зрения, являются виды управленческих и трудовых отношений, в которые вступают работники ресторана в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Комплексное изучение отношений, возникающих в системе управления персоналом предприятия общественного питания, основывается на применении системного подхода. В свою очередь системный подход рассматривает управляющую и управляемую подсистемы как единую систему управления человеческими ресурсами ресторана. Элементы данной системы объединены общей экономической целью, состоящей в получении максимальной прибыли. Таким образом, системный подход к менеджменту человеческих ресурсов в ресторанном бизнесе выступает методологической основой создания и эффективного функционирования управленческих систем на предприятиях ресторанного сервиса.

Анализ организационных аспектов системы управления человеческими ресурсами предприятий сферы ресторанного бизнеса показывает, что проблема оценки, рационального использования и эффективного их воспроизводства становится первостепенной. Специфика российского рынка в целом, и ресторанного, в частности, оказывает влияние на возможность использования различных технологий и методов кадрового менеджмента в процессе совершенствования деятельности по управлению персоналом на предприятиях ресторанного бизнеса.

Библиография

1. Котлер Ф., Боуэн Дж., Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-Дана, 2012. 1045 с.
2. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 720 с.
3. Медлик С., Инграм Х. Гостиничный бизнес. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2012. 224 с.
4. Уокер Дж. Управление гостеприимством. М.: Юнити-Дана, 2011. 735 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Кокаев С.Б.

Государственный университет управления

jjf@bk.ru

В статье излагаются методические аспекты формирования устойчивого развития туризма. Отмечается, что управление туристским рынком должно базироваться на понимании стратегического, ориентированного на будущее видения развития сферы туризма.

Ключевые слова: туризм, оказание туристских услуг, устойчивое развитие в сфере туризма, инновации.

METHODICAL ASPECTS OF FORMATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TOURISM

Kokaev S.B.

State University of Management

In article methodical aspects of formation of a sustainable development of tourism. It is noted that management of the tourist market has to be based on understanding of the strategic, focused on future vision development of the sphere of tourism.

Keywords: tourism, rendering tourist services, steady development in the sphere of tourism, innovation.

В последнее время заметно увеличилось число негосударственных организаций, занимающихся туристской индустрией. Это обусловлено расширением туристского сектора и усилением социальных и экономических эффектов от его развития. Главная задача таких организаций – привлечение внимания к проблемам туризма. Необходимо понимать, что качественного управления сферой туризма можно добиться только с помощью плодотворного взаимодействия широкого круга заинтересованных лиц: правительства, администраций туристского управления, туристов и экономических секторов.

Одним из методов повышения эффективности управления устойчивым развитием сферы туризма в условиях риска и неопределенности является планирование туристской деятельности [1].

Туризм – деятельность, которая должна планироваться для повышения ее полезного воздействия на местную экономику. Планирование является обязательным условием обеспечения планомерного функционирования производственно-хозяйственной деятельности. Опыт большинства туристских стран показал, что плановый подход к управлению развитием туристской отрасли не вызывает существенных проблем и положительно сказывается на функционировании туристского рынка. Плановый подход позволяет реорганизовать неэффективные зоны развития туризма, сосредоточить организационные усилия для повышения экономических выгод и решения социальных проблем.

Процесс планирования развития туризма начинается с регионального уровня. При этом необходимо составить структурный план на основе анализа всех элементов, задействованных в управлении туристским рынком, включая факторы внешней среды. Далее в зависимости от видов туризма разрабатываются детальные планы, ориентированные на конкретные территории региона.

К преимуществам планирования туризма на региональном уровне относятся:

- конкретизация направлений туристской политики региона;
- определение методов достижения поставленных задач;
- рациональное использование людских и культурных ресурсов;
- установление тесных связей между всеми секторами экономики;
- создание благоприятных условий для принятия управленческих решений в условиях неопределенности;
- эффективное использование выгоды, получаемой от развития туризма;
- совершенствование организационно-методических основ управления туристским рынком;
- выработка концепций для развития конкретных туристских зон;
- обеспечение постоянного управления туристской отраслью путем создания необходимых организационных и управленческих структур;
- создание эффективной системы координации инвестиционной деятельности в области развития регионального туризма;
- постоянный контроль за ходом реализации целевых программ развития внутреннего туризма.

Управление туристским рынком должно базироваться на понимании стратегического, ориентированного на будущее видения развития сферы туризма. Основными составляющими [2] такого подхода являются:

1. Выявление наиболее перспективных регионов, способных привлечь большое количество туристов.

Для этого необходимо:

- изучить специфику и особенности функционирования региональных туристских рынков;

- выявить реальный туристский потенциал регионов.
- 2. Исследовать факторы внешней и внутренней среды воздействия на туристский рынок.

Для этого нужно:

- количественно и качественно оценить рисковые ситуации, с которыми сталкивается туристский рынок;
- определить поведение потребителей туристских услуг в условиях риска и неопределенности.

3. Создание эффективного управленческого механизма для координации всех действий, направленных на продвижение туристского продукта.

Для этого следует выполнить такие действия, как:

- выработка эффективной маркетинговой политики в области рекламирования туристского продукта;
- налаживание тесных контактов с другими регионами в области развития туризма.

Следующий этап планирования предусматривает разработку оперативных планов, которые позволяют решать промежуточные задачи стратегических целей и реализуются на среднем и нижнем уровнях управления [3].

Плановый подход развития туризма на региональном уровне получил широкое распространение, и в случае его успешного выполнения туристская отрасль приобретет устойчивый характер развития.

Другим методом повышения эффективности управления устойчивым развитием сферы туризма в условиях риска и неопределенности является инвестирование туристской деятельности [4].

Главным фактором повышения экономической эффективности развития туризма является привлечение инвестиций в туристский сектор. Инвестиции в туристском секторе направлены на обеспечение расширенного воспроизводства и производства новых услуг.

Необходимо понимать, что для внедрения инвестиций нужны активные, согласованные и управляемые действия всех заинтересованных лиц. Для этого необходимо разработать общую технологию управления инвестиционным процессом в туристской деятельности.

На рис. 1 представлен механизм управления инвестиционным процессом в туризме.

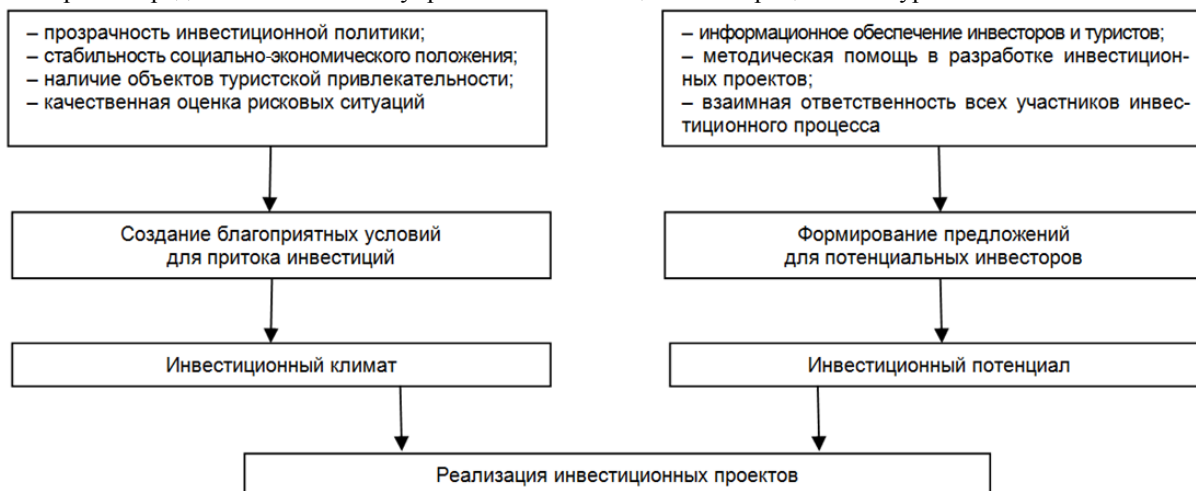

Рис. 1. Механизм управления инвестиционным процессом в туризме

Как следует из рис. 1, инвестиционная активность зависит от двух составляющих: инвестиционного климата и инвестиционного потенциала.

Третьим методом повышения эффективности управления туристским рынком в условиях риска и неопределенности является внедрение инновационных механизмов в туристский сектор [4].

Внедрение инновационных механизмов предусматривает выполнение следующих действий:

- преобразование и модернизация туристских объектов;
- замена устаревших туристских продуктов на новые;
- внедрение новых статистических методов комплексной оценки экономических показателей туристской деятельности.

Эти обстоятельства предопределяют необходимость формирования такого механизма управления процессом инвестирования в туристский бизнес, который обеспечивал бы достижение в ближайшем будущем поставленных целей инвестиционного проектирования в стратегическом плане.

Туризм базируется на целевом и рациональном использовании туристских ресурсов. Качественное использование ресурсного потенциала представляет собой технологическое обновление туристского рынка, который приведет к повышению конкурентоспособности туристского продукта.

Развитие туристской отрасли выдвигает следующие основные задачи:

- научное исследование рекреационных ресурсов;
- разработка методики экономической оценки этих ресурсов;
- анализ количественных и качественных показателей этой оценки [5].

Решение этих задач требует от общества постоянного поиска инновационных методов и приемов.

Инновации в туризме предусматривают:

- разработку эффективного экономического механизма для оценки насыщенности территории рекреационными ресурсами. Экономический эффект рекреационной деятельности проявляется, с одной стороны – в результативности функционирования учреждений туристского назначения, а с другой – в развитии народного хозяйства страны в целом;
- формирование новой модели социального развития общества на основе сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и конкурентоспособности;
- разработку инновационной политики развития регионов.

Выстроить эффективный механизм взаимодействия общества и государства в сфере развития туризма можно только через инновационный механизм модернизации экономики и социальной сферы. Модель социального развития позволит обеспечить:

- эффективность функционирования социальной активности;
- доверие к общественным и государственным институтам, регулирующим туристскую деятельность;
- эффективность механизма взаимодействия организационных структур разных уровней [6];
- консолидацию общества для выполнения стратегических целей развития туризма.

На рис. 2 представлена схема последовательных действий внедрения инновационных идей в туристскую отрасль.

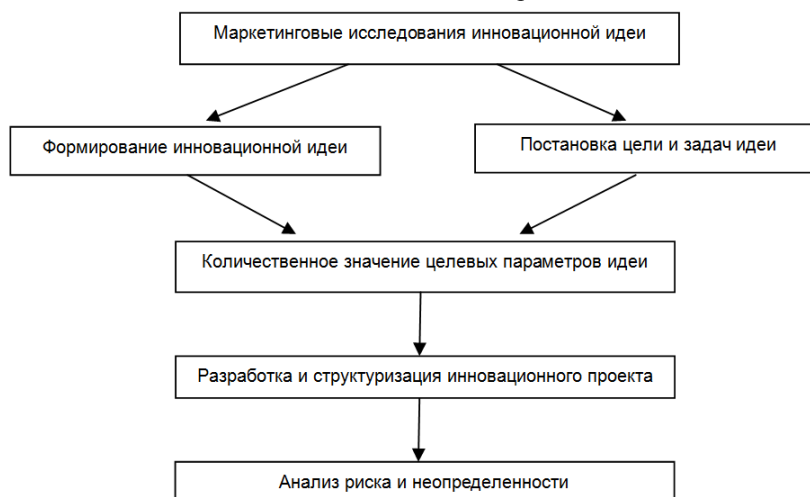

Рис. 2. Внедрение инновационных идей в туристскую деятельность

Следующим методом повышения эффективности управления внутренним туристским рынком является комплексное обоснование принятия риск-решения в условиях риска и неопределенности [7].

Управленческий риск исследуется в динамике циклического процесса управления, имеющего информационные, временные, организационные, социальные и правовые параметры.

Рис. 3. Схема управления риском в процессе принятия риск-решения

Важное значение в хозяйственной деятельности туристских фирм имеет информационный аспект процесса управления риском [8].

На рис. 3 представлена схема управления риском в процессе принятия риск-решения. Как видно из рис. 3, основными критериями при принятии риск-решений являются:

- информационный анализ. Здесь ведутся работы по исследованию известных факторов риска и выявлению новых рискованных ситуаций;
- диагностика ситуации предусматривает учет причин возникновения и изменения риска, их классификацию и определение количественных характеристик риска. В настоящее время используются различные вероятностные и невероятностные методы оценки рискованных случаев;
- на этапе разработки вариантов риск-решений проводится комплексная оценка всех аспектов риска, включая экономические, организационные, социальные и т.д.

В процессе развития большой открытой системы туризма могут формироваться новые ранее неизвестные свойства. Одним из таких свойств, позволяющих характеризовать туризм по параметрам его функционирования, является свойство инновационности, которое, во-первых, отражает интенсивное воздействие на развитие туризма научно-технического прогресса, что позволяет совершенствовать туризм и выходить на более высокие уровни обслуживания туристов; во-вторых, за счет включения все новых ранее не востребованных в данной отрасли элементов позволяет туризму на протяжении длительного времени оставаться одной из динамично развивающихся сфер мировой экономики.

Важным вопросом остается изучение системообразующих факторов развития современной системы туризма. Нами было выявлено, что к таким факторам могут быть отнесены фактор «турист» и фактор новаций, которые определяют вектор этого развития. Первый проявляется в формировании материальных и духовных потребностей в отдыхе и познании окружающего мира, что и позволяет системе туризма функционировать и развиваться. Второй фактор характеризует способность и стремление системы туризма к разработке и внедрению новых элементов в деятельности всех ее составляющих. Это позволяет максимально удовлетворять повышающиеся потребности туристов, а также рационально использовать имеющиеся туристские ресурсы и, как следствие, обеспечивать устойчивое развитие туризма в регионе.

Таким образом, можно утверждать, что в процессе формирования современной большой открытой системы туризма необходимым элементом выступают нововведения, которые обуславливают комплекс изменений, происходящих в системе, и направлены на повышение эффективности развития туризма в регионе. Под инновациями в туризме мы понимаем качественно новый туристский продукт (услугу) или любой другой конечный результат инновационной деятельности, которые позволяют удовлетворять динамично изменяющиеся и возрастающие потребности туристов с получением наибольшего эффекта как для предприятий туристской индустрии, так и региона в целом. Нововведения, применяемые в туризме, могут быть очень разнообразными. В процессе исследования нами была предложена классификация инноваций, использование которой направлено на выявление эффективных методов обеспечения непрерывности воспроизводственных процессов в туризме.

Библиография

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=115996>.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90601>.
3. Биктимирова Е.Д., Васильева А.В., Кярменими С. Развитие приграничных туристско-рекреационных зон как одна из форм сотрудничества Карелии и Финляндии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. С. 112–121.
4. Болонин А.И., Алексеева С.Г. Состояние и направления развития инновационной экономики России // Вестник Академии. 2014. № 1. С. 5–8.
5. Рагулина Ю.В., Болонин А.И. Тенденции глобализации и роль знаний в управлении финансами и процессами производства // Транспортное дело России. 2011. № 8. С. 117–119.
6. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России. М.: Финансы и статистика, 2003. 584 с.
7. Минаев В.А., Фаддеев А.О. Оценка геоэкологических рисков: моделирование безопасности туристско-рекреационных территорий. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2009. 336 с.
8. Швец Ю.Ю. Формирование региональной системы управления инновационным развитием сферы туризма. Симферополь: ДАЙПИ, 2012. 339 с.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

Шогенова М.Ч.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shog-marina@yandex.ru

В статье рассматриваются этнокультурные стереотипы как часть когнитивных процессов в сознании языковой личности (ЯЛ). Материал исследования позволяет обнаружить некоторый инвариант ЯЛ, понимаемый автором как этнокультурная стереотипная языковая личность (ЭКСЯЛ), языковое сознание которой проявляется в вербализованных лексических единицах, имеющих стереотипную модальность. Подчеркивается, что основным параметром определения ЭКСЯЛ является этническое языковое сознание как показатель когнитивной деятельности личности сквозь призму субъективной рефлексии в контексте стереотипного осмысления мира ее этносом.

Ключевые слова: языковая личность, этнокультурные стереотипы, когнитивная деятельность, языковое сознание, этнокультурная стереотипная языковая личность.

ETHNOCULTURAL STEREOTYPES IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF A PERSONALITY

Shogenova M.Ch.

Kabardino-Balkarian State University

In the article we analyze ethnocultural stereotypes as a part of cognitive processes in the language consciousness of a personality. The research material let us reveal an invariant of a language personality (LP). It is considered to be an ethnocultural stereotype language personality (ECSLP), whose language consciousness becomes apparent within verbalized lexical units of stereotyped modality. It is emphasized that the main parameter determining ECSLP is an ethnic language consciousness as an indicator of cognitive activity of a personality through the prism of subjective reflection in the context of the world stereotypical understanding of an ethnic group.

Keywords: language personality, ethnocultural stereotypes, cognitive activity, language consciousness, ethnocultural stereotype language personality.

Как известно, языковая личность – субъект языковой и речевой деятельности – обладает способностью вербально «конструировать» в своем сознании окружающий мир сквозь призму личностного восприятия, интерпретации и оценки. Отражение объективного мира в субъективном мире является основой языкового сознания личности как способности «...формировать и использовать ментальные образы в деятельности и общении... в форме культурных предметов...», вербальные описания которых позволяют «...анализировать сознание, личность, а для лингвиста – возможность судить о содержании языковых единиц и речевых сообщений...» [1], а потому «лингвисты в своей профессиональной деятельности постоянно имеют дело с сознанием человека...» [1].

По справедливому замечанию А.Н. Леонтьева, «...то, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык...иметь сознание – владеть языком...» [2]. Сознание по своей природе носит этнический характер и закономерно определить его «этноязыковым сознанием», под которым понимается «...культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотносенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии...» [3]. Данное определение позволяет говорить о языковом сознании в контексте его культурной наполненности – и это вполне оправданно: сознание представляет собой не «...банальную комбинацию семиотической и отражательной сущностей...» [3], а детерминированный системой языка своеобразный образ мира культуры.

На начальном этапе социализации человека, когда он из «природного» индивидуума формируется в личность, активизируются язык и сознание, тонкое соотношение и созвучие которых создают ее портрет (образ), обусловленный культурной жизнью общества. Будучи признаком каждого человека, язык как генетический феномен «начинает» функционировать, прежде всего, как этнический язык, так как «...в отличие от всех других систем коммуникации, существующих в живой природе, обладает замечательным свойством не только служить знаковым средством создания пропозиций, т.е. сообщений о фактах..., но и выступать в качестве своеобразного запоминающегося устройства, содержащего информацию о бесчисленных продуктах ментально-лингвальной деятельности этноса...» [4]. «Запоминающееся устройство» личности составляет основу языкового сознания, которое естественным образом «начинается» этническим – привычным, консервативным, стереотипным содержанием, так как первичное восприятие мира и его понимание в сознании каждого человека происходит в созданном до него культур-

ном пространстве, на фоне которого протекают все этапы становления (эволюционирования) личности. Такую личность справедливо называют культурно-языковой личностью и определяют как личность, создающую «особое интерактивное пространство своей жизнедеятельности – культуру и язык» [5].

Уникальность каждой личности складывается из детерминации сознания и языка человека, функции которых активизируются в культурном пространстве своего народа; в результате формируется этническое сознание, которое приобретает стереотипный статус; природный язык становится этническим, а когнитивная деятельность направляется на осознанное управление приобретенными личностью лингвистическими, культурными и коммуникативными компетенциями. В процессе социализации личность приобретает знания, которые необходимы человеку для успешной коммуникации и управления собственной жизнедеятельностью в контексте этнического самоопределения. Поскольку личность обязательно маркируется этничностью (национальностью) как неотъемлемым признаком каждого человека, то его сознание формируется в стереотипной – «твердой, прочной, отпечатанной» – атмосфере для данного народа.

Стереотипные представления о себе, своих действиях и традициях усваиваются с ранних лет и направляются на идеализацию универсальной модели нравственного поведения этнокультурной личности, ее этнокультурного идеала. В таком контексте считаем возможным определить некоторый инвариант ЯЛ, понимаемый как *этнокультурная стереотипная языковая личность (ЭКСЯЛ)*, основным параметром которой является этническое языковое сознание как показатель когнитивной деятельности личности сквозь призму субъективной рефлексии в контексте стереотипного осмысления мира ее этносом. Парадигма формирования такой этнокультурной стереотипной языковой личности представлена в схеме 1.

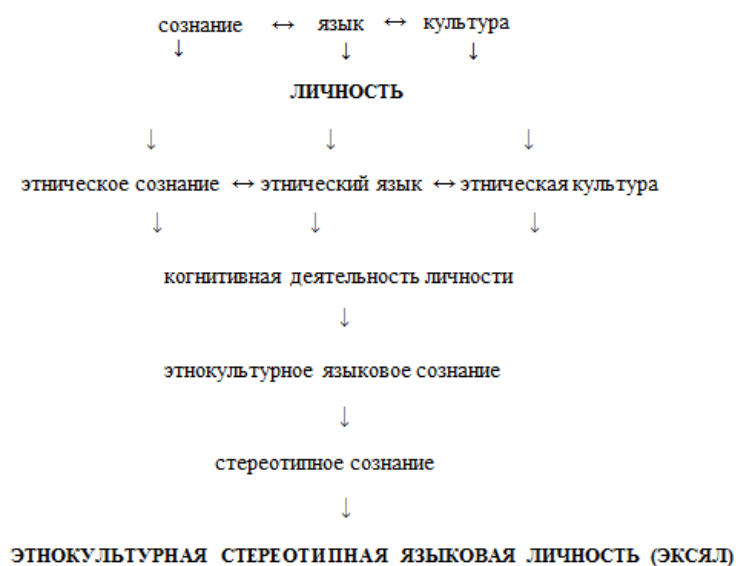

Схема 1. Парадигма формирования ЭКСЯЛ

Языковое сознание определяет этнический и культурный потенциал исследуемой личности, так как в нем (в сознании) фиксируются результаты познания, восприятия, оценки объектов, явлений, предметов наблюдаемой картины мира при помощи средств этнического языка, а любые конструкты и координаты жизни общества культурно детерминированы. Следовательно, считаем уместным подчеркнуть, что рассмотрение структуры языковой личности необходимо начинать именно с ее когнитивной деятельности.

Корреляционная связь сознания, культуры и языка, обеспечивающая жизнедеятельность личности, обнаруживается, прежде всего, в активных языковых единицах, так как в них зафиксированы нормы, установки, идеи, ценности, модели, стереотипы, символы, необходимые для когнитивной деятельности человека, а «...структурными компонентами этнокультурного сознания... являются те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т.п.), которые приобрели статус этнокультурного стереотипа» [6].

Следовательно, этнокультурные стереотипы в языковом сознании являются структурными составляющими в процессе восприятия мира в его оценочном образе, что определяет специфику духовного развития народа, личности. Под стереотипными языковыми единицами нами понимаются национальные (этнические) концепты, которые определяют содержательную сторону языка и культуры и относятся к наивной картине мира. Стереотипные языковые единицы носят эталонный, образцовый характер и отражают стандартизированное восприятие и познание мира отдельным этносом, жизнедеятельность которого подчинена и регулируется единой нормативной нравственно-поведенческой системой как результативной частью практического познания действительности сквозь призму этнического мировосприятия, что детерминирует формирование наивной картины мира (схема 2).

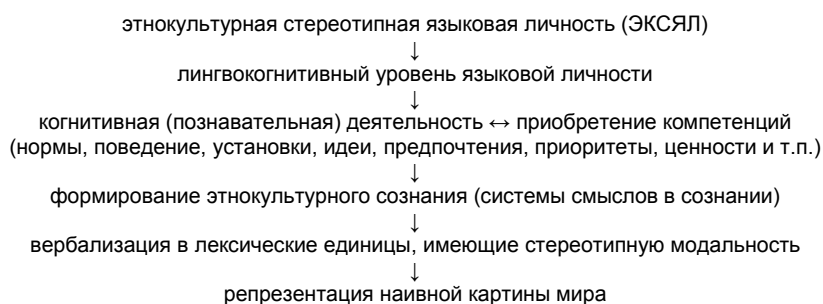

Схема 2. Модель формирования и репрезентации стереотипной картины мира

Термин «стереотип», введенный еще в 1922 году американским журналистом У. Липпманом, в современной науке широко востребован и понимается многогранно в ключе исследований многих дисциплин, в том числе и лингвистических. Так, в когнитивной лингвистике понятие «стереотип» используется активно «...по отношению к любым сущностям (предметам, явлениям, событиям, лицам, животным, растениям и т.д.), с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности и которые получают обозначение в языке...» [7]. Стереотип в таком контексте культурно насыщен и формируется как отражение и воплощение специфики мировосприятия народа, а также обуславливает наличие его обязательности и устойчивости в образе отдельной личности в контексте ее этнической принадлежности.

В контексте настоящей работы этнокультурный стереотип рассматривается как часть когнитивных процессов, включающих традиционные ценности, нормы, совокупность правил нравственного поведения, закрепленных в языке. Стереотипные языковые единицы образуют некоторые устойчивые высказывания, которые хранятся в сознании личности и в определенных ситуациях используются как некий культурный пароль, код, истинный смысл, глубина и ценность которого до конца понятны только представителям конкретного этноса.

Стереотипы в сознании личности занимают прочное место еще на этапе ее формирования, трудно искореняются или преобразовываются в дальнейшем. Базовое стереотипное ядро часто определяет специфику ментального образа личности, так как стереотипные лексические единицы «выдают» личность, прежде всего, в его поведении, в том числе и речевом. Стереотип – это когнитивная единица, содержащая актуальные для личности или общности людей знания, при помощи которых та или типичная жизненная ситуация или явление, предмет становятся показательными, образцовыми в контексте их понимания, «проживания», «исполнения» именно для той этнической группы людей, которая и выработала данный стереотипный феномен. Стереотипы актуализируются именно в контексте нормы, и «...представления о стандартных признаках оценочного стереотипа являются общими для всех или большинства членов данного социума...» [8].

Следовательно, «этнокультурное сознание – результат отражения и стереотипного восприятия образа мира, осуществляющихся в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры» [6]. Рассмотрение стереотипного когнитивного сознания исследуемой языковой личности, на наш взгляд, должно быть основано на анализе аксиологических стереотипных языковых единиц, которые доминируют в коммуникативных ситуациях, подчиненных принципам традиций и национального этикета, детерминированных подчеркнутым уважением к человеку и соблюдением основ воспитания как базовых доминантных ценностных установок ментальности многих этносов.

Такой выбор вполне объясним: стереотипы носят традиционный характер, они консервативны и сохраняют накопленный этносом опыт, наследие и моделируют ментальную морально-духовную ценностную систему знаний и идей о нормативных способах этнического поведения. Например, стереотипное когнитивное сознание титульных народов Кабардино-Балкарии – кабардинцев и балкарцев – детерминировано эксплицитно и имплицитно выраженной подчиненностью определенным неписаным правилам и нормам, которые вырабатывались народами не одним поколением. В частности, в сознании представителя кабардинского народа ёмкое слово *адыгагъэ* (каб.) – «адыгство» (от слова *адыгэ* – самоназвание кабардинцев) традиционно ассоциируется с национальностью человека и выполнением некоторых обязательных действий, определяющих как внутренний мир, мышление человека, представление о жизни, так и его нравственное поведение.

По словам Б.Х. Бгажнокова, «адыгство превращается в один из важнейших компонентов практического сознания, определяя во многом восприятие мира, стиль жизни, ориентировку в конкретных, в том числе и проблемных, ситуациях» [9]. Адыгство представляет собой основу специфики сознания целого этнического сообщества: процессы восприятия, понимания, интерпретации, осознания, переработки знаний, оценки объектов и явлений внешнего мира носители адыгской культуры осуществляют сквозь призму именно положений *адыгства* (*адыгагъэ*). Этническое мировоззрение и сознание балкарского народа изложены в этическом кодексе с названием «Ёзден Адет» (балк.), который, по словам его составителя М.Ч. Джуртубаева, «...это не просто список правил поведения, это этический кодекс; этическое начало составляет основу мировоззрения наших предков...» [10]. Это этическая система, которая является своеобразной идеей мышления и главным стержнем, к которому прирастает каждый представитель балкарского народа. Так, емкими понятиями, которыми характеризуется балкарец, его образ и мышление, являются лексемы *тау намыс* (балк.) – «горский обычай», *намысы* (балк.) – «достойный», *адамлыкъ* (балк.) – «человечность». Закрепленность лексемы *намыс* в сознании народов и ее ценность для его представителей передается, например, в известной народной сказке. Мотив ее простой: в ситуации исполнения любого жела-

ния балкарская семья делает выбор в пользу чести – *намыс* как условия сохранения счастья в доме. И это неслучайно: в коммуникативном пространстве, в котором действует «...ориентация на культурные традиции, этнические стереотипы поведения присутствуют облигаторно...» [11], и они «...для данного коллектива совершенно нетягостны и принимаются за единственно возможную норму» [12].

Следовательно, заключаем, что основное стереотипное ядро знаний или когнитивная база кабардинского и балкарского народов сосредоточено соответственно в Адыгской этике (каб.) и «Ёзден Адет» (балк.), содержание которых «примеряется» ко всем членам этих этнических групп. Стереотипы – константы когнитивного сознания личности, в котором отражаются как собственная оценка личности, так и представления об этносе, к которому относится человек. Например, «этнический способ представления мира при помощи выявления и описания специфики формирования и развития нравственной этнокультурной стереотипной языковой личности обнаруживается в концепте *адыгагъэ* (каб.) и эксплицируется как нравственный мировоззренческий стереотипный принцип жизнедеятельности национальной (адыгской) языковой личности» [13].

Стереотипный образ *адыгства* – это яркий показатель духовно-нравственной силы и мощи кабардинца, оценка его жизни со всеми поступками, делами и практиками; это высокая оценка личности в контексте не только его принадлежности к определенному этносу, но и статуса человека. Лексема *адыгство* (*адыгагъэ*) (каб.) не имеет прямого лексического перевода в русском языке, что более обуславливает необходимость его объяснения как совокупности знаний, отраженных в этническом (адыгском) сознании. Когнитивная интерпретация идеи *адыгагъэ* выявляет когнитивные признаки, репрезентирующие нравственные качества, которые должны быть свойственны представителям адыгского этноса.

Так, совершенно обоснованно подчеркивается, что стереотипная фраза *уадыгъэ уэ?* (каб.) – ты разве не адыг? – несет в себе не конкретный вопрос, требующий ответа, а скорее риторический, в котором прочитываются аксиологические нравственные установки данной фразы. При помощи этого концепта в сознании адыгской языковой личности фиксируются стандартные представления о нравственном человеке, его моральном облике. *Адыгство* как факт стереотипизации в сознании исследуемой личности обнаруживается в типичной ситуации, задает модель поведения, конфигурирует национальные культурные ценности этноса, образует концептуальную парадигму высоконравственных, позитивных смыслов и значений, из которых складывается когнитивное сознание языковой личности, принадлежащей данному этносу. Более того, служит некоторым дескриптором этнического образа языковой личности.

В работе [13] нами было подчеркнуто, что «номинативная плотность» лексемы *адыгагъэ*, значительное количество ее когнитивных признаков позволяют утверждать, что концепт *адыгагъэ* представляет собой национально-культурный феномен, предписывающий специфику гармоничного сосуществования людей по нравственным законам и правилам, как морально-этическая категория, выступающая средством моделирования когнитивного уровня структуры национальной (кабардинской) языковой личности» дает нам возможность подчеркнуть, что именно концепт *адыгагъэ* является центральным объектом в когнитивной картине мира адыгского этноса, массовое сознание которого и сегодня склонно к сохранению традиций и наследия предков. Практически идентичную функцию выполняет и кодекс балкарского народа, который «...стремится объяснить, почему и для чего следует быть нравственной личностью, что человек приобретает, следуя путем истины, добра и красоты, и что он теряет, сойдя с него» [10].

Идеализированный образ, который имеет стереотипный статус, в сознании этноса определяется как *асыл адам* (балк.) – благородный человек, который в своих действиях руководствуется совестью, например, *адетни билсенг* – *адетге кёре*, *адетни билмесенг* – *бетге кёре* (балк.) – «знаешь обычай – поступай по обычаю, не знаешь – поступай по совести». В «Ёзден Адет» подчеркивается, что «...слово «намыс» многозначно, но главное, определяющее его значение (в карачаево-балкарском языке) – «честь, уважительность, достоинство» и диктуемое им поведение. *Намыс* – это одновременно и внутреннее, и внешнее качество, точнее, его наличие зависит не только от самой личности, но и признания общества...его можно потерять, иногда навсегда...но можно и хранить *намыс* (*курсив наш*) до последнего часа. Фактически *намыс* – это уважение к другим плюс самоуважение...» [10]. Содержание подобных памятников – это воплощение когнитивного сознания конкретного этноса, особенности его мироощущения, восприятия, понимания, оценки окружающей действительности, приобретения, осмысления, отбора и накопления знаний, формирующих целостную картину мира сквозь призму субъективной (собственной) рефлексии.

Таким образом, совокупность этнических стереотипов, в которых воплощаются результаты когнитивной деятельности народа, представляются уникальным средством восприятия и интерпретации информации и знаний о людях, о себе, ситуациях, предметах и явлениях, дают ключ к пониманию этнической картины мира. Каждая стереотипная языковая единица 1) являясь компонентом наивной картины мира, выражает знания и взгляды представителей конкретной нации; 2) отличается повышенной культурно насыщенной содержательностью; 3) востребована и реализуется в стандартных ситуациях, отличается повторяемостью и регулярностью использования; 4) обладает коннотативным значением, регулирующим нравственные качества личности, определяющие нормы ее поведения и т.п.

Наличие этнокультурных стереотипов в сознании языковой личности позволяет обнаружить некоторый ее инвариант, который нами был определен как этнокультурная стереотипная языковая личность, в когнитивном сознании которой воплощается стандартизированное восприятие, познание, осмысление мира ее этносом, подчиненным в своей жизнедеятельности уникальной единой нормативно-нравственно-поведенческой системе, отражающей результаты когнитивной деятельности народа сквозь призму этнического (субъективного) мировосприятия, что детерминирует формирование его наивной картины мира.

Библиография

1. Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 6–15.
2. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.
3. Привалова И.В. Этническое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 486 с.
4. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина «Русские словари», 1997. 414 с.
5. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 510 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные Ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 24. (95). Вып. 8. С. 5–11.
7. Толстая С.М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 262–264.
8. Жекеева Е.З., Габуния З.М., Улаков М.З. К проблеме оценочного характера пословичной картины мира // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 2 (40). С. 140–147.
9. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
10. Ёзден Адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост. М.Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
11. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Роль этикетных речевых формул в формировании коммуникативных компетенций языковой личности (на материале Кабардино-Балкарской Республики) // European Journal of Contemporary Education. 2013. Т. 1, № 3. Р. 4–10.
12. Джуртубаев М.Ч. Душа Балкарии: сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1997. 232 с.
13. Шогенова М.Ч. Этнокультурный идеал языковой личности: лингво-когнитивный аспект // Вестник Ленинградского Государственного университета имени А.С. Пушкина. № 3. С. 194–203.

**НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК КОМПОНЕНТ
ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННЫХ СМИ
(на материале российских газетных публикаций)**

Кумыкова А.Х.

Лицей для одаренных детей МОН КБР

alena.afaunova@yandex.ru

В статье выявляются особенности использования в газетных публикациях различных видов ненормативной лексики: разговорных, просторечных, грубо-просторечных слов, эвфемизмов, жаргонизмов и варваризмов, раскрывается причина проникновения ненормативной лексики в язык массовой информации.

Ключевые слова: ненормативная лексика, компонент, языковой портрет, газета.

**PROFANITY AS A COMPONENT OF LINGUISTIC PORTRAIT OF MODERN MASS-MEDIA
(on the materials of Russian newspapers)**

Kumykova A.H.

High School for Gifted Children MES KBR

In this article the author reveals the reason for the penetration of profanity into the language of the mass-media, demonstrating it through the examples of Russian newspapers. Author also identifies in these newspapers the use of the following types of profanity only: colloquialisms, vernaculars, coarse vernacular words, jargon and barbarisms. Vulgarisms and euphemisms (in rough form) are not used in the above-mentioned publications that are the distinctive hallmark of newspapers.

Keywords: profanity, component, linguistic portrait, mass-media.

Язык прессы последних десятилетий, безусловно, можно рассматривать как «зеркало политической и речевой культуры общества, освободившегося от тоталитарной власти» [1]. В нем наиболее ярко отражается стремление современных журналистов к индивидуализации газетного языка при интерпретации определенных событий, фактов, ситуаций, что нередко сопровождается обращением их к оценочным языковым единицам. Говоря о роли журналистики в современный период, В.В. Богуславская пишет, что она «внедряет» в язык новые понятия, новые грамматические нормы и являет нам творческое осмысление картины мира. При этом все новые понятия подвергаются интерпретации, проходя сквозь призму субъективного журналистского мировосприятия и мироотражения» [2].

На наш взгляд, результаты исследования языкового портрета газеты внесет определенный вклад в теорию языковой личности, которая в отечественной лингвистике в последние годы интенсивно развивается. Известно, что в процессе создания аналогичного портрета любой газеты принимает участие группа авторов, поэтому одним из свойств языка современной газеты, как справедливо утверждает А.А. Ранинен, является «коллективное авторство», которое, наряду с такими качествами, как «единая система идеологического воздействия», «невозможность критического анализа получателем», «принудительность содержания», «подавление аудитории», участвует в формировании «коммуникативно-прагматической составляющей побудительных речевых актов» в языке газет [3].

Цель настоящей статьи – описание ненормативной лексики, используемой в языке газет, как компонента языкового портрета современных СМИ, что очень важно для того, чтобы определить тенденции развития публицистического стиля в последние десятилетия.

В качестве материала для исследования нами использованы языковые единицы из газетных изданий общероссийского уровня («Известия», «Версия», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Кабардино-Балкарская Правда», «МК» в Кабардино-Балкарии, «Горянка») как в номинативном, так и в индивидуально-авторском употреблении.

Под ненормативной лексикой в работе мы понимаем лексику, нарушающую нормы литературного языка и противоречащую этическим нормам общества. И, по нашему мнению, в ее состав входят как бранные, грубо-просторечные слова и выражения, так и вполне нормативные лексические единицы, которые в контексте приобретают отрицательную коннотацию при обращении к конкретному адресату с целью оскорбить, унижить или оклеветать его.

Проведенный нами анализ показал, что на страницах современных российских газет имеет место просторечная речевая культура, что свидетельствует, с одной стороны, о процессе детабуизации «запрещенной» лексики, которая отражает практически все разнообразие ненормативных слов и выражений. Рассмотрим примеры использования ненормативной лексики на страницах современной публицистики по группам:

1. Жаргонизмы: *подстава* – подвох; подстановка кого-л. под удар; умышленная каверза с целью поставить кого-л. в неприятное, затруднительное положение [4]: *Сотрудники новой службы будут расследовать типичные для дороги преступления – ограбления дальнбойщиков, дорожные «подставы», кражи барсеток...* [5]; *наркота* – наркотики: *Гайдукевич рассказал о технологии борьбы за власть с помощью нетрезвой, напичканной наркотой молодежи и раскрыл планы американцев* [5]; *смотрящий* – авторитет или его уполномоченный, контролирующий

дела в каком-л. регионе [4]: *А семь крупных западных кинокомпаний, пользуясь терминологией детективных сериалов, поставили на российском рынке своеобразного «смотрящего»* [5]. Обращение к данным лексическим единицам, по нашему мнению, не оправдано, так как автор мог реализовать свой замысел и с помощью литературных эквивалентов, которые в публицистическом тексте выполняют свою классическую роль, то есть отражают речевое поведение определенных социальных групп. В рассматриваемой газете «Версия» частотность употребления приведенных ненормативных слов такова: *подстава* – 8 раз, *наркота* – 3 раза, а слово *смотрящий* встречается в 218 материалах.

Также примечателен пример из газеты «Кабардино-Балкарская Правда»: *В последние годы в киргизской политике утвердился принцип «все кидают всех». Совсем без «кидалова» в политике нельзя* (КБП, 2010, № 77). **Кида́ть** – 1) обкрадывать, грабить кого-л.; 2) обманывать, надувать кого-л. или **кидалово** – мошенник, аферист [4]. Жаргонное слово *кидалово* встречается в языке газетных СМИ не так часто. Например, в «Российской газете» только в двух материалах используется это слово, одним из которых является статья «Бойтесь данайцев, модем приносящих»: *... и долго будет продолжаться подобное кидалово?* (об интернет-обманах) [4].

В языке печатных СМИ часто используется слово **тусовка**, зафиксированное в лексикографических источниках как жаргонное: сборище, сходка [4]. В качестве примера можно привести следующий фрагмент из газеты «МК» в Кабардино-Балкарии: *Впрочем, понятно, что у боевиков такая тусовка, где все участвующие и сочувствующие знают друг друга...* (МК в КБР, 2010, № 16).

2. Просторечные, грубо-просторечные слова: *Не успела поздороваться, а лифтер ни с того ни с сего начинает меня лапать* (МК, 2011, № 5). **Лапать** (груб.-прост.) – хватать, трогать руками [4]. Полагаем, что в ряде случаев ненормативные слова и выражения, используемые для передачи эмоционального настроения адресанта, можно заменить их нейтральными синонимами, не нарушая при этом норм языка: ср. *Не успела поздороваться, а лифтер ни с того ни с сего начинает трогать меня руками*.

Показателен в плане неправомерного, неоправданного применения грубо-просторечных слов и выражений отрывок из газетного текста «Биошлак без приставки «этно»»: *Мы ехали в маршрутке. Они – двое молодых ребят-кабардинцев – читали газету «Адыгэ псалтэ» и смеялись, точнее ржали. Потому что не могли прочитать текст на своем родном языке. <...> Когда это началось? С каких пор человек, пусть даже и очень молодой, стал гоготать над звуками родной речи? <...> Адыги говорили: «Язык – это частокол, охраняющий нацию». Частокол редет, мы превращаемся в космополитов, в биологический ишак без приставки «этно», в быдло, не помнящее своих корней* (МК в КБР, 2010, № 16).

Представленный текст в смысловом плане поучительный и заслуживает особого внимания (о языке, культуре и воспитании). Автор, поднимая актуальную тему и раскрывая ее на конкретном примере, воздействует на потенциального читателя. Но адекватное восприятие текста в целом, на наш взгляд, может нарушиться из-за использования в нем таких ненормативных лексических единиц, как *гоготать* (прост.) – громкий, несдержанный хохот [4], *ржать* (то же самое), *быдло* (груб.-прост., презр., бран.) о людях тупых, духовно не развитых, покорно и безропотно выполняющих за кого-л. тяжелую работу, обладая при этом чувством стада [4]. Употребление двух первых слов можно как-то оправдать эмоциональным состоянием адресанта, слово «быдло», как мы полагаем, неуместно в данном контексте, так как целенаправленно нарушает этические нормы в связи с тем, что будучи адресованным конкретному лицу, оскорбляет его, унижает.

Подобных случаев использования ненормативной лексики в газетах достаточно, и частотность их употребления велика. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент из газеты «Московский комсомолец», в котором используется грубо-просторечное слово *быдло* и жаргонное *халява*:

Но, боясь выбора, быдло всегда мечтает о «молочных реках и кисельных берегах», поэтому в нем гармонично сочетается тяга к халяве с верой в чудеса. Причем, как правило, халява не удается, а чудеса не сбываются, но быдло с завидным постоянством наступает на одни и те же грабли (МК, 2011, № 5). Грубо-просторечное слово *быдло* в названной газете употреблено 16 раз за последние полгода. Также в приведенном отрывке используется слово *халява*, которое, согласно лексикографическим источникам, относится к жаргонным. Данная лексическая единица часто (1140 раз) употребляется в газете «Аргументы и факты». Например: *Здесь «на халяву» не проедешь, не спишешь* (АиФ, 2011, № 10). В статье речь идет о возможности, точнее исключении возможности сдать ЕГЭ «на халяву». Также частотность употребления таких слов, как *тусовка* (794 раза), *офигеть* (123 раза), *общак* (162 раза), *ментура* (91 раз) в этой газете свидетельствует о том, что в публицистическом стиле широко используются слова и выражения жаргонного происхождения.

3. Варваризмы: *Сначала стали говорить, что я любовник Филиппа, потом сделали меня новым бой-френдом Софии Михайловны* (МК, 2011, № 5). **Бой-френд**, **бой-фрэнд** и **бойфренд** (англ. *boy friend*) сексуальный партнер; любовник [6]. Лексическая единица *бой-френд* в данном материале нарушает норму языка, с одной стороны, как слово иностранного происхождения, которое неоправданно проникло в язык, и его использование в нем абсолютно неправомерно, в русском языке имеются его полные лексические эквиваленты *поклонник*, *ухажер*, *молодой человек*, с другой стороны, во фрагменте эта лексема *выступает в двух значениях*: а) гомосексуал (любовник Филиппа), б) любовник (бойфренд Софии Михайловны). В обоих случаях автор нарушает этические нормы, так как он входит в запрещенную для обсуждения тему интима.

Примечателен также пример из газеты «Горянка», в котором используется слово английского происхождения *кипер*, относящийся, безусловно, на наш взгляд, к словам-варваризмам, так как вытесняет русский эквивалент *вратарь*:

Справедливости ради нужно отметить тот факт, что кипер нальчан среагировал, но спасти свою команду от гола не смог («Горянка», 2010, № 3). **Кипер** (англ. *keeper / goalkeeper* – вратарь. В футболе: голкипер;

вратарь [4] и т.д. На примере видно, что иноязычное слово *кипер* можно было легко заменить синонимом *вратарь*, и это было бы уместно и оправданно.

К заимствованным словам и выражениям нет однозначного отношения. С одной стороны, подобные лексические единицы, пришедшие в русский язык чаще всего из английского, настолько активно используются в современных средствах массовой коммуникации и в речи носителей языка начала XXI века, что они начинают казаться «родными», вполне допустимыми. С другой стороны, они вытесняют исконно русские в силу кажущейся непрестижности или устарелости последних, что и служит впоследствии основным аргументом для отнесения их к словам-варваризмам.

4. Вульгаризмы: это слова и выражения типа *секс*, *сутенер*, *лесбиянка* и т.п. Необходимо заметить, что эти лексемы не нарушают литературных норм, то есть они являются общепринятыми и в словарях даются без помет: «**секс** – все то, что относится к сфере половых отношений; **сутенер** – человек, живущий на средства своей любовницы-проститутки; **лесбиянка** – женщина, испытывающая сексуальное влечение к лицам своего же пола» [7]. Однако полагаем, что все они нарушают этические нормы, так как затрагивают зону интимности как отдельно взятого человека, так и социума в целом. Приведем несколько примеров из газеты «Версия»: *Вместе с бывшим секс-символом мирового тенниса за «Делавэр» сыграют американцы* («Версия», 2006, № 4). Или: *Выдавшая виды секс-дива, которая, казалось бы, давно и бесповоротно порвала с профессиональным теннисом, все же время от времени выходит на корт* («Версия», 2006, № 4). Однозначно отнести подобные слова и выражения к ненормативным лексическим единицам невозможно, так как существуют разные подходы. Мы же, в свою очередь, включаем эти единицы в группу вульгаризмов по двум причинам. Во-первых, они нарушают этические нормы, раскрывая в какой-то степени личную жизнь того или иного субъекта. Во-вторых, согласно лексикографическим источникам, подобные выражения чаще всего содержат отрицательный оттенок в своем значении. Например, **секс-дива** – в.м. прям. наименования продажной женщины («Версия», 2006, № 4). Данное толкование подтверждает, что рассматриваемую лексическую единицу можно отнести к вульгаризмам, а также она является эвфемистическим выражением, что позволяет говорить о ее ненормативности.

5. Эвфемизмы, которые, как правило, используются «носителями «элитарного» типа речевой культуры в отличие от носителей более низких типов речевых культур» и т.д. для обозначения негативного денотата, смягчения негативной оценки денотата [8]. Например: **девушка по вызову** – в.м. прям. наименования продажной женщины; сокращ. от «девушка, работающая по вызову» [5]; **женщина полусвета** – в.м. прям. наименования продажной женщины [5]. Аналогичны в смысловом отношении и такие эвфемистические единицы, как *дама легкого поведения*, *ночная бабочка*, *мальчик по вызову* и т.п.

Как полагает Л.П. Крысин, «современная русская речь характеризуется двумя противоположными тенденциями: ее огрублением и эвфемизацией» [9], то есть эвфемизация противопоставляется огрублению, но тем не менее, нам представляется, что эвфемизмы – это «мягкие» варианты имеющихся в языке грубых лексических единиц (например, *ни фига*). В качестве примера рассмотрим заголовок из газеты «Известия»: *Это ни фига не карикатура* («Известия», 2006, № 73). **Ни фига** – Эвф. матерного слова {...}, ничего [10].

Использование завуалированного матерного слова *ни фига* в этой статье является неправомерным, так как в ней говорится о такой форме общественного сознания, как религия. Эвфемизация грубого выражения не делает возможным его применение в тексте в качестве нормативной лексической единицы, так как оно в любой форме несет отрицательный оттенок.

Известно, что лексема *фиг* также является синонимом слов *кукиш* (разг.), *шиш* (прост.), *дуля* (прост.) [7]. Обратимся к следующему фрагменту из «Российской газеты»:

*На прошедшей неделе глава украинского МВД уволил со службы очередного гаишника. Вся его вина заключалась в том, что при общении с автолюбителем он позволил себе ненормативную лексику. И не то, чтобы послал «трехэтажным» куда подальше. А так, погорячился, обещав в пылу дискуссии «набить морду» владельцу транспортного средства. Гаишник не знал, что его откровения снимают на скрытую камеру, после чего соответствующий ролик был выставлен в интернете на специализированном сайте, посвященном производству милиции. Ранее туда попала и другая съемка, где сотрудники правоохранительных органов показывают на дороге своим гражданским собеседникам комбинацию из пальцев, известную как «**фига**». Посмотревший ролики министр внутренних дел Украины, который, как выяснилось, внимательно следит за подобным компроматом, распорядился провести короткое расследование... За что заплатились – были уволены (РГ).*

По нашему мнению, в этом отрывке использование лексических единиц *фиг*, *набить морду* и *послать «трехэтажным» куда подальше*, безусловно, является нарушением языковых и этических норм.

В качестве эвфемистического выражения также можно рассмотреть прочно вошедшую в язык как современных СМИ, так и носителей языка фразу **лицо кавказской национальности** (190 употреблений в газете «Московский комсомолец»), в большинстве случаев используемую с явной негативной оценкой, что и дает возможность отнести ее к нарушающим этические нормы языка выражениям. Рассмотрим следующий фрагмент из упомянутой выше газеты:

Чрезвычайное происшествие произошло на бульваре возле дома № 7 на севере Москвы. Неизвестные, предположительно лица кавказской национальности, разбив стекло автомашины, украли сумку... (МК, 2011, № 5). Данная эвфемистическая единица, обозначающая человека «с восточными чертами лица, нерусский, «принадлежащее к одной из наций или народностей Северного Кавказа или Закавказья и живущее, временно или постоянно, в каком-л. регионе России» [11] чаще всего употребляется в значении: *нарушитель*, *разбойник*, *грабитель* и т.д., также она используется в качестве обозначения жителей Северного Кавказа, отличающихся исключительно негативным миропониманием и мировосприятием.

Таким образом, анализ языка газет, проведенный нами, показывает, что журналисты широко используют ненормативную лексику, которая, наряду с другими языковыми единицами, активно участвует в формировании языкового портрета прессы. Этот процесс свидетельствует и о том, что «из всех функциональных стилей русского языка наиболее заметные изменения в последние полтора десятилетия зафиксированы в СМИ, что естественно и закономерно при учете глобальных политико-социальных преобразований, происшедших в России с 1985 г.» [11]. Эта ситуация, то есть процесс детабуизации и полная свобода слова стали причиной проникновения в язык российских СМИ слов и выражений ненормативного характера.

Библиография

1. Лысакова И.П. Пресса перестройки. СПб., 1993. 148 с.
2. Богуславская В.В. Журналистский текст в прагматическом аспекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rspu.edu.ru/li/journal/boguslav.htm/>.
3. Ранинен А.А. Категория модальности на страницах газет как объект анализа языка СМИ // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 89–91.
4. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003. 1021 с.
5. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008. 459 с.
6. Складневская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2006. 1133 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 937 с.
8. Вильданова Г.А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филолог. наук. Уфа, 2008. 22 с.
9. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 1999. С. 9–31.
10. Флегон А. За пределами русских словарей. Лондон, 1973. 416 с.
11. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ / Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука / под ред. М.Н. Кожинной, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stylistics.academic.ru>.

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ И АППЕРЦЕПТИВНАЯ СПЕЦИФИКА КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОГО СТИЛЯ ПОЭЗИИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Бауаев К.К.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kazim_bauaev@mail.ru

Статья освещает причины формирования главной дифференциальной черты традиционной поэтики народа – материализованного, «вещного» характера представлений, свойственного произведениям балкарских авторов еще на самых ранних этапах развития советской национальной литературы.

Ключевые слова: поэтическая традиция, образное представление, кенотип, аруз, сенсорика, визуальный, стиль.

GENESIS OF THE SOVIET TRADITION AND APPERCEPTION SPECIFICS AS BASIS OF ETHNIC STYLE OF POETRY OF THE BALKAR PEOPLE

Bauaev K.K.

Kabardino-Balkarian State University

The article highlights the reasons for forming the main differential characteristics of the traditional poetics of the people materialized, «proprietary» nature of the ideas peculiar to the works of authors Balkaria is still at the very early stages of development of the Soviet national literature.

Keywords: poetic tradition, creative thinking, genotip, aruz, sensory, visual, style.

Общность семантических порядков Советского государства в 20-х и 30-х гг. прошлого века обуславливалась конвенциональными стандартами новой социалистической эстетики в её утилитарной, пропагандистской части и могла, по сути дела, считаться базой определенного стиля. Степень его проявленности у русских поэтов и национальных была, разумеется, разной и зависела не только от протяженности и разработанности предыдущей поэтической традиции, но и от самосознания конкретных авторов.

Для русской культуры характерным было признание мессианской роли писателя; программное «Поэт в России больше, чем поэт» [1] отражало не просто идеальное представление о статусе автора, а реальную позицию социальных групп общества. Положение национальных литераторов Северного Кавказа было несколько другим – прежде всего, в силу отношения к ремеслу поэта у горцев. Наиболее отчетливо региональные особенности статуса стихотворца проявлялись у балкарцев и заключались они, прежде всего, в отсутствии самой социальной ниши «поэт» или «литератор». В свою очередь, государство всячески поддерживало любые попытки словотворчества, если они производились в русле идеологической, классовой дидактики и революционного просветительства, декларируя устами апологетов большевистской эстетики принципиальную дистанцированность «нового» типа творчества от профессионализма в его старом понимании.

Понятие «художественного», технически, образно и эмоционально оформленного в литературном тексте, в устной и письменной речи в той его части, которая была связана с традицией и культурой, полностью игнорировалось в контексте ссылок на классовый утилитаризм [2].

Поэтическая традиция советского времени развивалась в соответствии с запросами и ожиданиями, которые господствовали в умах партийных бонз молодой Советской республики. Нельзя сказать, что классовые представления были полностью бесплодной почвой для эстетического сознания – напротив, вышедшие на авансцену духовной жизни молодые авторы, осознавшие свою функциональную роль в процессе строительства психологии и ментальности социалистического общества, форсированно разрабатывали новые объектные ряды, новую образность.

Уже к 30-м годам прошлого века «пролетарское» информационное пространство было создано в той мере, которая представляла возможность писать тексты, полностью погруженные в поле предпочтительной эстетики, начинавшейся с базовых идеологем и заканчивавшейся образными представлениями, в той или иной степени претендовавшими на индивидуальность. Кенотипы социалистического мировоззрения [3] охватывали довольно широкое пространство и обладали парадигмальной полнотой в том смысле, что позволяли авторам проследить в текстах полный семантический код новоявленных ассоциативных линий: «Знамя», «Ленин», «Сталин», «Партия» и прочие универсалии новой поэтики уже обогатились информацией на всех уровнях отражения и обобщения; они существовали в произведениях одновременно и в качестве формульного представления, и в качестве символа, и семы, и текстуально осмысливаемого образа. Это была новая гносеология окружающего, опиравшаяся, как и полагается любому познанию, на последовательные интерпретации бытия, начиная с мифологических моделей. Такие признаки главного и единственного героя пролетарской эстетики, воплощавшегося то в «трудовом народе», то в «рабочих», то в лапидарном «мы», как «всемогушество», «непобедимость», «бессмертие» и прочее, вполне показательно перекликаются с характеристиками мифа, это совершенно неслучайное явление.

Однако собственный опыт и индивидуальная рефлексия писателя интегрируется в контекст кенотипов лишь посредством отвлеченных категорий, обобщенных медиаторных смыслов [4]. В совокупности со спецификой балкарских национальных практик словесного творчества это свойство новой идеологической (по сути – мифологической) парадигмы представлений об окружающем и пониманием авторской профессиональной обособленности сформировало совершенно особую ситуацию. Для балкарских авторов не было разницы в выражении своей поэтической рефлексии с помощью традиционных фольклорных архетипов и апперцептивных моделей, социалистических кенотипов и форм восточной поэтики. Все они, за исключением К. Мечиева, пришли к осознанию своего выделенного творческого статуса в период господства советской эстетики и идеологии. Видимо, это и было основной причиной универсализма в реализации той или иной традиции в их текстах.

Сказанное не означает, что в балкарской поэзии не была выстроена система сублимативных «соцреалистических» жанров – как мы знаем, этого не избежала ни одна из советских национальных литератур, включая русскую, и даже такой природный «диссидент» и ментальный фрондёр, как Пастернак, в одной из своих творческих ипостасей находился у истоков культа личности Сталина в русскоязычной поэзии. Биполярность структуры эстетической онтологии кроется, скорее всего, в дуализме культуры как общественно значимого феномена [5].

Тем не менее, существуют видимые различия между поэтическими нормами презентации идеологом между произведениями поэтов-медиаторов, осознавших свой статус еще до 1917 года, и авторами новой генерации. Так, что касается поэзии К. Мечиева – в ней четко проявлены арузные формы, в рамки которых основоположник балкарской поэзии встраивал идеологические кенотипы социалистической эстетики [6]: *...Осуятым хар кьардашха: // Заманны жиберме боиха! // Билим – дуняны жарыгы, // Керекди ол кьартха, жашиха* [7] – «...Мой завет каждому брату (всем братьям): // Не отпускайте (не тратьте) время зря! // Знание – свет мироздания, // Оно нужно и старым, и молодым».

Строгое следование восточной традиции – разумеется, в тех границах, в которых она была освоена балкарским поэтом – позволяет даже определить, о какой культурной разновидности аруза идёт речь. В данном случае мы наблюдаем смешение двух технических норм, одна из которых тяготеет к классической (арабской) строфике. Рубаическая строфа была одинаково органична и для арабского, и для персидского, и для тюркского стихосложения, постоянная же рифма была более распространенной у арабских авторов. В цитируемых строках К. Мечиева мы наблюдаем две строфы с постоянной рифмой, как того требует арабский канон, остальные четыре – с рубаической.

Еще более иллюстративный пример сознательного следования Мечиевым нормам арабского стихосложения: *Къазакъла терс кетелле, // Ачыу бла хукму этелле, // Ёлтюрюрге терк жетелле, // Асыры чекден ётелле... // ...Тоханалада туралла, // Аман оюнга кьуралла, // Ниетни терсге буралла, // Бийлик кьайтырыкь суналла* [8] – «Казаки идут неверно (в неправильную сторону), // Законы (нормы) злобы делают, // На убийство быстры, // Слишком переходят границу... // Сидят во дворцах, // Плохие обычаи создают, // Мораль неверно толкуют, // Думают, что вернётся господство».

Рифмика приведенных примеров определяется единством окончаний, и в принципе это можно воспринимать как грамматическую особенность тюркских языков. Действительно, глагольная рифма часто встречается у Мечиева, однако полностью отнести эту черту к морфологическим особенностям тюркской речи нельзя – в нескольких случаях поэт совершенно осознанно создает форму арабской кафии – классической арабской постоянной рифмы [9], без применения грамматических клаузул: *Жашила, сизге ата сёзюм, // Ачылдыла эки кёзюм. // Болмасын терсликге тёзюм, // Сизни кьоркьутмасын ёлюм...* [10] – «Парни, вам моё отцовское слово – // Открылись оба моих глаза, // Пусть не будет к неправде (несправедливости) терпения, // Пусть вас не пугает гибель» – глагольная клаузула отсутствует и, если первые две строки рифмуются с помощью аффиксов принадлежности («слово моё» – «пара глаз моя»), то вторая рифма является результатом целенаправленного подбора слов, т.е. искусственной, авторской.

Степень приверженности К. Мечиева к некогда усвоенным арузным нормам поэтической речи была высока – высока настолько, что в отдельных случаях мы имеем право говорить о национальном преломлении и индивидуальном развитии восточных форм: *...Хайда, хайда, эришигиз, // Бир бирни ариу кёрююгюз, // Ахиы болсун хар ишигиз, // Муратлагъа жетишигиз!* [11].

Расценить эти строки иначе, как попытку модернизации арабской кафии (постоянной рифмы) и создания аллитерационной её разновидности, трудно. Отдельный вопрос – насколько появление данной формы было результатом целенаправленной воли автора, однако сам подбор неточных ассонансов – «и'ии-ю'юю-иии'-и'ии» – свидетельствует, что автор строил строфу на неполном кольцевом совпадении клаузул. В совокупности с постоянной аллитерационной группой «ш-г-з», в одном из случаев (в третьей строке), принадлежащей существительному, это дает нам полные основания для констатации авторского сознательного стремления к созданию определенного формального рисунка.

Осознанный выбор направления и характера эстетической рефлексии, онтологии и аксиологии создаваемого произведения были признаками вступления национальных поэтических воззрений на новый эволюционный этап – во всяком случае, в отношении авторов-медиаторов. Эта стадия характеризовалась целенаправленным устремлением писателей к совершенно определенным семантическим и техническим стандартам и, в сущности, в креативном смысле сводилась к выбору стилевой нормы, выработке устойчивого стиля на разных уровнях его проявления: национального и индивидуального, причем последнего – в поле новых кенотипических фондов.

Не вдаваясь в теоретические и часто несистемные дискуссии о сущности стилевых проявлений в поэзии, мы, всё-таки, считаем нужным отметить, что само понимание генерационных основ такого феномена, как стиль, двояко. «Речь идёт о таком качестве произведения, группы произведений, этапа или целого творчества, которое подразумевает результат более или менее осознанной в процессе творчества повышенной заботы о стиле, о стилевой выдержанности, последовательности и отсюда оригинальности» – В.Д. Сквозников явно рассуждает об индивиду-

альном стиле писателя. Однако далее видно, что категорических различий между уровнями стиливой реализации он не видит, в конечном итоге определяя «стиль» как «результат особой творческой преднамеренности» [12].

Его точка зрения явно восходит к взглядам Гегеля, опирающимся на идею абсолютного духа, а потому относящим непосредственное восприятие к «невыстроенным» морфотипам логических фигур. Удивительно то, что, хотя эти положения эстетики Гегеля были опровергнуты Марксом [13], большевизм в своих рассмотрениях роли и функции, а также характера развития литературной мысли предпочитал трактовать их как осознанный и целенаправленный процесс.

Поэтому «водораздел» между поэтическими текстами, в которых устойчиво проявлены черты индивидуального стиля авторов, чьё образное и концептуальное мышление складывалось до 1917 года, и их же произведениями, относящимися к «новым» социалистическим жанрам, очерчен, как правило, очень зримо.

Понимание своего профессионального статуса в условиях идеологического давления приобретало форму фактического отказа от национальной архетипики в пользу социалистических кенотипов. Авторы со сложившейся самоидентификацией понимали «что» и «как» им надо писать, дабы не быть проигнорированными Советской властью и новым обществом, а стремление быть адекватными духу времени приводило к изживанию специфических этнических представлений из сублимативных жанровых форм, появившихся после 1917 года. Само понимание выделенности, «инаковости» относительно общей национальной массы приводило к тому, что предпочтение в ряду апперцептивных моделей, освоенных горскими поэтами, отдавалось новационным абстрактно-денотативным конструкциям – время прихода идеологии и жизненных практик большевиков ощущалось поэтами в качестве барьера, за который не должны были проникнуть старые творческие практики. Естественно, что проникновение в тексты компонент и элементов прежнего опыта было фактически случайным, а стиливые черты горской поэзии, если и имели какую-либо выраженность, то проявлялись они лишь на региональном уровне, либо, как мы уже и указывали относительно творчества К. Мечиева, – в формальных и технических признаках.

Принцип самоидентификации в качестве профессионального автора, находящегося в творческой обособленности от общей народной массы, обуславливал постоянное присутствие в тексте некоего стороннего наблюдателя, бытийная суть которого сводилась к выстраиванию необходимых направлений эстетического отражения – «чужого голоса» [14].

Но этот «чужой голос» на долгое время остался в «советских» текстах поэтов, осознавших себя таковыми до 1917 года. Столь же долгое время он служил основным корректирующим инструментом выбора индивидуальных апперцептивных моделей в тех этнических традициях словесного творчества, в культуре которых стихотворные навыки не были достоянием значительных в долевом отношении групп.

У балкарцев стихотворная импровизация была обыденным явлением. Переосмысленная, точнее – переоцененная – с приходом Советской власти, эта способность, тем не менее, оставалась в поле инерционных этнических оценок. Советский поэт-балкарец, даже осознав себя действенным и функциональным элементом социалистической культуры, не видел предпочтительности в выборе тех или иных апперцептивных моделей. Было ли это следствием сохранности института народных авторов-импровизаторов или практически общим для них переходом в статус «официальных» литераторов – сейчас уже не столь существенно.

Главным является то, что они оказались в положении относительной свободы – ожидания государства они восполняли в сфере новационных кенотипов, но абсолютно не чуждались и апперцептивных формант балкарского фольклора. Надо сказать, что свойственная народной словесной традиции тяга к конкретике и «вещным» образам была настолько устойчивым явлением, что вполне отчётливо проявлялась даже в творчестве такого автора-медиатора, как К. Мечиев. Его стихи, конечно, актуализированы в поле арузной традиции и тяготеют к поэтической условности, однако черты этнического типа рефлексии выражены вполне полноценно. В контексте советского искусства это привело к тому, что прямые идеологические декларации и включения социалистической эмблематики у основоположника балкарской литературы чаще всего сопровождаются ссылками на бытийную конкретику, что дало повод определить стиль его поэтического самовыражения как «метод косвенной характеристики» [15].

Но частотность, а главное – функциональная нагрузка материализованных и конкретно-бытовых представлений в текстах Мечиева совершенно далека от аналогичных показателей тех балкарских поэтов, чье творчество стало эстетическим фактом уже при Советской власти. Воспринимая этническую традицию в качестве равноправного, наряду с советской кенотипикой, средства художественного решения идеологических задач, они демонстрировали явное тяготение к сенсорике и визуальности образов, используя их физическую семантику как суггестивный аргумент при презентации поэтических денотатов: «Сотами-сотами плавятся // Лды Тихтенген, // Глядя нам вслед, плачут // Девушки балкарского народа...» [16] – описательное и констатирующее представление о «плачущих балкарских девушках» получает мощную эмоциональную подпитку в виде «плавающих сотами льдами Тихтенген». Довольно необычный пример аналогового параллелизма при обогащении его сенсорным переживанием образует весьма действенный перцептивный комплекс, задающий дополнительные, не описанные поэтом детали «девушек», причем детали осязательного плана: иначе понимать адресацию от плавающих, как соты, льдов к плачу, а следовательно – к медленным слезам – достаточно трудно.

Эта черта этнических художественных представлений по ходу развития школы балкарской советской поэзии становится всё более и более заметной. В исследованиях отмечалось, что «...доминирующими структурами довоенного периода развития поэзии Северного Кавказа стали... классические образы и тканевые единицы материализованного отражения («пластические»)» [17], но именно у балкарцев эти структуры стали маркерами национального стиля и сам факт их регулярного, системного присутствия в национальных текстах обеспечил кристаллизацию национального советского стиля в сравнительно короткие сроки.

В данном случае мы говорим не об эстетическом, художественном качестве той или иной манеры поэтического выражения. Образная конкретика, образная условность, символичность или материализованность представлений никоим образом не определяют ни совершенства произведений, ни их места на эволюционной шкале [18].

Единственное, что можно утверждать определенно, благодаря анализу балкарских материальных поэтических представлений и присутствию в стихах ярко выраженных элементов физического, визуального, сенсорного и тактильного происхождения – в основу национального стиля балкарской советской поэзии в первые десятилетия её существования легли традиционные апперцептивные схемы. Это был тот тип стилевой формации, который характеризовался наличием «предметных» представлений [19].

Вещность балкарских поэтических представлений, их сенсорно-чувственные апперцептивные модели постепенно занимали доминирующее положение в иерархии художественных структур национальной поэтической культуры. Свойственные еще архаичным фольклорным формам, они не вытеснили кенотипы советской поэзии и компоненты аруза, но уже в 30-х годах стали осознаваться авторами как действенное средство повышения художественной достоверности и суггестивного ресурса текстов. Во всяком случае, употребление их стало однозначно избирательным и поддерживало именно ту последовательность лирического переживания, при которой физическая наполненность образа гарантирует и обеспечивает доходчивость денотативных презентаций и поэтической идиоматики.

Библиография

1. Евтушенко Е.А. Молитва перед поэмой // Русская советская поэзия / под ред. Л.П. Крелонцова. Л.: Просвещение, 1988. С. 32–34.
2. Гофман В. Слово оратора (риторика и политика). Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932. 268 с.
3. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX вв. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
4. Бурлачук В.Ф. Символ и власть: роль символических структур в построении картины социального мира. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2002. 266 с.
5. Лотман Ю.М. Семиотика и типология культуры // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 69–72.
6. Бауаев К.К. Основы балкарского стихосложения. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 135 с.
7. Мечиев К.Б. Будем учиться // Мечиев К.Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 51–52.
8. Мечиев К.Б. Казаки неправы // Мечиев К.Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 43.
9. Фильштинский И.М. История арабской литературы. V–начало X века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 53–55.
10. Мечиев К.Б. Парни, вам моё отцовское слово // Мечиев К.Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 45.
11. Мечиев К.Б. Пионерам // Мечиев К.Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 53.
12. Сквозников В.Д. Стиль и художественная ценность произведения // Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1988. С. 182–185.
13. Ильенков Э.В. К спорам об эстетическом воспитании // Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. С. 215–217.
14. Тимофеев Л.И. Слово в стихе. М.: Советский писатель, 1987. 424 с.
15. Толгуров З.Х. Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 252 с.
16. Шахмурзаев С.О. Слово солдата // Знамя нашей жизни (на балк. яз.). Фрунзе: Киргизское государственное изд-во, 1956. С. 24.
17. Толгуров Т.З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 284 с.
18. Арнаудов М.П. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. 655 с.
19. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 409 с.

**СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ,
ВЫРАЖЕННЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ С СОМАТИЗМОМ КЁЗ (ГЛАЗ)
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Хуболов С.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

khubol@yandex.ru

В статье рассматриваются предложения с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом «кёз» (глаз), которые ещё не стали предметом специального изучения в карачаево-балкарском языке. Соматизм «кёз» обладает высокой продуктивностью в сфере фразеологического образования, соответственно, предложения, образованные на основе этих фразеологизмов, характеризуются значительным структурным и семантическим разнообразием и представлены как двусоставными, так и односоставными единицами.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматизм, каузация, субъект, объект, предикат, семантическая структура.

**STRUCTURE AND SEMANTICS OF SENTENCES WITH PREDICATES EXPRESSED
BY PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATISM «EYE» IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE**

Khubolov S.M.

Kabardino-Balkarian State University

The article considers sentences with predicates expressed by phraseological units with somatism «eye» that has not become an object of special study in the Karachay-Balkar language. As somatism «eye» is of high productivity in the sphere of phraseological units' formation, sentences with these units are characterized by structural and semantic variety and represented by two-member and mononuclear units.

Keywords: phraseological unit, somatism, causation, subject, object, predicate, semantic structure.

Фразеологизмы, как и лексические единицы, обладают способностью сочетаться с различными словами, вступая с ними в формально-синтаксическую связь. Они «...функционируют в самых разнообразных по структуре предложениях, вступая в грамматическую связь с другими членами предложения» [1].

Объектом исследования в данной статье являются конструкции с предикатами, выраженными соматическими фразеологизмами с компонентом *кёз* (глаз). Соматические фразеологические единицы составляют значительную часть фразеологического фонда карачаево-балкарского языка.

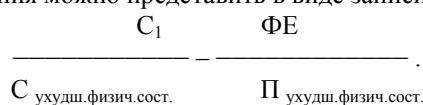
Соматизм *кёз* (глаз) по продуктивности образования фразеологизмов в карачаево-балкарском языке занимает третье место, уступая в этом отношении лишь лексемам *баш* (голова) и *жюрек* (сердце).

Исследуемые конструкции представлены как двухместными, так и одноместными предложениями и репрезентируются следующими формальными схемами: $C_1 - \Phi E$, $C_1 - C_3 - \Phi E$, $C_1 - C_4 - \Phi E$, $C_1 - C_6 - \Phi E$, $C_3 - \Phi E$, $PB - \Phi E$, где C_1 – имя в основном падеже, C_3 – имя в дательном-направительном падеже, C_4 – имя в винительном падеже, C_6 – имя в исходном падеже, ΦE – фразеологическая единица. PB – предикатное выражение.

Одноместные предложения, в свою очередь, представлены как двусоставными, так и односоставными конструкциями.

Предложения, построенные по формальной модели $C_1 - \Phi E$, являются самыми распространенными среди одноместных конструкций. В зависимости от лексического наполнения позиции C_1 и значения фразеологизма, выступающего в качестве предиката, данная схема служит выразителем целого ряда семантических структур (СемС). В некоторых конструкциях на их смысловое качество оказывает свое влияние и залоговая форма глагольного компонента ΦE .

Структурной схемой $C_1 - \Phi E$ передается семантическая структура, состоящая из субъекта ухудшения физического состояния и предиката ухудшения физического состояния, когда позиция предиката занята ΦE *кёзден тохта* «ослепнуть»: *Аны къарт анасы кёзден тохтагъанды (И.А.)* (Её старая мать ослепла). Формально семантическую модель (ФСМ) этого предложения можно представить в виде записи:

Данной схемой на основе фразеологизмов *эки кёзю бла тенг жылайды* (сильно расстроиться) и *кёз ач* (повеселеть) репрезентируется двучленная СемС, включающая субъект психофизического состояния и предикат психофизического состояния: *Ол эки кёзю бла тенг жылайды (О.Х.)* (Он в сильном стрессе). *Мазан кёз ачды (Ж.З.)* (Мазан повеселел).

$$\text{ФСМ: } \frac{C_1}{C_{\text{психофизиол. сост.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{P_{\text{психофизиол. сост.}}}.$$

В рамках рассматриваемой структурной схемы встречаются и такие предложения, СемС которых состоит из субъекта движения и предиката движения [2]. Примеры: *Чибин аула кёзден ташайдыла* (О.Х.) (Паутины исчезают с поля зрения). *Къой сюрюу кёзден ташайды* (К.ж.) (Отара овец исчезла с поля видимости). В качестве субъекта в них могут выступать имена с различной семантикой, а предикат выражен ФЕ *кёзден ташай* (исчезнуть с поля зрения, видимости).

$$\text{ФСМ: } \frac{C_1}{C_{\text{движ.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{P_{\text{движ.}}}.$$

Общая семантика: исчезновение субъекта с поля видимости.

Схемой C_1 – ФЕ репрезентируется трехкомпонентная СемС, если в предложении позиция предиката занята синонимичными ФЕ *кёзюне урун*, *кёзюне тюиш*, *кёзюне илин* (*бросаться в глаза*), которые характеризуются семой зрительного восприятия: *Жазмалары аны кёзюне урундула* (Х.К.) (Рукописи попались ему на глаза). *Хасан Салиманы кёзюне тюшдю* (ШФС) (Хасан был замечен Салимой).

В отличие от вышеприведенных примеров, подлежащее здесь является выразителем объекта зрительного восприятия. Субъект же зрительного восприятия и предикат выражаются ФЕ. Общая семантика этих конструкций: зрительное восприятие личным субъектом личного или предметного объекта.

$$\text{ФСМ: } \frac{C_1}{O_{\text{зрит. воспр.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{C_{\text{зрит. воспр.}} - P_{\text{зрит. воспр.}}}.$$

ФЕ *аны кёзюне урун* «бросаться в глаза» может служить для выражения другой семантической структуры, если позиция подлежащего занята ПВ. Например: *Жашыны атасына бекден бек ушай баргъаны анасыны кёзюне урунады* (Ж.З.) (Мать замечала, что сын все больше становится похожим на отца). На наш взгляд, в семантике этого предложения наряду с семой зрительного восприятия наличествует и сема мыслительного процесса. Подлежащее, выраженное ПВ, здесь является выразителем объекта, называемого нами объектом зрительно-мыслительного восприятия. Субъект зрительно-мыслительного восприятия и предикат выражаются фразеологизмом.

$$\text{ФСМ: } \frac{\text{ПВ}}{O_{\text{зрит.-мысл. воспр.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{C_{\text{зрит.-мысл. воспр.}} - P_{\text{зрит.-мысл. воспр.}}}.$$

Односоставные предложения на формально-синтаксическом уровне состоят из косвенного дополнения или обстоятельств и сказуемого, выраженного фразеологизмом. Наиболее распространенными среди них являются конструкции с предикатами состояния и отношения.

Фразеологизмы *кёз жетди/кёз тийди* (*сглазить*) служат для образования предложений, СемС которых состоит из субъекта ухудшения физического состояния и предиката ухудшения физического состояния, например: *Асиятха аман кёз жетгенди* (Х.Б.) (Асият сглазило). *Къызгъа кёз тийген эди* (О.Э.) (Девушку сглазило).

$$\text{ФСМ: } \frac{C_3}{C_{\text{ухудш. физич. сост.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{P_{\text{ухудш. физич. сост.}}}.$$

ФЕ *аны бети жарыды* (обрадоваться), *кёзлери мангылайына чыкъдыла* (глаза на лоб полезли) также характеризуются семой состояния: *Аланы кёргенде*, *Розаны бети жарыды*, *кёк кёзлери жандыла* (Х.К.) (Когда увидела их, Роза очень обрадовалась, у неё глаза загорелись). *Чырпыла ичинде айыуну кёргенде*, *Мазанны кёзлери мангылайына чыкъдыла* (Ж.З.) (Когда увидел в зарослях медведя, у Мазана глаза на лоб полезли). Но в отличие от предыдущих предложений их СемС состоит из субъекта психофизического состояния, конкретизатора причины и предиката психофизического состояния. Кроме того, данные предложения репрезентируются другой формальной схемой.

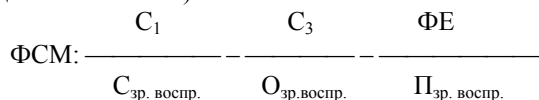
$$\text{ФСМ: } \frac{\text{ПВ}}{K_{\text{прич.}}} - \frac{\text{ФЕ}}{C_{\text{психич. сост.}} - P_{\text{психич. сост.}}}.$$

Двухместные предложения с предикатами, выраженными фразеологизмами с соматизмом *кёз* (глаз), представлены структурными схемами $C_1 - C_3 - \text{ФЕ}$, $C_1 - C_4 - \text{ФЕ}$, $C_1 - C_6 - \text{ФЕ}$.

Схема $C_1 - C_3 - \text{ФЕ}$ служит для выражения ряда семантических структур.

На основе ФЕ *кёз ат/жетдир* (бросить взгляд), *кёз ачмагъанма* (не приходилось видеть, замечать), *кёз къада* (установиться на кого, что) образуются конструкции с предикатами зрительного восприятия: *Жаш солдат танкала келген жанына терк-терк кёз атады* (К. ж.) (Молодой солдат часто бросает взгляд в ту сторону, откуда идут

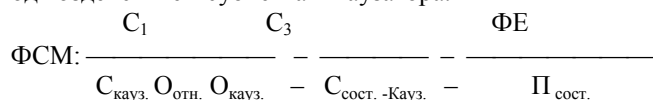
танки). *Хамзат машинаны эшиклерин ачып, не эсе да излегенча, ичине кёз жетдирди (О. Х.)* (Хамзат открыл двери машины, заглянул внутрь, как будто что-то искал).

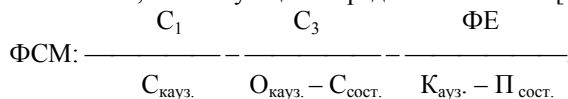
В рамках рассматриваемой схемы позиция предиката часто замещается фразеологизмами со значением отношения [3]: *Жашла Аминатха кёз кьаратдыла (И.Г.)* (Ребята любят Аминат). *Рая кетгенден сора, ол сабийлеге кёз-кьулакь болады (Ш.)* (После ухода Раи, он присматривал за детьми). *Андан бери кьарт кьатын мени кёзюне-бурунуна сугьады (Х.А.)* (С тех пор старая женщина души во мне не чаёт). Общая семантика этих предложений: положительное отношение субъекта к объекту.

Данной структурной схемой репрезентируется шестикомпонентная семантическая структура, когда позиция предиката замещается фразеологизмом *кёзюн ач* (открывать глаза кому на что), который характеризуется каузативностью [4, 5]: *Сен а кёзюмю кёп затха ачханса (И.Б.)* Подлежащим здесь выражается субъект – каузатор, дополнением – объект отношения, фразеологизмом же репрезентируются четыре компонента – объект каузации, субъект состояния, каузация и предикат состояния.

Общая семантика этого предложения: пребывание личного субъекта в определённом состоянии по отношению к какому-либо объекту под воздействием субъекта – каузатора.

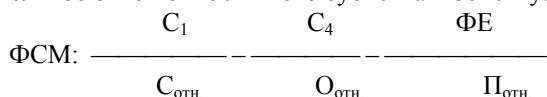

Семой состояния характеризуется и фразеологизм *кёз тёк* (пролить слёзы), который является моновалентным. Но когда его глагольный компонент принимает аффикс понудительного залога, он становится двуактантным, а предложение, образованное на его основе, репрезентирует пятикомпонентную семантическую структуру: *Тонау урушну кёрюп болмайма, ол кёп адамны чиритгенди. Кёп адамлагьа кёз жаш тёкдюрюп, кёп сабийлени ёксюз этеди. (К.К.)* (Ненавижу захватническую войну, многих людей она превращает в прах, многих людей заставляет проливать слёзы, много детей становится сиротами). Данное предложение является двусубъектным. Формой C_1 выражается субъект – каузатор, формой C_3 – объект каузации и субъект состояния, ФЕ – каузация и предикат состояния [6].

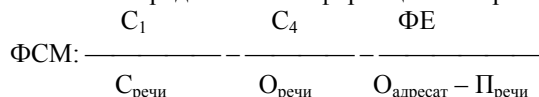
Структурной схемой $C_1 - C_4 - \text{ФЕ}$ репрезентируется семантическая структура, состоящая из субъекта отношения, выраженного формой C_1 , объекта отношения (C_3) и предиката отношения, когда данная позиция замещается ФЕ *кёз жилтинча сакьла* (беречь как зеницу ока): *Керти кьуллукь этдиле, Кьаты кьысып беллерин, Кёз жилтинча сакьлайдыла, Шахарларын, эллерин (Х. – М. К.)* (Они надёжно, как зеницу ока, охраняют свои земли).

Общая семантика: положительное отношение личного субъекта к объекту.

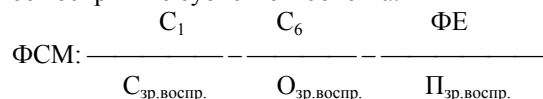
Предложения *Жаш нёгерини кемлигин кёзюне айтды (Ш.)* (Парень в глаза сказал своему другу о его недостатках). *Бийберт Азаматны жакхиллигин кёзюне тутаргьа умут этген эди (А. Т.)* (Бийберт попытался указать Азамату на его недостатки) также представлены вышеприведенной схемой. Позиция предиката в них занята фразеологизмами *кёзюне айт* (говорить в глаза), *кёзюне туура эт*, *кёзюне тут* (указать кому-либо на его недостатки, ошибки), которые характеризуются семой речи: процесс речи, кроме предиката речи, может содержать и субъект речи, объект речи и адресат речи. В данных предложениях наличествуют все эти элементы. Формой C_1 выражается субъект речи, и она замещается словами, обозначающими людей, формой C_3 – объект–тема речи, фразеологизмом же репрезентируются два компонента – объект–адресат речи и предикат речи.

Общая семантика: сообщение кем-то определённой информации конкретному лицу.

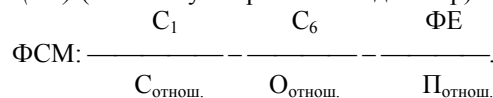

Предложения, в основе которых лежит формальная схема $C_1 - C_6 - \text{ФЕ}$, на функциональном уровне состоят из подлежащего, дополнения и сказуемого: *Аминат кьол аязын сакьал тьобюне тиреп, сураддан кёз айырмай олтура эди (И.Г.)* (Аминат, опершись подбородком на ладонь, не отрывала глаз от портрета). *Хыйлачы тьолкю кьызыл хораздан кёзюн алмайды (Х-М.Кь.)* (Хитрая лиса не отрывала взгляд от красного петуха). ФЕ, занимающие позицию предиката в этих конструкциях, характеризуются семой зрительного восприятия, а их глагольные компоненты употребляются только в отрицательной форме. В противном случае они переходят в другой семантический класс, меняется также их валентностный статус, то есть они становятся одноактантными.

Общая семантика: зрительное восприятие субъектом объекта.

Наряду с семой зрительного восприятия данные фразеологизмы, в зависимости от характера наполнения актантных позиций, могут характеризоваться и семой положительного отношения: *Мен кёзлерими алалмайма тауладан. Къучакъларыгъым келеди барын (Ш.)* (Я не могу оторвать взгляд от гор).

Общая семантика: положительное отношение субъекта к объекту.

Из изложенного видно, что наибольшей частотностью среди исследуемых предложений характеризуются конструкции с предикатами отношения, состояния и зрительного восприятия.

Библиография

1. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
2. Хуболов С.М. Фразеологизированные конструкции с предикатами движения в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сборник научных трудов. Вып. XII. Владикавказ: СОГУ, 2010. С. 320–323.
3. Хуболов С.М. Односоставные фразеологизированные предложения с предикатами отношения в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 45–48.
4. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977. 204 с.
6. Хуболов С.М. Фразеологические конструкции с родительным субъекта в карачаево-балкарском языке // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 195–202.

**ЗООФОРНЫЕ ОНИМЫ С СЕМАНТИКОЙ «КОЗА»
В СЛАВЯНСКИХ И АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ (лингвокультурологический аспект)**

***Кокова Б.Дж.¹, Коков Дж.Н.², Кокова Л.Дж.²**

¹*Северо-Кавказский государственный институт искусств*

²*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

***skgii@mail.ru**

В статье предпринимается попытка определения генетических источников апеллятивов с семантикой «коза» в двух разнородных (славянских и адыгских) языках и сферы продвижения их в онимию, преимущественно в антропонию и топонимию, а также в мифологию и фразеологию.

Ключевые слова: апеллятив, оним, топоним, зоофорное имя, фитоним, метафора.

**ZOOPHORIC ONIMS WITH SEMANTIC MEANING «GOAT»
IN SLAVIC AND CIRCASSIAN LANGUAGES (linguoculturological aspect)**

Kokova B.D.¹, Kokov D.N.², Kokova L.D.²

¹*North Caucasian State Institute of Arts*

²*Kabardino-Balkarian State University*

An attempt to define the genetic sources of the appellatives with semantic meaning «goat» in two languages (Slavic and Circassian) is made in this article. Also the sphere of its advancing into onim, anthroponymy and toponymy especially, and into mythology and phraseology is described.

Keywords: appellative, onim, toponyms, zoophoric name, metaphor, phytonym.

Словари русского языка, в том числе и этимологические, фиксируют сходство слов со значением «коза» в славянских (украинском, белорусском, старославянском, чешском, польском, лужицком) языках. Можно указать лишь на отличное ударение (*ко́за*) в сербохорватском и словенском (*kóza*). В исконно славянской природе этого слова Фасмер не сомневается. С другой стороны, автор сравнивает русское слово «**коза**» с древнеиндийскими *ajās* «козел» и *ajā* «коза». Последние формы наводят на мысль о возможном отражении в адыгской форме *ажэ* «козел» приведенной здесь древнеиндийской формы, но с гендерным смещением (не «коза», а «козел»). Фасмер обратил внимание на возможное сближение славянского слова «**коза**» с литовским *ozka* при условии метатезы [1]. А метатеза в онимах явление достаточно частое.

И еще один любопытный факт, заслуживающий, может быть, отдельного внимания: сохранилось романское слово подзывания – *katts*, оно напоминает кабардино-черкесское слово, которым подзывают коз и овец к корму: *кэт(э) – кэт(э)* [1].

Слова *бжэн/пчэны* «коза» и *ажэ/ача* «козел» адыгских языков находят соответствия в ряде кавказских (в цезском яз. *чан* «коза») и индоевропейских (курдск. *бъзын* «коза», латышск. *азис*. «козел») языков. Такие факты говорят о том, что корни этого слова имеются не только в кавказских, но и в индоевропейских языках. А это значит, что подобные лексические параллели стали возможны ближе к 2-му тысячелетию до нашей эры.

Популярность имен со значением «козел» во времена язычества ученые объясняют тем, что люди свято верили: животные, живущие в горах, превосходит всех. Однако с приходом других религий, сменивших язычество, эта оценка менялась. Даже считается, что определение «козел отпущения» было адресовано принявшему все грехи человечества на себя.

Со словом *ажэ* «козел» в каб.-черк. языке образовалось несколько устойчивых сочетаний, употребляющихся для негативной оценки: *ажэ цыкы бжэакуэшихуэ* «малый козел с большими рогами» (о человеке с претензиями не по возрасту и заслугам); *ажэ бзагуэ* «козел немой» (о косноязычном), *ажэ жьактэ* «с козлиной бородкой» и др.

В адыгской мифологии слово *ажэ* послужило основой для обозначения культовой фигуры *ажэгафэ* (ажагафа). На празднике плодородия ряженный с таким названием в вывернутой шубе и с козлиными рогами выполнял роль шута и скомороха. Игры с участием ажагафы назывались *ажэгафэ джэгу* «игры с ажагафой» (в отличие от других игр, танцев).

В карачаево-балкарской мифологии такие игры называются *теке* «козел».

Эти наши мифологические обряды, возможно, являются отголоском тех символов, которые обнаружены археологами на глиняных табличках древних цивилизаций (V тысячелетие до н.э.). Эти символы представляют собой пиктографические знаки, изображающие двух козлов. Между ними помещен колос. В сообщении об этом факте ставится вопрос: быть может, это изображение является символом благосостояния общины? [2].

Для обозначения самца и самки в русском языке существует одна основа (коза, козел), а в кабардино-черкесском эти различия имеют свои основы: коза – *бжэн*, козел – *ажэ*. Козленок в кабардино-черкесском тоже имеет свою лексику – *чыцл*.

Слово «кожа», хотя и происходит от «коза», стало обозначать шкуру не только козы, но и других животных.

Кожа, обработанная особым образом, служила до изобретения бумаги материалом для письма (этот материал назывался пергамент или пергамен (по названию древнего города Пергама в Малой Азии).

От слова *коза* образованы не только *кожа*, но и *кожимит* (имитация кожи), *kozyрек*, *козюля* (змея). В последнем слове просматривается метафорическая связь между жалом змеи и козлиными рогами.

Русское название парнокопытного животного, прирученного человеком еще в глубокой древности, проникло в космос и мифологию. Словом *Козерог* обозначается зодиакальное созвездие южного небесного полушария (54 звезды).

В мифологии коза не одинока. Известны еще другие знаки Зодиака по именам животных: Овен, Телец, Рак, Лев, Скорпион и др.

Слова, так или иначе связанные с козой, отразились в первых славянских письменных памятниках. Об этом можно судить по «Старославянскому словарю (по рукописям X–XI веков)» Здесь видим: *коза*, *дивная коза*, «удивительная коза»; *козьль* «козел»; *козьлогласование* «пир, разгул» (веселое пиршество); *козьлишть* «козленок», *козьля*, *козляте* «козленок», *мьнѢ николи же не далъ еси козьляте* «ты мне никогда не давал козленка» [3].

Уже в то время было слово «кожа», произведенное от коза, а также *кожьнь* «кожаный» (облечься еси в срамную коженую ризу («облекся ты в позорную кожаную одежду»). Как видим, кожаная одежда тогда была «срамной».

Как русское слово «коза», так и адыгское *бжэн/пчэны*, заняли видное место в лексике этих языков. Имеется в виду лексика, прежде всего, терминологическая и ономастическая.

Слово «коза» стало ключевым для целого ряда славянских топонимов. *Козари* – такое название носят селения в Чехии, Словакии, Югославии, на юге России, на Украине. В Боснии известно наименование *Козарац* «пастух коз».

Название деревни *Казарина* в Верхнем Поволжье опосредовано прозвищем купца, торговавшего с Астраханью.

Козельск – город в Калужской области. Это древнее (с 1146 г.) поселение, как предполагает В.А. Никонов, происходит не непосредственно от наименования животного, а от «строения в поле для собранного хлеба». Подобные названия встречаются и у лужицких славян на территории Германии. *Козелец* – поселок городского типа (Украина); *Козельск* – город в России; *Козельщина* – поселок на Украине; *Козлов* – поселок городского типа (Украина); *Козловка* – город в Чувашии и другие.

Среди адыгских топонимов есть образования на основе *бжэн* «коза»:

Бжэныкъуэ (козья балка) – на реке Маргуш в Малкинском ущелье (Приэльбрусье). *Бжэныхъуэкъуэ* (козопаса балка) – в Карачаево-Черкесии, к северо-западу от аула Хабаз [4].

Слово «коза» более всего «облюбовало» ту сторону ономастики, которая занимается антропонимией, то есть фамилиями, прозвищами и именами людей.

Фамилии от млекопитающих относятся к числу типичных в русском и других славянских языках. Среди них Козлов, по подсчетам исследователя русских фамилий Б. Унбегауна, занимает 36 место в частотном списке, уступая только фамилии Волков (22 место). Это место Козловы делят с Зайцевыми (тоже 36 место), но обходят фамилии Баранов (70), Соболев (72), Быков (82).

Б. Унбегаун по поводу фамилий с основой «коза» сделал такое замечание относительно причин популярности подобных именований, в частности модели «существительное плюс глагол»: «Прозвищами этого типа могли быть, например, многочисленные сложные слова, первым элементом которых было слово *коза*: *Козобродов*, *Козодоев*, *Козодавлев*, *Козолупов*, *Козорезов*. Фамилия *Козодоев* может означать «тот, кто доит козу», но может также происходить от названия птицы *козодой*. Три фамилии, означающие убой коз, вряд ли можно считать образованными от названия профессии, так как в России едва ли ели когда-нибудь козье мясо. Неясно, почему тогда элемент «коза» столь часто встречается в русских фамилиях» [5]. Далее переводчики делают сноску: «Возможно, это связано с широким распространением в русских сказках козы как одного из главных действующих лиц».

Наблюдения Унбегауна и его переводчиков наталкивают на сравнения.

Нельзя сказать, что на Кавказе к козлятине относятся так же, как сказано выше.

О популярности слова *бжэн* в устном народном творчестве говорят поговорки: *Мэл зыхэвэ нэхьрэ бжэн зыхэнкIэ* – «Не тот бульон хорош, в котором варились баранина, а тот, в который запрыгнула коза». *Махуэ псом зэрагъэтиIар чыцI ажэм икътэжэащ* – «Мастерили целый день, а козлик разрушил мигом». *Мэлым и Iапэр цыдэуейм бжэныр дыхъэи-хащ* – «Увидев, как вскинулся курдюк у овцы, коза стала надсмехаться» [6]. *Мэлымрэ бжэнымрэ ухызогъадэ, бжэныр къыхэпхым уэстынукъым* – «Вот тебе на выбор коза и овца, но если выберешь козу, не дам» [6].

Говоря о своеобразной конкуренции названий упомянутых парнокопытных, можно вспомнить о том, что заимствованное из тюркских языков слово *мэл* «овца» вытеснило из кабардино-черкесского языка прежнее название этого животного *уасэ*. Этому способствовало то, что на калым (плату за невесту) шли именно овцы. А слово *уасэ* приобретало значение всеобщего эквивалента. Однако родственный абазинский язык сохранил за словом *уаса* значение «овца».

Кабардинское слово *бжэн* (коза) встречается в фамилиях: *Бжэнбахъуэ* – пасущий (содержащий) много коз, как и *Мэлбахъуэ* – пасущий много овец. *Бжэнахъуэ* – козопас. Фамилия *Бжэнтхъэлэ* – от бжэн (коза) и *тхъэлэн* (топить, душить). Реже: *Ажахъуэ* «Ажахов» – «пасущий козлов» [7].

По адыгейскому слову *пчэны* «коза» названы: *Пчэншыбы мээ* «лес, где доили коз (близ а. Теучежхабль, Асосокай); *Пчэншыкъуэ хъоу*, где хъоу «балка» (Асосокай); *ПчэнгъэхъупIэ* «где пасли коз» (Эдепсукай); *Пчэнтхъэлыкъо орыжэ* «болото в балке, где утонула коза» (Теучежхабль) [4]; *Пчэны Iэтыку* «козий куток» (Козет); *Пчэныкъуапэ* «козьей балки начало» (на лев. берегу Агуипс); *Пчэныкъуэ* «козья балка» (на левом берегу Аше) [7].

Кабардино-черкесское название *Ажэжъуэ* «козья балка» принадлежит пастбищу и реке – по правому притоку Лабы. «Коза» и «козел» создавали и метафорические топонимы. Адыгейское название: *Пчэныгунэ* «козья губа» (по берегу Туапсе).

Кабардино-черкесский топоним *Ажэжъбэжъу* буквально значит «промежность ног старого козла» – так народная фантазия увидела и охарактеризовала подошву двух огромных вершин, смыкающихся в основании. Русское название этого объекта тоже метафорическое: Чертовы ворота (записано экспедицией КБГУ в а. Ходзь) [4].

Коза заняла видное место в ботанической, зоологической, топографической, животноводческой терминологии.

В «Кабардино-черкесско-русском словаре» (Нальчик, 2008) такие термины выступают, как правило, в сложных словах типа: *бжэндэхъу* – зоол. скворец (буквально – растущий, появляющийся вместе с козленком); *бжэндэхъужь* – зоол. иволга (буквально – старый скворец); *бжэнтхъурэ* – бот. головчатка гигантская; *бжэнтхъакъуэ* – 1) бот. онома кавказская, 2) самокрутка (буквально – козья ножка); *бжэнтхъаужьэ* – 1) бот. скабиоза кавказская (буквально «колени козы»), 2) способ скрепления перебитой плетки; *бжэнтхъэ* – мед. ветряная оспа (буквально – запрыгнула коза); *бжэ-нудэ* – бот. короставник горный; *бжэнтхъэху* – бот. василек; *бжэндэхъупэж* – бот. василек синий [8].

В семантической классификации русской и адыгской ономастической лексики зоофорные топонимы, антропонимы и фитонимы занимают видное место, что объясняется традиционным укладом жизни, этнографическими особенностями хозяйства, а также природными условиями.

Библиография

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. II. М.: Прогресс, 1967. 671 с.
2. Степкина И. Шумеры в Трансильвании // Загадки истории. 2014. № 35. С. 4–5.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI в.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1989. 443 с.
4. Коков Дж.Н. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 2000. 488 с.
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
6. Коков Дж.Н. Из кабардинской афористики. Нальчик, 1999. 68 с.
7. Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские антропонимы и их иноязычный фон. Семейные тамги. Нальчик: Эльбрус, 2012. 208 с.
8. Хакунов Б. Словарь названий растений. Черкесск, 1975. 204 с.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
СЛАВЯНСКИЙ ОБРЯД КАК ЛИНГВОРИТОРИКО-ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ**

Ставицкая А.Н.

Сочинский государственный университет

abishirahuba@gmail.com

В статье охарактеризованы концептуальные основы исследования дискурса славянского языческого обряда с позиций лингвориторической (ЛР) парадигмы. Предмет изучения – лингвориторико-этнокультурные параметры языческого дискурса (материал русского и польского языков) на примере такого фольклорного жанра, как славянский обряд.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма, литературно-художественная коммуникация, дискурсивные процессы, языческий дискурс, славянский обряд, коллективная языковая личность (КЯЛ), продуцент жанров фольклорного дискурса.

**PROBLEM OF PAGAN DISCOURSE STUDYING:
SLAVIC RITE AS LINGUISTIC RHETORICAL CONSTRUCT**

Stavitskaya A.N.

Sochi State University

The article characterises the conceptual basis of studying the discourse of Slavic pagan rite from the perspective of linguistic and rhetorical (L&R) paradigm. The subject matter is L&R and ethnocultural parameters of pagan discourse represented in the Russian and Polish folklore genres as Slavic rites.

Keywords: linguistic and rhetorical (L&R) paradigm, literary belletristic communication, discursive processes, pagan discourse, Slavic rite, collective linguistic personality, producer of folklore discourse genres.

Введение. Актуальность проблемы исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа языческого обрядового дискурса славян с позиций Сочинской лингвориторической (ЛР) школы [1] в русле изучения дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации в ЛР парадигме [2–6].

Материалы и методы. Источниками эмпирического материала служат сборники русских и польских фольклорных текстов. В рамках интегративной ЛР теории и методологии применяются *методы*: описательный, стилистический, сравнительно-исторический, сопоставительный, структурно-семантический, дистрибутивный, интерпретационный, количественный и др. *методики* ЛР реконструкции (первичной, вторичной, обобщающей, двойной).

Обсуждение. Значимость темы НИР определяется важностью изучения истории языка как для лингвистики, так и для антропологической мегасферы науки в целом, экспансия которой на базе тотального проникновения антропного принципа все более заметна в тематике современных гуманитарных исследований. Естественное развитие научного знания и саморегуляция науки приводят к тому, что целью исследований ставится знание о человеке. Работая в этом направлении, представители Сочинской ЛР школы изучают один из самых важных аспектов существования и деятельности человека – его речь, общение, механизмы коммуникации. Исследование же фольклорных жанров сквозь призму ЛР парадигмы обогащает также этнокультурно-исторические знания о наших предках – славянах [7]. Предпринятое исследование соответствует всеобщей тенденции антропологизации науки и ее направленности на «человеческий фактор в языке». Применительно к фольклорным жанрам речь идет о коллективной языковой личности этноса как их обобщенном продуcente, т.е., по сути, «коллективной литературной личности» этноса [8, 9], реализующего универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову» в рамках классического риторического канона.

При языковедческом анализе важен способ восприятия мира, репрезентируемого языковыми единицами, которые в дискурсе функционируют в рамках иерархизированных риторических структур. Язык и сознание связаны картиной мира субъекта речемыслительной деятельности, при этом собственно «языковая картина мира» выступает составной частью ЛР картины мира [10–12]. Последняя формируется и развивается в процессе репрезентации человеком окружающей действительности, выражает специфику его бытия и взаимоотношений с миром. Сознание же неразрывно связано с категориями времени и пространства в диалектическом соотношении хронотопа, фиксируемого в дискурсе и *тексте*, во взаимосвязи с топосами (базовые культурные концепты, элементы ЛР картины мира) и топами (структурно-семантические модели, связи между элементами), связывающими векторы развертывания когнитивных структур в их этнокультурной специфике [13, 14], которая проявляется как в продуктивном, так и рецептивном аспектах [15–17]. Наше исследование, выполняемое на материале фольклорной поэзии жанровой дискурса-практики языческого обряда, позволяет рассмотреть вышеуказанные особенности языковых операций, текстовых действий и коммуникативной деятельности в дискурсивных процессах литературно-художественной коммуникации не только в синхроническом, но и в диахронном аспектах.

Изучение языческого обрядового дискурса выполняется нами на примере русского и польского языков, что важно с точки зрения энтолингвистики и этнориторики, лингвокультурологии и др. современных направлений языкознания. Как указывают ученые, в основе архаических культурных традиций славян лежит единая семантическая система, которая выражена имплицитно и прослеживается при сравнении фольклорных материалов различных этнических групп. Однако эта система в ходе естественного исторического развития народов «по-разному проявлялась в языковых стереотипах, фольклорных мотивах, обрядовых формах, в образах и символах народного искусства» [18], приобретая специфические черты под влиянием различных факторов. Так, языческий колядный обрядовый дискурс у поляков со временем почти полностью христианизировался и заменился, например, песнями о рождении Иисуса [19].

Объектом изучения выступает дискурс славянского языческого обряда на русском и польском языках. *Предмет* исследования – лингвориторико-этнокультурные параметры языческого дискурса на примере указанных языковых манифестаций избранного жанра. Мы руководствуемся следующей *гипотезой*: анализ языческих дискурс-практик обрядового фольклора, выполняемый в ЛР парадигме в сопоставительном ключе на материале русского и польского языков, позволит установить общечеловеческие и общекультурные инварианты, а также идиоэтнические вариативные компоненты: 1) логосных схем, этосных установок, пафосных выражений; 2) инвентивных сеток, диспозитивных ходов, элокутивных штампов; 3) прагматиконов, тезаурусов и ассоциативно-вербальных сетей коллективных языковых личностей двух этносов. Благодаря этому будут выявлены, описаны и типологизированы общие и специфические ЛР модели, конструкты, инвентарь речемыслительной деятельности двух родственных этносов на материале жанра языческого обряда.

Цель НИР – выявление общих и специфических черт лингвориторико-этнокультурного моделирования, организации и конструирования дискурса языческих обрядов в фольклорном текстовом массиве на русском и польском языках. Целью и гипотезой обусловлен следующий *исследовательский алгоритм*:

- устанавливаем теоретико-методологические основы исследования текстового массива языческих обрядовых дискурс-практик в польском и русском дискурсивных континуумах, базирующихся на макроконцептосферах родственных национальных языков;

- выстраиваем концепцию лингвориторико-этнокультурного изучения языческого обрядового дискурса как жанрового подтипа фольклорного дискурса в системе категорий «дискурс-ансамбль – дискурс-практика – подтипы дискурс-практик» на основе базовых культурных концептов и структурно-смысловых моделей – риторических топосов и топов;

- выделяем особенности реализации в исследуемом типе дискурса в качестве инструмента выявления общечеловеческого инварианта и этнокультурной специфики речемыслительной деятельности коллективной языковой личности этноса четырех групп универсальных ЛР параметров;

- классифицируем и описываем лингвориторико-этнокультурные черты дискурс-практик русских и польских языческих обрядов в системе универсальных ЛР параметров: логосно-тезаурусно-инвентивно-психориторических; этосно-мотивационно-диспозитивно-ориентировочных; пафосно-вербально-элокутивно-мнемонических; софийно-синтезно-акционально-редакционных;

- реконструируем, систематизируем, типологизируем ЛР инструментарий моделирования представлений о мире и культурного позиционирования результатов самоосознания этноса, рассматриваемого как коллективная языковая личность на материале русского и польского текстовых массивов обрядового дискурса;

- определяем ведущие функции и роль ЛР инструментария в формировании вербализованных версий и интерпретаций этнокультурного пласта продуктов речемыслительной деятельности носителей двух родственных славянских языков в динамике исторических трансформаций на материале обрядовых дискурс-практик в аспектах: инвариант – общечеловеческий, общеславянский; вариативные компоненты – русско- и польско-специфические элементы и связи между ними.

Заключение. Как показали результаты теоретического анализа проблемы исследования, славянский обряд выполняет кумулятивную функцию, передавая знания об этносе как коллективной языковой личности в аспекте постулируемой нами вслед за А.А. Ворожбитовой дискурсивной универсалии [20], которую правомерно трактовать в качестве «генеалогической деривации антропоцентрического уровня». Последняя отражает культурно-мировоззренческие и речемыслительные инвариантные и этноспецифические черты двух славянских народов, носителей языков восточно- и западнославянской групп. Наше исследование значимо также в образовательно-прикладном аспекте подготовки филолога-преподавателя [21, 22] как профессиональной языковой личности.

Библиография

1. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 77–83.
2. Ворожбитова А.А. Лингвориторика дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации: алгоритмы и перспективы исследовательских действий // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 15–20.
3. Беляева Л.Н., Ворожбитова А.А. Литературно-художественная коммуникация как суперсфера социокультурно-образовательного пространства: лингвориторическая программа исследования дискурсивных процессов // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Вып. 4. Т. 33. С. 84–90.
4. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как теоретико-методологический подход к исследованию верлибрического дискурса // Сборник научных трудов SWorld. 2012. Вып. 3. Т. 28. С. 81–85.

5. Ворожбитова А.А. Дискурсивные процессы литературно-художественной коммуникации и тип литературной личности «писатель русского зарубежья»: лингвориторический подход // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 11–15.
6. Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of East Slavic and Western cultures // European Researcher. 2013. V. 61, № 10–2. P. 2536–2543.
7. Соборная И.С., Ворожбитова А.А. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект): монография. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
8. Ворожбитова А.А. Основы лингвориторической теории литературной личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2004. № 4. С. 12–19.
9. Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 8. С. 22–44.
10. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. «Linguistic and rhetorical picture of the world» of collective linguistic personality as the basic discourse-universe of ethnocultural and educational space // European Researcher. 2014. V. 67, N 1–2. P. 156–162.
11. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая системность парадигматики, синтагматики, эпидигматики дискурсивных процессов в аспекте категорий «концепт дискурса», «ментальное пространство», «возможный мир», «вариативная интерпретация действительности» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2013. № 18. С. 50–55.
12. Ворожбитова А.А. Социокультурная динамика филологических интерпретаций художественно-идеологического дискурса (аспект теории и методологии лингвориторического исследования) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: СГУ, 2012. С. 49–52.
13. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Концепт поэтического текста как концентрат этнокультурных представлений языковой личности продуцента и реципиента: лингвориторические параметры анализа // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: материалы Международной научно-практической конференции. 25–26 ноября 2010 г. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. С. 89–91.
14. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Лингвориторико-концептуальный анализ русского классического поэтического текста как основа выявления инварианта и этнокультурной специфики художественной рецепции // Вестник Поморского университета. Вып. 8. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 172–175.
15. Ворожбитова А.А. Лингвориторические основы изучения феномена литературно-художественной рецепции // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. С. 89–92.
16. Ворожбитова А.А., Кузнецова А.В. Лингвориторическая диалектика эмоционально-когнитивного континуума поэтического текста: реципиент и продуцент // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2011. № 16. С. 43–52.
17. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Герменевтический цикл филологических дисциплин, рецептивный дискурс интерпретанта и художественно-рецептивный барьер как объекты лингвориторического исследования // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы Междунар. конф. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. С. 208–216.
18. Виноградова Л.Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. 272 с.
19. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 255 с.
20. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and discourse-syntagmatics categories in linguo-rhetoric paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532–1537.
21. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 205–210.
22. Шапкина С.А., Ворожбитова А.А. Формирование готовности младших школьников к восприятию литературно-художественного произведения на основе лингвориторического подхода: монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 120 с.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 620.194

СИСТЕМА МОНИТОРИНГА КОРРОЗИОННОГО РАСТРЕСКИВАНИЯ ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ МАГИСТРАЛЬНЫХ ГАЗОПРОВОДОВ

Абаев З.К.

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет)

abaich@yandex.ru

Представлена разработка системы мониторинга коррозионного растрескивания под напряжением в магистральных газопроводах. Определено место разрабатываемой системы в иерархии автоматических систем диспетчерского управления транспортом газом и предложен новый контур управления, позволяющий обеспечить обратную связь эксплуатирующих организаций с производителями систем автоматизированного управления. Разработано программное обеспечение для расчета уровня риска коррозионного растрескивания под напряжением.

Ключевые слова: магистральные газопроводы, коррозионное растрескивание под напряжением, система мониторинга, автоматизированное управление, диспетчерское управление.

MONITORING SYSTEM OF CORROSION CRACKING UNDER TENSION OF MAIN GAS PIPELINES

Abaev Z.K.

North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University)

The monitoring system elaboration of the corrosion cracking under tension in the main gas pipelines is presented. The system place in the hierarchy of automated transport control systems is determined and a new control type allowing to provide the feedback with the producers of the automated control systems. The software for the risk level calculation for corrosion cracking under tension is developed.

Keywords: main gas pipelines, corrosion cracking under tension, automated control, dispatch control.

Самым опасным видом коррозионного разрушения трубопроводов является коррозионное растрескивание под напряжением (КРН) – хрупкое разрушение стенки трубы при одновременном воздействии коррозионной среды и растягивающих переменных напряжений. По данным Ростехнадзора, за период с 1989 по 2014 год 95 % аварий на магистральных трубопроводах классифицировано как коррозионное разрушение и коррозионное разрушение под напряжением и только 5 % по другим причинам. Структура соотношения между выявленными и устраненными особо опасными коррозионными и стресс-коррозионными дефектами выглядит следующим образом: 31,7 % – наружная коррозия в виде язв и питтингов; 68,3 % – дефекты КРН (стресс-коррозионные трещины) [1].

Несмотря на важность данной проблемы, до сих пор не выработаны эффективные методы борьбы со стресс-коррозией, хотя для выявления подверженности стресс-коррозии к настоящему времени разработано и внедрено значительное количество методов мониторинга состояния магистральных газопроводов, в том числе и дистанционных методов мониторинга [2].

Основная проблема данных методов состоит в том, что упор в них делается на диагностику какого-либо одного единственного фактора, определяющего развитие КРН, либо на определение фактического состояния стенки трубы магистрального газопровода. Такой подход позволяет лишь обеспечить возможность контроля состояния газопровода по его текущему состоянию, не давая при этом никаких прогнозных оценок и рекомендаций диспетчерскому персоналу.

Современные тенденции развития автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП) транспортом газа связаны с формированием и развитием автоматизированного диспетчерского управления (АСДУ) как магистрального направления развития АСУ ТП.

В данных условиях чрезвычайно актуальной становится задача построения и введения в АСДУ транспортом газа автоматизированной подсистемы мониторинга стойкости к КРН линейной части магистрального газопровода.

Разрабатываемая система предназначена для повышения эксплуатационной надежности функционирования АСДУ технологическими процессами в газовой отрасли (в первую очередь, транспорта) за счет своевременного определения наиболее опасных участков. Создание такой системы представит диспетчеру возможность получать (в режиме реального времени) прогнозные оценки работоспособности того или иного участка газопровода и своевременно принимать решения о дальнейшей эксплуатации.

На рис. 1 показано место разрабатываемой системы в составе системы управления техническим состоянием газотранспортной системы (ГТС).

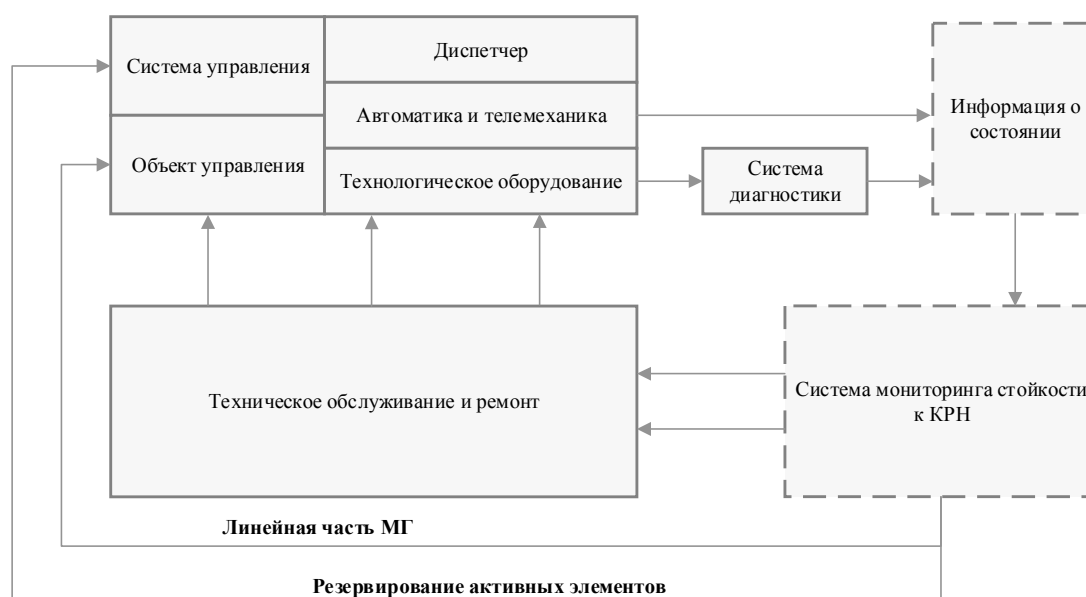

Рис. 1. Место разрабатываемой системы в составе системы управления техническим состоянием ГТС

Для решения задач мониторинга КРН техническая система должна выполнять следующие основные функции:

- получение исходных данных для определения уровня риска КРН;
- определение уровня риска КРН;
- архивирование и хранение полученной информации с целью дальнейшего анализа;
- автоматический и полуавтоматический контроль исправности устройств системы, контроль цепей питания, целостности датчиков и линий связи;
- интеллектуальная организация взаимодействия с оператором;
- обмен данными с другими системами.

В связи со специфичностью решаемых задач осуществление этих функций представляется целесообразным разнести по различным уровням функционирования системы.

Нижний уровень системы состоит из измерительных приборов и различных датчиков и обеспечивает лишь сбором данных о состоянии ЛЧ МГ.

Средний уровень системы осуществляет взаимодействие между нижним и верхним уровнями путем сбора и передачи информации от измерительных приборов и датчиков на вычислительную станцию верхнего уровня.

Обработку полученной информации предполагается производить на **верхнем уровне**, так как она требует проведения вычислений по методике определения уровня риска КРН. Помимо этого, на верхнем уровне осуществляется взаимодействие с оператором системы для предоставления ему информации об уровне риска КРН и получения информации о магистральном газопроводе, которую невозможно или нецелесообразно получать путем установки датчиков на газопровод (время эксплуатации и т.п.).

Таким образом, система мониторинга должна располагаться на трех уровнях аппаратной и программной реализации:

- нижний уровень – датчики и измерительные преобразователи;
- средний (контроллерный) – сбор данных от первичных преобразователей, и передача их на верхний уровень;
- верхний уровень – обработка, хранение и представление полученной информации.

На рис. 2 виден вариант реализации системы мониторинга стойкости к КРН в составе АСДУ, а также показано информационное взаимодействие системы на различных уровнях иерархии АСДУ. Эксплуатируемая в настоящее время на газотранспортных предприятиях корпоративная система сбора данных «Инфотех» не является функционально направленной на оценку уровня риска КРН [3]. Поэтому предложенная система, которая взаимодействует с системой «Инфотех», обеспечивая фундаментальную основу для нижнего уровня. Система должна строиться снизу, т.е. должна быть ориентирована на уровень линейно-производственного управления (ЛПУ) и управления магистральными газопроводами (УМГ), где бы консолидировалась информация о техническом состоянии линейной части МГ, что в дальнейшем обеспечит данной информацией вышестоящие уровни производственно-диспетчерских служб (ПДС) и центральный производственно-диспетчерский департамент (ЦПДД).

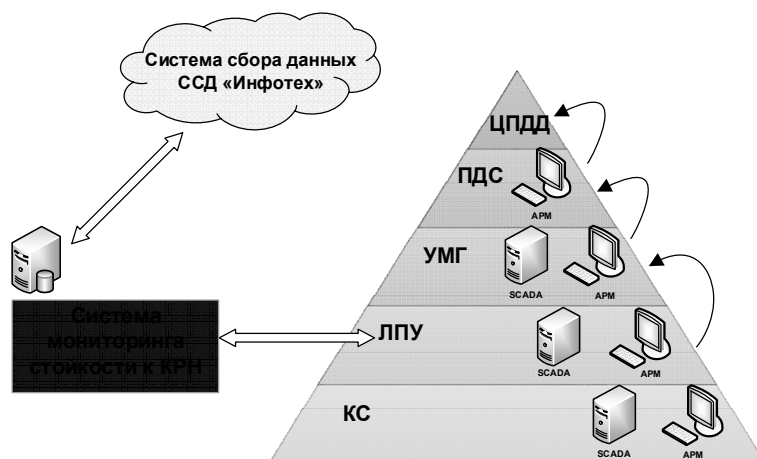

Рис. 2. Место разрабатываемой системы в иерархии АСДУ

Возможная схема управления на основе внедрения разрабатываемой системы представлена на рис. 3.

Рис. 3. Схема управления на основе внедрения разрабатываемой системы

Как видно из рис. 3, введение в практику разрабатываемой системы открывает новые возможности для управления качеством. К примеру, может быть налажена обратная связь с производителями систем автоматизированного управления (САУ) и эксплуатирующими организациями, что поможет увеличить роль управляющих служб в непосредственной разработке САУ и оборудования.

Главной особенностью предлагаемой системы является использование для обработки поступающей информации специализированного программного обеспечения, осуществляющего расчет уровня риска КРН с использованием комбинированного метода, включающего методы нечеткой логики и параметрического анализа, подробно описанного в [4].

Программное обеспечение верхнего уровня состоит из двух частей: SCADA-системы и прикладного (специализированного) программного обеспечения для определения уровня риска КРН и остаточного ресурса.

SCADA-система предназначена для обеспечения работы в реальном времени систем сбора, обработки, отображения и архивирования информации о газопроводе, а также контроля исправности оборудования системы, то есть, другими словами, SCADA система выполняет основные системные и интерфейсные функции [5].

Прикладное программное обеспечение «SCC+» призвано осуществлять расчеты уровня риска КРН и остаточного ресурса МГ, а также определять категорию работоспособности участка МГ на основе разработанной комбинированной методики определения уровня риска КРН и категории работоспособности МГ. Полученные в результате проведения расчетов данные об уровне риска и категории работоспособности передаются в SCADA-систему для предоставления оператору.

Программа, получив данные от SCADA-системы, обрабатывает их, после чего выдает результаты уровня риска КРН и остаточного ресурса КРН обратно в SCADA-систему, которая уже представляет их оператору.

Архитектура программы представлена на рис. 4 и состоит из трех основных модулей: модуля нечеткого вывода, параметрического модуля и одного вспомогательного – модуля комбинирования результатов.

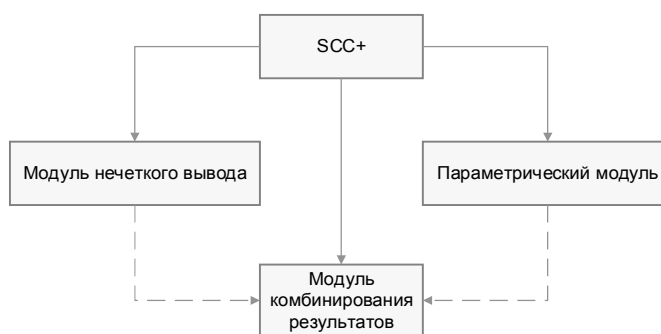

Рис. 4. Архитектура программы SCC+

Алгоритм работы программы представлен на рис. 5.

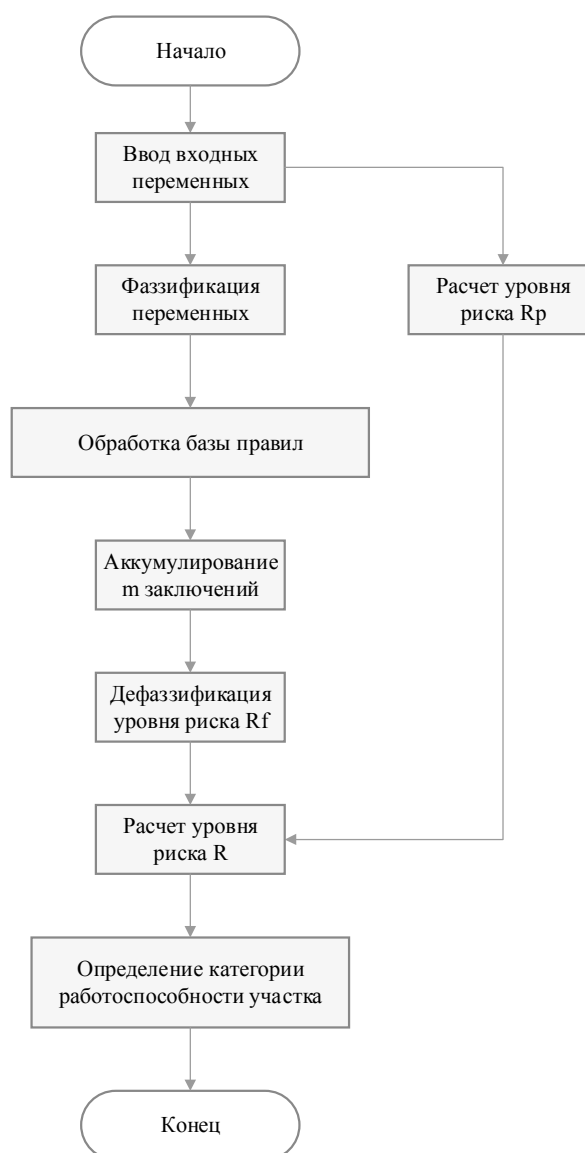

Рис. 5. Алгоритм определения уровня риска КРН и категории работоспособности МГ

Вывод. Рассмотрено текущее состояние систем мониторинга КРН, определены их недостатки. Предложена разработка системы мониторинга КРН в составе АСДУ транспортом газа. Определены основные функции системы мониторинга КРН. Обоснована структура системы. Предложен новый контур управления на основе внедрения, позволяющий обеспечить обратную связь эксплуатирующих организаций с производителями САУ. Определена архитектура и алгоритм работы прикладной программы для расчета уровня риска КРН, позволяющей существенно сократить трудоемкость диагностического контроля эксплуатируемого газопровода, снизить риск возникновения техногенных воздействий на окружающую среду.

Библиография

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gosnadzor.ru>.
2. Теплинский Ю.А., Быков И.Ю. Управление эксплуатационной надежностью магистральных газопроводов. М.: Нефть и газ, 2007. 400 с.
3. Григорьев Л.И., Гуров И.Ю., Элланский М.М. Методика построения интеллектуальной системы поддержки принятия решений (на примере задач нефтегазовой отрасли). М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 1999. 320 с.
4. Абаев З.К. Методика определения уровня риска коррозионного растрескивания под напряжением // Труды научной школы-семинара молодых ученых и студентов с международным участием «Современные проблемы механики, энергоэффективность сооружений и ресурсосберегающие технологии. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 154–160.
5. Деменков Н.П. SCADA-системы как инструмент проектирования АСУ ТП. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. С. 20–30.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ЭКСТРАГИРОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО СЫРЬЯ

Волошин Ю.Н., Нагоев М.М., *Ланина Т.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*til4949@mail.ru

В работе рассматривается математическая модель процесса экстрагирования растительного сырья, представляющая собой краевую задачу для двумерного уравнения эллиптико-гиперbolo-параболического типа.

Ключевые слова: экстрагирование, тепломассоперенос, капиллярно-пористое тело, диффузия, эллиптико-гиперbolo-параболическое уравнение, сильное и слабое решение.

MATHEMATICAL MODEL OF EXTRACTING VEGETABLE RAW MATERIALS

Voloszyn Y.N., Nagoev M.M., Lanina T.I.

Kabardino-Balkarian State University

The paper considers mathematical model of extracting plant material, which is a marginal task for two-dimensional equations of elliptiko-giperbolo-parabolic type.

Keywords: extraction, heat-mass transfer, capillary-porous body, diffusion, elliptiko-giperbolo-parabolic equation, strong and weak solution.

В настоящее время общемировой тенденцией повышения качества жизни является потребление натуральных продуктов питания с профилактическими свойствами. Повышение биологической и питательной ценности продуктов обусловлено введением в рецептуры так называемых «функциональных компонентов», к которым относятся экстракты растительного сырья. Экстрагирование – процесс избирательного извлечения одного или нескольких растворимых компонентов из растворов или твердых тел с помощью жидкого растворителя – экстрагента. Экстрагирование широко применяется в химической, пищевой, фармацевтической и других отраслях промышленности [1].

Особенностью переноса в системе твёрдое тело–жидкость для случая капиллярно-пористого тела является молекулярный перенос в порах тела и сложный перенос от внешней границы во внешнюю фазу через пограничный слой, в котором чередуются механизмы молекулярной, конвективной и вихревой диффузии [2]. Анализ массовых процессов при экстрагировании посвящен ряд работ [3–5]. Процесс экстрагирования достаточно длительный, поэтому его интенсификация связана с увеличением доли мелкокомасштабной вихревой диффузии, что достигается различными методами, включая воздействие ультразвуком [6–8].

Классические уравнения тепломассопереноса получены на основании представлений о безинерционной реакции системы на соответствующие возмущения и являются уравнениями параболического типа [3, 4]. В работе [9] показано, что при мелкокомасштабной турбулентности учёт конечных скоростей тепломассопереноса приводит к уравнениям гиперболического типа. Диаметры капилляров в капиллярно-пористом теле не превышают 0,1...0,5 мкм, что соизмеримо с амплитудой ультразвуковых колебаний частотой 20...44 кГц, обычно используемых в технологических целях. Оценка критического радиуса кавитационного пузырька для тех же частот даёт значения 2,7...6,8 мкм [8]. Поэтому ультразвуковая интенсификация процесса экстракции связана с динамическими течениями экстрагента в верхней части капилляров и увеличением доли вихревой составляющей переноса на границе твёрдое тело–жидкость. В глубине «глухой поры» молекулярный перенос стационарный и по мере приближения к внешней поверхности твёрдого тела стационарность процесса нарушается.

Поэтому весьма актуально перед численным моделированием уравнений тепломассопереноса при экстракции показать, что задача имеет решение. Основываясь на вышеприведенных физических представлениях переноса экстрагируемого вещества в капиллярно-пористом теле и далее в ядро жидкой фазы, процесс может быть описан уравнением эллиптико-гиперbolo-параболического типа:

$$Lu = (k(y) + m^2)u_{xx} + 2mu_{xy} + u_{yy} + bu_y = f(x, y) \in L_2, \quad (1)$$

решение которого $u(x, y)$ – распределение концентрации экстрагируемого вещества, начиная от конца «глухой поры» к ядру жидкой фазы в области $G = \{(x, y): 0 < x < 1, -\infty < y < 1\}$, где $k(y) \in C^2(-\infty, 1)$; $k(y) < 0, \forall y \in (-\infty, 0)$; $k(y) = 0,$

$$\forall y \in [0, 1/2]; k(y) > 0, \forall y \in (1/2, 1]; m = \text{const} > 0; k(y) + m^2 > 0, \forall y \in (-\infty, 1]; b(x, y) \in C^\infty(G).$$

Решение уравнения (1) удовлетворяет условию:

$$u(x, y) = 0, \quad \forall (x, y) \in \partial G. \quad (2).$$

Решение сопряжённого к уравнению (1) уравнения

$$L^*v = (k(y) + m^2)v_{xx} + 2mv_{xy} + v_{yy} - (bv)_y = g(x, y) \in L_2$$

удовлетворяет условию

$$v(x, y) = 0, \quad \forall (x, y) \in \partial G,$$

где L^* – оператор, сопряжённый, по Лагранжу, с оператором L .

Нетрудно убедиться, что

$$(Lu, \beta u_y)_0 = \int_{\partial G} \left[\frac{1}{2} \left((k + m^2) \beta u_x^2 - \frac{1}{2} \beta u_y^2 \right) \right] dx +$$

$$+ \left[(k + m^2) \beta u_x u_y + m \beta u_y^2 \right] dy + \int_G \left[\frac{1}{2} \left((k + m^2) \beta \right)_y u_x^2 - (k + m^2) \beta_x u_x u_y + \left(b \beta - m \beta_x - \frac{1}{2} \beta_y \right) u_y^2 \right] dG.$$

Если $\beta(y) > 0$, $\beta'(y) < 0$, тогда с учётом условий (2) получаем $(Lu, \beta u_y)_0 \geq$

$$\int_G \left[\frac{1}{2} \left((k + m^2) \beta \right)_y u_x^2 + \left(b \beta - \frac{1}{2} \beta_y \right) u_y^2 \right] dG.$$

Если коэффициент $b(x, y)$ удовлетворяет условию $b > -\frac{k'}{k + m^2}$, то получаем неравенство

$$(Lu, \beta u_y)_0 \geq C \|u\|_1^2 \quad (3)$$

для всех $u \in C^2(G)$ и удовлетворяющих условию (2). Из оценки (3) следует существование слабого решения $u(x, y) \in W_2^1(G)$ уравнения (1), удовлетворяющего условию (2) и единственность сильного решения этой же задачи.

Покажем, что слабое решение задачи (1),(2) является сильным решением для любой $f(x, y) \in L_2(G)$. Представим слабое решение $u(x, y)$ задачи (1),(2) в виде $u = u_1 + u_2$, где u_1, u_2 – слабые решения задачи (1),(2) для уравнений $Lu_1 = f_1$, $Lu_2 = f_2$; $f_1, f_2 \in L_2$ такие, что u_1 и u_2 обращаются в ноль, соответственно для $y > 1 - \delta_1$, $y < 1 - \delta_2$ ($\delta_1, \delta_2 - const > 0$, $\delta_1 < \delta_2$). Так как $u_2 \in W_2^2$, то остаётся показать, что u_1 – сильное решение. В дальнейшем индекс «1» будем опускать.

Продолжим функции f, u, v нулём в дополнение области G до полосы $\Pi = \{(x, y): 0 < x < 1, -\infty < y < \infty\}$, а функцию $k + m^2$ гладким образом. В полосе Π построим аппроксимирующие последовательности $\{u_\varepsilon\}, \{v_\varepsilon\}$ по формулам

$$u_\varepsilon = J_\varepsilon u = \frac{1}{\varepsilon} \int_{-\infty}^{\infty} j\left(\frac{y - y' + 2\varepsilon}{\varepsilon}\right) u(x, y') dy', \quad v_\varepsilon = J_\varepsilon^* v = \frac{1}{\varepsilon} \int_{-\infty}^{\infty} j\left(\frac{y - y' - 2\varepsilon}{\varepsilon}\right) v(x, y') dy',$$

где $j(y) \in C_0^\infty(-\infty, \infty)$; $j(y) = j(-y)$; $j(y) > 0$, $|y| < 1$; $j(y) = 0$, $|y| \geq 1$; $\int_{-1}^1 j(y) dy = 1$.

Так как $u(x, y)$ слабое решение задачи (1),(2), то справедливо равенство

$$(J_\varepsilon u, L^*(k + m^2)^{-1} v)_0 = (J_\varepsilon (k + m^2)^{-1} f, v)_0 - \left([J_\varepsilon^* \frac{\partial}{\partial y} (k + m^2)^{-1} - \frac{\partial}{\partial y} (k + m^2)^{-1} J_\varepsilon^*] \cdot \right.$$

$$\left. \cdot \left(2m \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial y} \right) u, v \right)_0.$$

Заметим, что $J_\varepsilon (k + m^2)^{-1} f - [J_\varepsilon^* \frac{\partial}{\partial y} (k + m^2)^{-1} - \frac{\partial}{\partial y} (k + m^2)^{-1} J_\varepsilon^*] \cdot$

$$\cdot \left(2m \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial y} \right) u \equiv F_\varepsilon \in L_2(G), \text{ и}$$

при $\varepsilon \rightarrow 0$ $\|F_\varepsilon - (k + m^2)^{-1} f\|_0 \rightarrow 0$, $\|J_\varepsilon u - u\|_0 \rightarrow 0$ (4).

Так как $u_\varepsilon \in W_2^2(G)$, удовлетворяет граничному условию (2) и справедливо (4), то $u(x, y)$ – сильное решение задачи (1), (2).

Таким образом, в работе показано, что процесс экстрагирования растительного сырья как процесс переноса в системе твердое тело–жидкость может быть описан уравнением эллиптико-гипербола-параболического типа с учетом конечных скоростей возмущения в среде. Краевая задача, описывающая данный процесс, имеет слабое решение в рассматриваемом пространстве функций, а сильное решение – единственное. Единственность сильного решения позволяет использовать разработанную математическую модель для численных экспериментов по изучению указанного процесса.

Библиография

1. Лысянский В.М., Гребенюк С.М. Экстрагирование в пищевой промышленности. М.: Агропромиздат, 1987. 188 с.
2. Аксельруд Г.А., Лысянский В.М. Экстрагирование (система твёрдое тело–жидкость). Л.: Химия, 1974. 256 с.
3. Аксельруд Г.А., Альтшуллер В.М. Введение в капиллярно-химическую технологию. М.: Химия, 1983. 263 с.
4. Рудобашта С.П., Карташов Э.М. Диффузия в химико-технологических процессах. М.: КолосС, 2010. 478 с.
5. Ланина Т.И., Волошин Ю.Н. Массообмен в системе твердое тело–жидкость // Техника и технология: новые перспективы развития: материалы 7-й Международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 225–228.
6. Журавская-Скалова Д.В., Косенков О.И. Активные методы экстрагирования биологического сырья // Хранение и переработка сельхозсырья. 2009. № 12. С. 23–24.
7. Волошин Ю.Н., Диданов М.Ц. Интенсификация процесса экстракции // Научные основы процессов, аппаратов и машин пищевых производств: материалы Международной научно-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 120–122.
8. Волошин Ю.Н., Нагоев М.М., Докшукина Р.А. Интенсификация процессов экстрагирования растительного сырья // Качество, инновации, образование. 2015. Т. II, № 5. С. 282–287.
9. Лыков А.В. Применение методов термодинамики необратимых процессов к исследованию тепло- и массообмена // Инженерно-физический журнал. 1965. Т. 9, № 3. С. 287–304.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 39

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЧАЯ У КАБАРДИНЦЕВ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)

*Ивазов А.М., Маремшаова И.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*abuba.777@mail.ru

Рассматривается процесс бытования, взаимодействия и постепенной смены у кабардинцев употребления ряда напитков, объединяемых под общим наименованием «чай». Показано наличие у кабардинцев ряда растительных отваров-чаев на базе дикорастущих и культурных растений. Кроме того, в статье отражена трансформация номенклатуры напитков кабардинцев под влиянием разнонаправленных этнокультурных векторов – со стороны степи, откуда кавказские этносы перенимают употребление калмыцкого чая (с использованием продуктов животноводства), а также из России, привнесшей на Кавказ черный чай с сахаром.

Ключевые слова: система питания, напитки, чай, калмыцкий чай, черный чай, заимствования, культурная динамика, самовар.

ON THE SPREAD OF TEA AT KABARDIANS (LATE XIX – BEG. XX CENTURIES)

Ivazov A.M., Maremshaova I.I.

Kabardino-Balkarian State University

The process of existence, cooperation and the gradual shift from the use of a number of Kabardians drinks, united under the common name «tea». The presence at a number of vegetable broths Kabardians tea-based wild and cultivated plants. This article shows the transformation of the range of beverages Kabardians under the influence of divergent ethnic and cultural vectors – from the steppes, where the Caucasian ethnic groups adopt the use of Kalmyk tea (using animal products), as well as from Russia who brought the Caucasus on black tea with sugar.

Keywords: system of food, beverages, tea, Kalmyk tea, black tea, drawing, cultural dynamics, samovar.

Система питания каждого этноса представляет собой уникальный феномен, являющийся результатом длительного исторического пути, проделанного народом, и отражающий удивительное сочетание верности традициям и открытости внешнему миру.

Каждый из элементов этого многокомпонентного комплекса (номенклатура блюд и технологии их приготовления, пищевые предпочтения и избегания, посуда и застольный этикет) является результатом саморазвития либо восприятия уже готовых образцов у ближних и дальних соседей.

Подобные заимствования, несмотря на типологические отличия культур-реципиентов и культур-доноров (зачастую – разительные), как правило, укладываются в русло общемировых тенденций.

Естественно, что эти универсальные закономерности применимы не только к блюдам, но и к напиткам. Такова, например, культура употребления чая, давно уже перешагнувшая национальные, государственные и конфессиональные границы. Будучи в самом начале одним из ритуальных элементов буддийской цивилизации, культура чая распространилась затем по всему земному шару, укоренившись в быту и культуре, обычаях и традициях многих народов, исповедующих разные религии, говорящих на разных языках, имеющих разное социальное и государственное устройство и относящихся к разным социально-экономическим и политическим системам. История победоносного шествия чая по территории земного шара изучена достаточно полно и подробно, хотя некоторые страницы этого процесса, как и целые регионы, еще остаются вне сферы внимания специалистов. Такова, например, растянувшаяся на столетия история распространения этого напитка среди кабардинцев, многообразные и интереснейшие аспекты которой заслуживают отдельного монографического исследования. Наша же задача в настоящей статье их только обозначить, по возможности придерживаясь заявленных хронологических рамок исследования.

Касаясь вопроса распространения чайной культуры на Кавказе и в частности в Кабарде, хотелось бы отметить следующее. Ежедневным напитком кабардинцев и балкарцев, особенно бедных слоев населения, издревле являлся чай (*шей*). Заварку в прошлом готовили из чайной травы – иван-чая (*шей удз*) (*Chamenon angustifolium*). Чайная трава росла в горах, на пастбищах; ее заготавливали летом, сушили и хранили годами. Вместо иван-чая заварку так же делали из рододендрона (*Rodendron caucasicum*) – *къуцхъэхъу шей*, шиповника (*Rosa canina*) – *хъэ-цыбанэ шей*, вишни (*Prunus avium*) – *бэлий шей*. Несмотря на явное заимствование самого названия (*шей*), видимо, вытеснившего исконный адыгский эквивалент, древность употребления этих напитков может быть косвенно подтверждена повсеместным распространением растительного сырья на территории исторической Кабарды, а также

тем, что отвары листьев, соцветий и плодов этих же растений (читай – те же чаи) нашли широкое применение в традиционной адыгской медицине. Некоторые из этих рецептов сохранились до наших дней [1].

Особым напитком, воспринятым из Великой Степи (судя по его названию), был калмыцкий чай (*къалмыкъ шей*), получивший широкое распространение у кабардинцев во второй половине XIX в. Он был известен не только у адыгов (черкесов), но и у других народов Кавказа – карачаевцев, балкарцев, народов Дагестана, ногайцев и туркменов, а также на обширных территориях Средней Азии, в Афганистане, и у народов, относящихся к буддийской цивилизации – у монголов, бурят, калмыков, южносибирских тюрков (алтайцы, тувинцы), у тангутов Северного Тибета, а также у населения гималайских районов Индии, Кашмира и Непала [2]. В этих регионах встречаются свои способы приготовления этого чая, который назывался «шир-чай» [3].

Кабардинцы вполне закономерно пополнили широкий список народов, воспринявших культуру употребления калмыцкого чая, многочисленные разновидности которого были особенно популярны у степных народов и горцев. Это объяснимо с этноэкологической точки зрения – для приготовления такого чая были необходимы продукты животноводства – молоко, сливки, масло. Как справедливо подметила Н.Л. Жуковская в отношении кочевников Центральной Азии, «с появлением чая (калмыцкого – А.И.) весь свободный запас свежего молока стал использоваться для приготовления чая с молоком» [4]. Было бы удивительно, если традиция приготовления и употребления калмыцкого чая (*къалмыкъ шей*) не нашла бы развития у кабардинцев, для которых основным занятием в XVI–XIX вв. являлось скотоводство, которое было наиболее экологически целесообразным в силу их проживания в особых природно-географических условиях, способствовавших развитию в большей степени именно скотоводства, а не земледелия [5]. По данным известного этнографа Г.Х. Мамбетова, кабардинцы и балкарцы в конце XIX–начале XX вв. занимали одно из первых мест не только на Кавказе, но и во всей России по уровню развития скотоводства [6].

Доступность этого напитка (по сравнению с черным чаем) для всех слоев населения отчасти объясняется и относительно небольшими нормами расхода зеленого чая на единицу конечного продукта.

Кабардинский рецепт приготовления калмыцкого чая был следующим. Заварку отдельно не готовили. Чай пили из чашек, добавив в него молоко и сливки (иногда и масло) или без них (*шей къарэ*), соль и черный перец (*шыбжый фыццэ*).

Можно предположить, что именно изначальное присутствие этих ингредиентов в системе питания кабардинцев ускорило заимствование калмыцкого чая в качестве цельного комплекса.

Особого внимания заслуживает история другого заимствования – черного чая.

Знакомство кабардинцев с черным чаем относится к середине XIX в. Дороговизна этого чая, поставлявшего русскими купцами, изначально сделала его элитарным продуктом. Все источники того времени подчеркивают, что пить черный чай было престижно. Употребляемый со столь же дорогим сахаром такой чай (*фошыгъу шей*) был доступен только состоятельным слоям Кабарды и Балкарии.

П. Степанов, побывавший в Кабарде в 1861 г., констатировал, что только «зажиточные люди пьют чай» [7]. Сохранение этой тенденции в 90-х гг. XIX в. отмечал и В. Баранов, писавший, что «чаепитие среди горцев более зажиточных стало вводиться в последнее время» [8].

Ситуация изменилась только в последующие десятилетия. Строительство железных дорог в России, по которым чай доставлялся от китайской границы, а также организованное англичанами плантационное производство чая в Индии и на Цейлоне, откуда он по морю через одесский порт попадал в Россию и далее развозился по всей стране, привели к резкому падению цен на чай, отныне ставшего доступным широким массам не только в России в целом, но и на Кавказе, и в Кабарде в частности. Однако еще в начале XX в., как подчеркивал Г.Х. Мамбетов, этот напиток считался деликатесом и «угощение гостей (особенно женщин) чаем с сахаром (*фошыгъу шей*) в какой-то мере подчеркивало зажиточность семьи» [8].

Как видим, процесс распространения чая в Кабарде вполне укладывается в общепринятую схему, согласно которой проводниками новых культурных веяний являются представители элиты, при посредстве которых инновации спустя какое-то время распространяются среди широких масс населения [9].

Следует отметить, что культура употребления черного чая с сахаром стала одной из важнейших форм заимствования кабардинцами элементов мировой культуры, происходивших при посредничестве и воздействии русской культуры [10]. Своеобразный характер этого многовекового процесса с участием народов Северного Кавказа и русских в свое время подметил В.В. Дмитриев, перечисливший все его многочисленные ипостаси: «взаимодействие колониального типа, борьба разных цивилизаций, тесная межэтническая кооперация, взаимопомощь на бытовом уровне и многое другое. В их числе и взаимное обогащение материальной культуры, каждой из сторон контакта» [11]. На подобное взаимообогащение культур питания контактирующих народов обратил внимание и Р.Н. Дзагов, заметивший, что «кабардинцы как бы обменялись чайной традицией с русскими, среди которых появились любители калмыцкого чая» [12].

Немаловажно, что процесс включения черного чая в пищевой рацион кабардинцев является частным случаем вытеснения одного заимствования, более древнего, другим. Калмыцкий чай (*къалмыкъ шей*), служивший одной из основных составляющих кабардинской кухни (особенно крестьянской), начал уступать свои позиции черному сладкому чаю, ставшему одним из самых популярных заимствований и легко вписавшемуся в меню не только кабардинцев и балкарцев, но и других народов Северного Кавказа. Данная тенденция стала доминирующей в советский и постсоветский периоды, хотя и до сего дня эти два напитка представлены в системе питания кабардинцев, хотя и занимают в ней неравные доли.

Примечательно, что в ситуации тотальной десакрализации культуры и при утрате знаковости блюдами адыгского ритуального стола, чай может выполнять функции, ранее ему несвойственные. Так, по наблюдению ав-

тора, на многих свадебных торжествах Кабардино-Балкарии, вопреки обычаю, наряду или вместо мясного бульона (*лэпс*), символизирующего завершающую фазу адыгского застолья, подаются чай или кофе, хотя многие все еще придерживаются классических требований кабардинского застольного этикета.

Еще одним немаловажным аспектом изучаемой нами темы является проблема заимствования не отдельного элемента культуры (в данном случае – чая), а целого культурного комплекса употребления напитка, включающего многообразную атрибутику.

Увлечение кабардинцев «русским» чаем (хотя правильнее – китайским или цейлонским) внесло изменения в их традиционный кухонный быт. И если первоначально в Кабарде чай варили в медных чайниках, то со временем у зажиточных слоев большое распространение получили русские самовары, появление которых в Кабарде (сначала в качестве предмета роскоши) следует отнести к первой половине XIX в. [7].

Примечательно, что русский самовар, ставший неотъемлемым атрибутом чайной церемонии (назовем ее так, не вкладывая в нее привычный восточный смысл), на рубеже XIX–XX вв. начал широко использоваться и распространился не только на Кавказе (в том числе в Кабарде), но и в Средней Азии. Вместе с самоварами значительное распространение по всей империи получила и разнообразная посуда фабричного производства (включая сервизы).

При этом самовар стал настолько распространенным явлением, что его изображение даже стало включаться в дизайн традиционных адыгских циновок [11].

Еще более удивительным является факт трансформации восприятия самовара в коллективной памяти адыгского зарубежья. Этнографы и фольклористы, работающие в странах компактного проживания адыгских диаспорных групп, неоднократно наблюдали русские самовары, на почетном месте стоящие среди других вещей, вывезенных с Кавказа их предками. Будучи предметами законной гордости их обладателей, для последних самовары являются уже неотъемлемой частью традиционной адыгской (!) культуры и символом утраченной родины.

Вполне показательно, что в числе прочих материальных ценностей, реквизируемых Советской властью у зажиточных слоев Кабарды в 1918 г., одним из часто встречающихся элементов роскоши является самовар. Так, у жителя с. Аргудан Мамхегова Цацу был реквизирован большой медный самовар; у жительницы с. Заюково (Атажукино 1) княгини Фатимат Атажукиной было отобрано два самовара; у жителей с. Куба (Атажукино 3) Агубекова Забит-Гирея конфисковано два самовара, у Кармова Исмаила – белый самовар ручной работы; у жителя с. Исламей (Наурзово) Гукетлова Хажсета Татиевича – баснословно дорогой самовар стоимостью 7 тыс. руб.; у жительницы с. Нартан (Клишбиево) Клишбиевой Кобахан Тейурхановны – несколько самоваров; у жителя с. Сармаково (Бабуково) Коцева Хаджи Рамаша Хусиновича – два самовара; у жителя Вольный Аул (Бранта) Керефова Хаджи Безруко Мурзабековича – четыре самовара; у жителя Докшукино (Нарткала) Шипшева Темирхана Магомедовича – один самовар ручной работы; у жителя с. Верхний Куркужин (Абезываново) Абезыванова Ислама Жанхотовича – один самовар; у жителя с. Нижний Куркужин (Коново) Конова Бицу – один самовар; у жителей с. Дейское (Муртазово) Кодзоковых Крым-Султана и Абахита – большой самовар из красной меди. Часты и упоминания о чайной посуде (нередко целых сервизах) [13]. Столь широкая география распространения самовара и чайных традиций в Кабарде демонстрирует прочное укоренение культуры употребления этого напитка у зажиточных слоев населения Кабарды.

Этот факт подтверждают и представители старшего поколения. Так, по воспоминаниям близких родственников автора статьи, до Октябрьской революции в семье Тхакаховой Даду Тлостанбековны из с. Нартан (Клишбиево) – представительницы богатейшей купеческой фамилии и прабабушки одного из авторов статьи – имелись многочисленные серебряные самовары ручной работы, заказанные и изготовленные у лучших мастеров России, которые использовались при приеме многочисленных гостей, которыми был полон дом купцов Тхакаховых [14].

Как видим, даже предварительное ознакомление с феноменом распространения чая в кабардинском обществе выявило целый ряд интереснейших проблем, каждая из которых может быть развернута в полномасштабное монографическое исследование. Кроме того, ясно, что назрела проблема проведения сравнительно-сопоставительных исследований по народам Кавказа, каждый из которых отличается собственной динамикой процесса, хронологией и механизмами включения чая в свою систему питания.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что чай как напиток в системе питания кабардинцев прошел определенную смысловую и социальную трансформацию от травяных чаев (на основе иван-чая, рододендрона, шиповника, вишни и др.) до калмыцкого чая (*кьэлмыкъ шей*) на основе продуктов животноводства, а затем в конце XIX–начале XX вв. под влиянием мировой (европейской, азиатской, русской) индустриальной культуры (маркером которой является русский самовар) уступил место черному чаю с сахаром, лидерство которого в системе питания кабардинцев остается до наших дней неоспоримым. При этом данное заимствование являлось не единовременным актом, а представляло длительный процесс, а основными проводниками моды на употребление черного чая с сахаром и использования самовара в Кабарде и Балкарии были зажиточные слои – дворянство, купечество и интеллигенция. Однако широкому распространению черного чая способствовали не столько соображения престижа, сколько экономические факторы, переведшие этот напиток из предмета роскоши в разряд повседневных продуктов питания. Со временем чай стал восприниматься как «свой», традиционный элемент культуры, а для диаспоры эти коннотации в силу определенных причин приобрели дополнительную семиотичность. Из числа заимствованных адыгами напитков чай достаточно бережно трансформировал окружающее его культурное пространство, в отличие, скажем, от крепкого алкоголя, разрушающего базовые константы адыгской системы питания и основы нравственных ценностей.

Библиография

1. Шхагапсоев С.Х. Очерки кабардинской этноботаники. Нальчик, 2008. С. 51–76.
2. Абашин С.Н. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII–XIX веках // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 213–214.
3. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. М., 1946. 336 с.
4. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография. 1979. № 5. С. 70–71.
5. Гарданов В.К. Историк и этнограф / сост. А.И. Мусукаев. Нальчик, 2003. 389 с.
6. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. 27 с.
7. Степанов П. Беглые очерки Кабарды // Кавказ. 1861. № 82. С. 46–54.
8. Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. 367 с.
9. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. 247 с.
10. Дмитриев В.А. Типы эконокультурных заимствований на Северном Кавказе // Субэтноты в СССР. 1986. С. 29–48.
11. Дмитриев В.А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб., 2001. 58 с.
12. Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX–нач. XX вв.). Нальчик, 2009. С. 134–135.
13. Материалы комиссии при правительстве Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками в 1919 г. / сост. Х.Х. Яхтанигов. Нальчик, 2013.
14. Личный архив автора. Информатор: Ивазов Мухамед Абубекирович 1948 г.р. с. Кенже (Кошерово).

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Абазалиева Л.Р.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

alr-1804@mail.ru

В статье анализируются особенности исламской религии и ее проявления в политических процессах на Северном Кавказе. Автор рассматривает актуальные проблемы внутриисламских направлений, а также специфику течений ислама, распространенных в регионе. Особое внимание уделяется внутриконфессиональным противоречиям, выражающимся как на концептуальном уровне, так и в социально-политических реалиях сложносоставного в религиозно-конфессиональном и этническом отношениях Северного Кавказа.

Ключевые слова: религиозный фактор, ислам, исламский фактор, суфизм, салафизм, фундаментализм, Северный Кавказ.

THE UNIQUE FEATURES OF ISLAM IN THE POLITICAL PROCESSES
OF THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS

Abazalieva L.R.

Lomonosov Moscow State University

The characteristics of Islamic religion and its influence on the political processes in the Northern Caucasus are analyzed in the article. The author examines the current problems of different Islamic schools (which are most popular in the region) and their specifics. Particular attention is given to the problems in the frames of Islamic religion, which are used to be expressed both on the conceptual level and in the socio-political realities of the religion-confessional and multi-ethnic Northern Caucasus.

Keywords: faith factor, religious factor, Islam, Islamic factor, sufi, salafy, fundamentalism, Northern Caucasus.

Происходящее в последнее десятилетие существенное повышение уровня религиозности населения и значительное изменение структуры конфессионального пространства все более активизируются через деятельность различных религиозных учреждений и организаций, а также приверженцев тех или иных конфессий.

Проблема изучения религиозного фактора на Северном Кавказе представляет собой многообразие исследуемых направлений, ведь издревле этот регион населяли народы, представляющие различные этнические группы с меняющимися на протяжении истории верованиями.

Политический и идеологический кризис после распада Советского Союза в 90-е гг. способствовал так называемому религиозному «ренессансу» и в особенности возрождению ислама на Северном Кавказе. Актуальность исследуемой проблемы обуславливается важностью рассмотрения фактора религии и в частности преобладающего в исследуемом регионе ислама для понимания нынешнего состояния, а также возможных перспектив развития религиозно-конфессиональных отношений в РФ, которые оказывают влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику государства.

В целом же можно говорить о значительном росте интереса к поставленному на рассмотрение в данной статье вопросу, вызванному общественно-политическими реалиями, процессами глобализации, либерализации и демократизации, происходящими в сложносоставном в религиозно-конфессиональном и этническом отношениях северокавказском регионе.

Зачастую в роли непосредственного участника политических процессов выступает фактор религии, когда «группа, идентифицирующая себя с религией, стремится использовать её в целях получения или сохранения власти, территории или влияния» [1]. По нашему мнению, следует согласиться с тем, что «в последние десятилетия религия вновь стала одним из основных критериев самоидентификации многих групп, особенно в исламе, а их представители начали заниматься политикой» [1]. Исследовательский интерес, по мнению автора данной статьи, представляет анализ особенностей исламской конфессии в политических процессах республик северокавказского макрорегиона.

Следует отметить, что в настоящее время значение ислама в политических процессах республик Северного Кавказа неуклонно растет. В немалой степени этому способствовала активизация последователей «новых» интерпретаций исламской религии во второй половине 90-х гг. Отсутствие политической стабильности в северокавказском регионе, сложная социально-экономическая ситуация, высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни большинства населения, а также отсутствие перспектив (особенно для молодых людей) способствовали росту популярности идеи шариатизации общественно-политической жизни, предлагаемой адептами «нового» ислама.

Кроме того, усиливается процесс «политизации» исламской религии, причем не только ее радикальных интерпретаций, но и «традиционных» форм, что проявляется, в первую очередь, в лояльности местных духовных лидеров властным структурам. В наибольшей степени вышеназванное явление проявляется в Чеченской Республике, показатели религиозности населения в которой являются самыми высокими в северокавказском макрорегионе. Несмотря на этот факт, религиозно-политическая ситуация в настоящее время представляет наибольшую опасность в Республике Дагестан [2], где противоречия между последователями суфийских братств и так называемыми

салафитами выражены наиболее остро. Сложность и многообразие представленных на Северном Кавказе направлений в исламской религии выражается как в противоречиях между ними, так и внутри них. В этой связи автору статьи представляется важным рассмотреть преобладающие в макрорегионе направления для выявления роли ислама в общественно-политических процессах республик Северного Кавказа.

Проблема изучения распространенных в северокавказском макрорегионе направлений в исламе и их проекции на социально-политические процессы, по нашему мнению, является одной из наиболее актуальных в существующих общественно-политических реалиях. В настоящее время существует достаточно широкий ряд исследований, посвященных специфике внутриисламских течений. Особое место многие исламоведы и кавказоведы уделяют внутриконтинентальному конфликту между так называемыми «традиционным» и «нетрадиционным» исламом. Существующие в сегодняшнем политико-правовом пространстве дискуссии по данному вопросу зачастую приобретают тенденции к обострению. В научном дискурсе исследователи выражают порой абсолютно полярные точки зрения.

Характерной особенностью для большинства исследований является разделение ислама на Северном Кавказе на так называемый «традиционный» и «нетрадиционный». Следует заметить, что существуют также разные подходы непосредственно к самому разделению. В большей степени в научных исследованиях наблюдается приращение к «традиционному» исламу суфизма, характерного для республик Северо-Восточного Кавказа. Кроме того, некоторые исламоведы (к примеру, этнограф А.А. Ярлыкапов) причисляют к «традиционным» формам исламской религии так называемый «народный ислам» республик Северо-Западного Кавказа, который стал основной формой и причиной сохранения исламского наследия для проживающих в регионе народов.

В то же время упомянутый А.А. Ярлыкапов придерживается позиции непродуктивности подхода разделения ислама по такому принципу ввиду концептуальной неоднородности выделяемых элементов. Исламовед С.А. Семедов также рекомендует не проводить четкого разделения между суфизмом и противопоставляемыми ему формами ислама в связи со сложностью и неоднозначностью религиозного компонента в политических и социальных процессах в регионе [3]. Аналогичной позиции придерживается ряд российских мусульманских духовных лидеров. Само использование термина «традиционный», по мнению имама Мемориальной мечети в Москве Ш.Р. Аляутдинова, настраивает на возникновение противоречий, имплицитно намекая на «нетрадиционность» всех остальных направлений. Кроме того, им выделяется отсутствие каких-либо теоретико-богословских оснований для использования такой терминологии [4].

Тем не менее, в большинстве современных научных исследований это разделение используется в связи с тем, что, несмотря на некоторые допущения, с его помощью отражаются наиболее существенные в нынешних политических реалиях особенности проявления исламского фактора и его роль в региональных политических процессах.

В частности, известный российский исламовед А.В. Малашенко утверждает, что к «традиционному» исламу можно отнести: «1) суннитский ислам двух утвердившихся среди мусульман России мазхабов (религиозно-правовых школ) – ханафизма и шафиизма, 2) суфизм» [5]. Суннизм ханафитского толка характерен для республик Северо-Западного Кавказа. На востоке этого региона утвердился суннизм с преобладанием шафиизма. Кроме того, именно здесь можно наблюдать сильное влияние суфийской традиции.

Суфизм представляет собой мистико-аскетическое учение в исламе, обладающее характерными этнокультурными особенностями на территории Северо-Восточного Кавказа. Кроме того, суфизм зачастую именуется «тарикатизмом». Это наименование происходит от арабского слова «тарика», что означает «путь», «метод мистического познания Истины» [6]. Еще одно название, которое получил северокавказский суфизм – мюридизм – связано с ключевым значением связки мюрид (ученик) и наставник. «В отдельных случаях роль наставника принадлежала не конкретному религиозному авторитету, а постепенно сложившейся в суфийских братствах бюрократической структуре» [7].

Распространение суфизма непосредственно связано с историей ислама на Северном Кавказе. Появление суфизма в этом регионе датируется XI в. – сначала он распространяется в Дагестане, затем к XIII в. в Чечне. Кроме того, следует отметить, что на Северо-Восточном Кавказе исторически преобладали последователи братств накшбандийа и кадирийа (также именуемого зикризмом).

Суфийская традиция, представляющая собой по сути аполитичное течение в исламе, при определенных исторических обстоятельствах имела тенденцию к приобретению достаточно выраженной политической направленности. Принадлежность адептов суфизма к тем или иным тарикатам зачастую коррелировала с происходящими социально-политическими процессами в жизни кавказских горцев. Отметим, что предпосылки к политизации суфизма появляются еще в XV–XVII вв. На этом этапе развития суфийской идеологии в ее рамках обозначается ярко выраженная политическая тенденция, когда тарикат накшбандийа становится влиятельнейшим социально-политическим объединением на территории Средней Азии [8]. Сегодня многообразие суфийской традиции представлено тремя тарикатами – в Дагестане накшбандийским и шазилийским, а в Чечне и Ингушетии – кадирийским.

На сегодняшний день можно говорить о характерных способах влияния суфийских братств как составляющей фактора ислама на общественно-политические процессы в республиках Северного Кавказа. В первую очередь, следует отметить, что суфийские ордена влияют как на региональные духовные управления мусульман, так и активно участвуют в политической жизни местных обществ регионов своего преобладания (на Северо-Восточном Кавказе). К примеру, духовным лидером Духовного управления мусульман Дагестана являлся один из самых известных и влиятельных суфийских шейхов Саид-афанди Чиркеевский (1937–2012 гг.). Кроме того, он непосредственно влиял на транслируемую информацию одного из крупнейших исламских сайтов РФ – Islam.ru. Немаловажен тот факт, что значительную часть его учеников (мюридов) составляли как депутаты местного парламента, так и представители республиканских органов власти. Как отмечает А.А. Ярлыкапов, «обладание мощными ресурсами позволяет дагестанским суфиям активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь республики» [9].

В некоторых регионах, к примеру, в Чеченской Республике, суфизм поддерживается и в форме различных научно-исследовательских мероприятий. В августе 2014 г. в г. Грозном была проведена Международная исламская

конференция «Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств», участие в которой приняли мусульманские ученые и деятели из Саудовской Аравии, Египта, Марокко, Ливана, Иордании, Йемена, Кувейта и других государств. Кроме того, следует отметить наибольшую приближенность к властным структурам, которой отличаются суфийские братства в Чечне, что, согласно позиции некоторых исламоведов, характеризует их очевидную политизацию [3]. Показательно, что накшбандийский тарикат, последователи которого занимали властные позиции в советское время, в Чечне после дудаевского мятежа уступил место adeptам тариката кадирийя. Принадлежность к кадирийе нынешнего Главы Чеченской Республики и активная работа по возврату к духовному и культурному наследию учения Кунта-Хаджи Кишиева сегодня становится важной особенностью проводимой руководством республики политики. В этой связи хотелось бы отметить позицию некоторых авторов, следующим образом характеризующих роль ислама в политическом процессе Чеченской Республики: «В руках нового правительства ислам стал инструментом для получения поддержки жителей Чечни, будучи частью построения новой государственной идеологии» [10]. Нельзя не согласиться с тем, что «в то же время, конечно, поддерживался только ислам, лояльный к властям, так называемый традиционный ислам, мощно контролируемый администрацией» [10].

Таким образом, суфийские братства в существующих реалиях представляют собой идеологический концепт, в наибольшей степени характеризующийся лояльностью к происходящим социально-политическим процессам и сочетаемый с традиционной культурой северокавказских народов. Благодаря своему адаптивному характеру суфизм устойчиво укоренился в культуре народов Северного Кавказа и оказался очень живучим. В результате разделения тарикатов на вирды с целью сохранения своего наследия именно суфийские братства как одна из составляющих «традиционного ислама» способствовали сохранению исламской духовной традиции в регионе.

Одной из характерных особенностей суфизма на Северном Кавказе выступают также существенные противоречия между последователями различных суфийских шейхов. Они имеют тенденцию обостряться в результате ситуации межэтнической напряженности, разногласий во взглядах на ислам и его роль в жизни региона, а также конкуренции между лидерами, ведущими борьбу за сферы влияния.

Следует отметить, что политическая субкультура северокавказского региона отличается устойчивостью традиций и обычаев, что во многом способствовало активизации деятельности суфийских братств после распада СССР, несмотря на десятилетия гонений и преследований под лозунгами «борьбы с религией».

Кроме того, происходящие после распада Советского Союза процессы демократизации и либерализации послужили основой образования духовно-идеологического вакуума, одновременно став причиной начала нового этапа религиозного возрождения. Религиозное «возрождение» ознаменовалось появлением «новых» интерпретаций исламской конфессии, связанных с новыми для российских мусульман интерпретациями традиционного вероучения. В свою очередь понятийный аппарат, характерный для описания «нетрадиционного» или «нового» ислама, представляет собой ряд терминов, которые используются сегодня как в политическом и медийном пространстве, так и в научном дискурсе. Нередко они именуются «фундаментализмом» – термином, появившимся в конце XIX в. в радикально-консервативном течении американского протестантизма, получившим свое название по выпускаемому в США журналу «The Fundamentals». В XXI в. таким именем стали характеризоваться радикальные исламские течения. Как отмечает исламовед Л.А. Баширов, «термин "фундаментализм" (от лат. – "основа", "фундамент") применительно к исламу начал использоваться сравнительно недавно. Он заимствован из христианской теологии и чужд исламской лексике» [11].

Наиболее употребимым термином, характеризующим «нетрадиционность» ислама в российском политико-правовом пространстве, является понятие «ваххабизм». Рассматривая историю этого термина в исламской теологии, отметим, что появление «ваххабизма» как религиозно-политического движения и получение им своего наименования датируется серединой XVIII в. и непосредственно связано с идеями Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба. В рамках суннитского направления он возродил учение, основанное на единобожии – таухид, забытое к XVIII в. Говоря о современных реалиях, употребление данного термина носит искаженный характер, а придание ему сегодня неприущих характеристик делает возможность использования данного термина в научном дискурсе неоднозначным. Как справедливо отмечает исламовед Д.Р. Жантиев: «утверждение о существовании ваххабистского движения в наши дни с научной точки зрения представляется крайне спорным» [12].

Очевидно, что наиболее корректным является использование терминологии, присущей исламской теологии, что также способствует правильности понимания происходящих сегодня процессов, связываемых с исламом. В первую очередь, это понятие «ас-салафийа». Салафиты апеллируют к необходимости возвращения к источникам, «к "праведным предкам" (ас-салаф ас-салихун) и призывают вернуться к "подлинному исламу" времен пророка Мухаммада и четырех праведных халифов» [11]. Следует отметить, что неверным является отнесение всех последователей салафизма к носителям экстремистских взглядов. В среде adeptов салафитского вероучения выделяются как сторонники радикальной трансформации общества, так и своего рода «конформистское» крыло, не вторгающееся в общественно-политические реалии [5]. Как отмечают некоторые специалисты-исламоведы: «...основная масса мусульман с фундаменталистскими взглядами чужда радикальным и экстремистским подходам в вопросе о методах возрождения ислама и его дальнейшего развития в регионе» [13]. Следовательно, во всем многообразии «нового ислама» и в попытках его противопоставления исламу «традиционному» зачастую умаляется значение этой мирной составляющей, которую образуют группа «умеренных» салафитов Северного Кавказа, а также так называемые «молодые мусульмане» республик Северо-Западного Кавказа. В этой связи очень важна роль местных духовных управлений мусульман, которые не всегда признают их существование.

Мечети, объединяющие последователей салафитского направления в исламе, проповеди в которых ведутся «неформальными» имамами, как правило, оппозиционными местным официальным духовенствам. А «умеренные» салафиты в Дагестане представляют свои интересы в форме отдельных организаций (так называемая «Ахлю-Сунна»).

«Молодые мусульмане» в республиках Северо-Западного Кавказа как социальная группа, объединенная общностью взглядов, представляют собой достаточно новое явление. А.А. Ярлыкапов также характеризует их как

«новое исламское движение», которое сформировалось в первую очередь в Кабардино-Балкарской Республике. К «новым» или «молодым» мусульманам, как правило, относят представителей молодежи, чьи убеждения и вероисповедная практика носят отличный от «традиционных» форм характер [14].

Особенностью этой группы является отсутствие социальной организации и каких-либо объединений. Противопоставление «народному» исламу Северо-Западного Кавказа выражается «молодыми мусульманами» в основном в культурных различиях.

По нашему мнению, важно отметить факт мирного существования этих групп, не призывающих к каким-либо радикальным трансформациям существующих общественно-политических реалий. Очевидно, что как «умеренные» салафиты Северного Кавказа так и «молодые мусульмане» Северо-Западного Кавказа представляют собой мирные слои населения, ориентирующиеся в большей степени на нормы шариата, нежели традиции и обычаи, что и отличает их от представителей местных «традиционалистов».

Тем не менее, противостояние адептов «традиционного» ислама и последователей радикальных интерпретаций исламского вероучения приобретает политический характер, так как последователи первого выступают на стороне власти и видят «в «чужом» исламе едва ли не главного противника» [5].

В заключение выделим наиболее важные, по мнению автора данной статьи, особенности ислама в общественно-политических процессах исследуемого северокавказского макрорегиона. Во-первых, это увеличение роли ислама в политических процессах республик Северного Кавказа. Во-вторых, отсутствие единства в рядах северокавказской исламской уммы, которое выражается в очевидных противоречиях между представителями внутриисламских течений (между последователями «традиционного» и «нового» ислама). В-третьих, ориентир местных ДУМ на «традиционные» формы ислама, и, как следствие, просуфийский характер деятельности духовных управлений на Северо-Восточном Кавказе (проявляется в поддержке суфийского вероучения в качестве единственно верного, контроле распространяемой религиозной литературы, а также в возможности использования местных СМИ) и поддержка «народного ислама» в Северо-Западных республиках региона. В-четвертых, противоречия между «традиционным» и «новым» исламом приобретают политический характер, что способствует еще большей политизации исламской религии. В этой связи, безусловно, важную роль играет политика как федерального центра, так и региональных властей, в которой следует учитывать специфические особенности ислама на Северном Кавказе.

Библиография

1. Легуцка А. Исламский фактор дестабилизации Кавказа // Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности (коллективная монография) / науч. ред.: М.С. Арсанукаева, А. Гиль, А. Шабацик. Люблин-Майкоп: КУЛ, 2014. С. 54.
2. Абдулагатов З.М. Фундаментализм и модернизм в массовом сознании мусульман Северного Кавказа // Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности (коллективная монография) / науч. ред. М.С. Арсанукаева, А.Гиль, А. Шабацик. Люблин-Майкоп: КУЛ, 2014. С. 70.
3. Семедов С.А. Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // Вопросы религии и религиоведения. 2009. Вып. 1. Ч. 4. С. 405–414.
4. Umma. ru. Традиционный ислам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umma.ru/audio-sermons/sermonsshamil/8601-traditsionnyj-islam>.
5. Абдулаева М.Ш. Проблемы внутриисламского диалога в исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/kulturologiya/abdulaeva.pdf.
6. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 224 с.
7. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 21 с.
8. Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа / отв. ред. И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, ЮФУ, 2008. 112 с.
9. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на Кавказе: направления, течения, религиозно-политические взгляды // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012. 615 с.
10. Шабацик А. Политика Российской Федерации в отношении Северного Кавказа // Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности (коллективная монография) / науч. ред. М.С. Арсанукаева, А. Гиль, А. Шабацик. Люблин-Майкоп: КУЛ, 2014. 54 с.
11. Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России: монография. М.: РАГС, 2008. 223 с.
12. Жантиев Д.Р. Ваххабизм: между исторической правдой и политической мифологией // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... / отв. ред. М.С. Мейер, науч. ред., сост. А. Кузнецов, ред. К.Т. Осипова. М.: Ключ-С, 2008. 102 с.
13. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 71 с.
14. Ярлыкапов А.А. «Народный» ислам и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/2006_2_Yarlykapov.pdf.

УЧИТЕЛЬ КАК НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ДЛЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ ФИЛЬМОВ)

Машезова Л.Р.

Кабардино-Балкарский университет им. Х. М. Бербекова

Schah_Lana@mail.ru

В статье показано, как формировался и изменялся кинообраз советского учителя на материале популярных фильмов советской эпохи, какие сущностные элементы профессиональной идентичности учителя и какими средствами киноязыка культивировались в этом образе, а также насколько сегодня образ учителя отошел от советского идеала.

Ключевые слова: молодежь, учитель, советский кинематограф, нравственные идеалы.

THE TEACHER AS THE MORAL IDEAL FOR YOUNGER GENERATION (ON THE EXAMPLE OF THE SOVIET MOVIES)

Mashezova L.R.

Kabardino-Balkarian State University

This article shows how the film image of the Soviet teacher on material of popular movies was formed and changed, what intrinsic elements of professional identity of the teacher and what means of film language were cultivated this image and how today the image of the teacher departed from the Soviet ideal.

Keywords: youth, teacher, Soviet cinema, moral ideals.

Невозможно представить современную культуру без средств массовой информации, первым из которых стало кино. Кино оказалось более эффективным средством распространения информации и воздействия на сознание.

Такое господство кинематографа заставляет пристально приглядеться к содержанию информации, доступ к которой обеспечивает киноэкран. Поэтому особо важно, какие ценности и общественные идеалы транслирует телевидение, каких персонажей выводят на первый план в своих фильмах режиссеры. Ведь именно на них ориентируются многие подростки, их поведение перенимают в реальной жизни. Кино всегда служило механизмом распространения продуктов массовой культуры или государственной идеологии.

Художественная экранная культура оказывает воспитательное воздействие на молодежь, отвечая нравственным критериям общественного прогресса. Кино – важный исторический текст, который воспроизводит быт, отношения и идеологию существующей эпохи, так как оно, в особенности художественное, способствует конструированию и поддержанию социальных мифов и социально одобряемых стратегий поведения. Ведь, как заметила О. Булгакова, кино – это педагогическое пособие для масс [1].

Педагог, воспитывая молодежь, формируя поколение, которое продолжит дело старших, играет исключительную роль в прогрессивном развитии общества. Неудивительно, что во все времена выдающиеся деятели просвещения высоко ценили роль учителя в жизни общества.

К.Д. Ушинский определял роль учителя в прогрессе так: «Воспитатель, стоящий вровень с современным ходом воспитания, чувствует себя живым, деятельным членом великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святынь заветов людей, боровшихся за истину и за благо» [2].

Таким образом, на педагоге лежит ответственность за формирование системы ценностей с самого раннего возраста.

Сегодня особенно важна личность педагога, его позиция, мироощущение и полная самоотдача. По мнению С.Л. Рубинштейна, «главное дело воспитания как раз в том и заключается, чтобы тысячами нитей связать человека с жизнью так, чтобы со всех сторон перед ним встали задачи, для него значимые, для него притягательные, которые он считает своими, в решение которых он включается. Это важнее всего потому, что главный источник всех нравственных неполадок, всех вывихов в поведении – это та душевная пустота, которая образуется у людей, когда они становятся безучастными к окружающей их жизни, отходя в сторону, чувствуют себя в ней посторонними наблюдателями, готовыми на все махнуть рукой, – тогда все им нипочем» [3].

В 1930–40-е годы учитель выступает в качестве проводника по трудному пути получения знания, носителя сакральной истины, мудрого наставника, «демиурга, творящего новое поколение» [4]. Культуролог и киновед Н. Нусинова отмечает: «С момента возникновения советского кино его создатели были одержимы идеей создания нового человека, достойного жить в новом, коммунистическом мире» [5]. Создателем, творцом такого нового человека выступает в кинематографе сталинского периода учитель. Например, фильмы «Танька-тракторщица» (1928 г.), «Путёвка в жизнь» (1931 г.), «Сельская учительница» (1947 г.), «Педагогическая поэма» (1955 г.). Выбор профессии педагога приравнялся героическому поступку.

В 1950–60-е годы в советском кино происходит поворот в сторону реального немифологического образа учителя. Высокий социальный статус учителя можно было считать даже с его внешнего вида. Нестор Петрович из «Большой перемены» из легкомысленного свитера будущего аспиранта вуза переодевается в строгий тёмный костюм, рубашку и галстук учителя вечерней школы. В фильме Марлена Хуциева «Весна на Заречной улице» (1956 г.) Татьяна Сергеевна дома ходит с распущенными волосами, а в школе собирает волосы в узел. Типичная причёска строгой советской учительницы.

В 1960–70-е годы учитель по-прежнему является воплощением нравственно-эстетического идеала советского человека. Так, например, в «Доживём до понедельника» (1968 г.) Станислава Ростоцкого главный герой, историк Илья Семёнович играет на рояле, поёт, тонко разбирается в поэзии. В фильме «Ключ без права передачи» (1976 г.) Динары Асановой учительница Марина Максимовна в день смерти Пушкина ведёт своих учеников к памятнику поэта в Петербурге.

Школа в советских фильмах является непременно местом взаимного воспитательного процесса, духовного роста и учителя, и учеников. В фильме «Ирония судьбы или с лёгким паром» (1975 г.) Эльдара Рязанова Надя, учитель русского языка и литературы, «чуткий педагог, висит на доске почёта», которую «любят педагоги, родители и даже дети», на вопрос Жени Лукашина: «Вы их воспитываете?» отвечает: «Да, я – их, они – меня. Я пытаюсь учить их думать, хоть самую малость, иметь обо всём своё собственное суждение». При этом ученики её учат тому же самому. Когда в фильме «Розыгрыш» (1976 г.) Владимира Меньшова в адрес математика Марии Васильевны звучит обвинение, что она «33 года просидела на одном стуле», она отвечает: «Это неправда. С каждым классом я меняюсь» [6].

Постперестроечный кинематограф показывает уже совершенно иные образы учеников. Но учителя пока еще все также верны своим идеалам, считая своей главной миссией быть путеводителем в мир знаний своим подопечным. В киноленте Эльдара Рязанова «Дорогая Елена Сергеевна» (1988 г.) ради оценки, формального критерия успеваемости, ученики идут на отвратительные поступки, подкупая учителя подарком ко дню рождения и доводя его до сердечного приступа. Это говорит о том, что на смену первостепенной миссии школы – воспитательной – теперь приходит образовательный процесс.

Постепенно меняется жанр и стилистика фильмов об учителях. В эпоху Сталина преобладала драма, в 1960-е гг. – мелодрама, а в 1970-е гг. – комедии. Теперь же, начиная с 1980-х годов и по настоящее время, усиливается ироничность, жёсткая реалистичность в образе учителя. Условно жанровую специфику этого периода можно определить как чёрную комедию абсурда («Астенический синдром» 1989 г.).

Кира Муратова в фильме «Астенический синдром» являет нам непривычный для российского зрителя образ учителя. Николай Алексеевич – учитель английского языка, воплощает крах интеллигенции, утверждавшей господство интеллекта и моральных ценностей. Его никто не воспринимает: кто перебирает бусы, кто прямо на уроке ест вяленую рыбу, кто читает. В отличие от западной аудитории, которая привыкла к самым различным воплощениям учителей, для российского зрителя Кира Муратова «открывает Америку». Например, в фильме Райана Флека «Полу-Нельсон» (2006 г.) герой Райана Гослинга, учитель истории, далеко не идеал, не стремится всех перевоспитать и стать авторитетом для своих учеников. Он сам «со своими тараканами», которых пытается затравить наркотиками. В «Последнем уроке» (2008 г.) Жан-Поля Лилленфельда учительница в исполнении Изабель Аджани берет в заложники своих непослушных и аморальных учеников. Режиссер ставит вопросы: приемлемы ли силовые методы воздействия на учеников, какими они ни были? Кто должен заниматься воспитанием ребенка – педагоги или родители? Или героиня Джуди Денч в фильме «Скандальный дневник» (2006 г.) Ричарда Эйра, мотивы которой странны и пугающи. Она плетет интриги, завистлива и зла.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что в советское время образ учителя в кино был идеализирован и романтичен: выпускники вузов с восторженными лицами ехали в глубинки и с энтузиазмом боролись за каждого ученика, будь то ребенок или взрослый, считая своим долгом привить ему любовь к знаниям.

«Весна на Заречной улице», «Первая учительница», «Доживем до понедельника», «Большая перемена»... Эти картины стали символами своей эпохи.

Нестор Петрович, попавший в школу по стечению обстоятельств, всё же смог наладить отношения со своими учениками и стать авторитетом в их глазах, большинство из которых старше его [7].

Когда мы говорим «советский учитель» – подразумеваем историка Илью Семёновича Мельникова, героя фильма «Доживём до понедельника». И наоборот. Илья Семёнович мудр и благороден, строг и справедлив, он сеет доброе и вечное.

Начиная с постперестроечного периода, происходит развенчание и крушение недостижимого образа. Теперь учителя не понимают и даже не хотят понимать, не испытывают пиетета к профессии, к системе образования как социальному институту, призванному осуществлять тончайшую и органичную функцию культуры – её поддержание, сохранение и трансляцию.

Современный кинематограф и вовсе предлагает зрителю совсем другой образ учителя. В фильме «Училка» (2015 г.) Алексея Петрухина учительница отбирает у ученика пистолет, чтобы с помощью него восстановить свой авторитет и заставить учеников играть по своим правилам. Сразу вспоминается «Последний урок», в котором героиня Изабель Аджани захватывает учеников в заложники и под дулом пистолета заставляет учить Мольера.

Таким образом, кинематограф играет не последнюю роль в формировании внутреннего мира индивида. Информация, которая подается с помощью кино, превращает в культ определенные образцы, эталоны поведения, нормы морали, художественные вкусы, ориентирующие личность на то, что важно и существенно, что хорошо и плохо, что правильно и неправильно, что благородно и низменно. Воздействуя через различные каналы на духовный мир личности, кинематограф может ориентировать развитие этого мира в направлении его гармонизации, создания материальных и духовных условий, формирования идейно зрелой, нравственно развитой, духовно богатой личности.

Библиография

1. Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 302 с.
2. Ушинский о народном учителе и его подготовке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lovi5.ru/humanities/pe_335.htm.
3. Гасанова П.М. Роль учителя в современном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1210/12511>.
4. Чашухин А. Презентационные техники советского учителя 1950–1960-х гг. // Социально-гуманитарное и политологическое образование. Майские чтения 2006. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2006.
5. Нусинова Н. Семья народов: очерк советского кино тридцатых годов // Логос. 1991–2005. Избранное: в 2 т. Т. 1. М.: Территория будущего, 2006. С. 389–409.
6. Шипулина Н.Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе // Известия ВГПУ. 2010. № 8 (52). Серия «Социально-экономические науки и искусство». С. 4–16.
7. 10 любимых учителей советского кино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arriva.ru/publications/articles/29188>.

**ЭВОЛЮЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
НА ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ****Машезова Л.Р.***Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова***Schah_Lana@mal.ru**

В исследовании показана эволюция читательских предпочтений молодежи, начиная с советского периода по настоящее время, рассмотрена проблема формирования идеалов и мировоззрения молодёжной среды, ее ценностных и нравственных ориентиров через мировую художественную литературу, определяющую духовное здоровье и будущее нации.

Ключевые слова: молодежь, культура, ценностные ориентиры, художественная литература.

**EVOLUTION OF READERS PREFERENCES AND ITS REFLECTION
ON FORMATION OF VALUABLE REFERENCE POINTS OF YOUTH****Mashezova L.R.***Kabardino-Balkarian State University*

In this research by author an attempt to show evolution of readers preferences of youth, since the Soviet period to the present and to consider a problem of formation of ideals and outlook of the youth environment, its valuable and moral guidelines through world fiction defining spiritual health and the future of the nation is touched.

Keywords: youth, culture, valuable reference points, fiction.

Сегодня достаточно остро стоит вопрос духовной разобщенности российского общества и поиска ценностных ориентаций. При этом недостаток четких морально-ценностных императивов оказывает крайне негативное влияние в первую очередь на молодежь. Она, являясь главным объектом модернизации в современном российском обществе, отличается высокой адаптацией, умением пользоваться различными информационными ресурсами, открытостью, коммуникабельностью, широтой своих взглядов. Безусловно, все это способствует превращению полученных знаний в силу, которая, впоследствии, оказывает влияние на экономическую, политическую, социально-культурную сферы страны. Как отмечает И.А. Герасимова, сегодня назрела острая необходимость во всестороннем изучении динамики ценностей молодежи, поскольку она является индикатором современного социально-культурного развития общества [1].

В настоящее время целесообразно выделить такие проблемы современной молодежи в России, как необратимость глобализационных процессов в сфере российской культуры, копирование идеалов и ценностей западной культуры и уход от традиционных видов досуга в пользу «виртуальных», то есть снижение интереса к активному досугу в пользу пассивного.

Для большей части молодежи важным ресурсом духовного и нравственного становления, познания мира, формирования художественно-эстетических ценностей является культура как фундаментальная основа общественного развития и эффективное средство формирования становления человека.

По мнению М.А. Мазурицкой, в советский период культура была одним из ведущих средств формирования ценностных ориентаций молодежи, прививая ей такие духовно-нравственные качества, как патриотизм, трудолюбие, готовность прийти на помощь другим людям. При этом минус такой системы заключался в идеологизированности и культивировании неприятия ценностей, не соответствующих парадигме социалистической идеологии [2, 3].

За перестройкой последовало переосмысление ценностей западноевропейской и американской культуры, вследствие чего наметилась тенденция к вестернизации сознания российской молодежи.

Р.Г. Абдулатипов отмечает существенное снижение культурного уровня современной молодежи и, как следствие, проявление интереса к низкосортным продуктам массовой культуры, что приводит к господству псевдокультуры [3, 4].

Распространение идеалов массовой культуры, направленных на стандарты американского образа жизни в социокультурное пространство России, способствует размыванию основных черт русской культуры. В итоге происходит утрата национальной самобытности.

В читательских предпочтениях современной российской молодежи прослеживаются две основные тенденции. Первая заключается в интересе к серьезной литературе с глубоким содержанием, что в наибольшей степени присуще студентам гуманитарного профиля. Вторая, свойственная естественникам, ориентирована на продукты массовой культуры, а также вестернизацию читательских предпочтений.

Сферу читательских интересов молодежи 1920–х гг. составили произведения отечественной классической литературы, в частности произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а также зарубежных авторов: «Сердца трех», «Мартин Иден» Дж. Лондона, «Собор Парижской богородицы» В. Гюго [2]. Подобное наблюдение указывает на то, что читательские предпочтения молодежи тех лет были весьма разносторонними.

Что касается уже 1930-х годов, то они известны тотальным контролем над всеми сферами жизни общества, вследствие чего запрещалось и строго каралось любое инакомыслие. Наибольший интерес у молодежи вызывали произведения М.А. Шолохова («Поднятая целина», «Тихий дон»), а спрос на произведения классической русской

литературы и зарубежных писателей, по сравнению с исследованиями 1920–х гг., заметно снизился. Основными темами 1930–х гг. были проблемы коллективизации, индустриализации и борьбы с врагами народов.

Таким образом, в 1930–е гг. отечественная литература воспитывала в молодежи целеустремленность и дисциплинированность, неприятие стран с иными политическими системами и отношение к людям с точки зрения их классовой принадлежности.

В конце 1940–начале 1950–х гг. в молодежи по-прежнему воспитывается патриотическая направленность, чувство гордости за свою страну и преклонение перед подвигом героев Великой Отечественной войны. Молодое поколение привлекает преданность, смелость, решительность, сила духа, нравственная чистота.

В период «оттепели» происходит либерализация общественно-политической жизни, что оказывает значительное влияние на формирование ценностных ориентаций советской молодежи.

Теперь предпочтение отдается русской классической литературе, что связано с поиском смысла жизни и стремлением найти в литературных произведениях ответы на волновавшие вопросы. Популярным у студенческой молодежи периода «оттепели» было по-прежнему творчество М.А. Шолохова, М. Горького, Ч. Айтматова, а также поэтическое творчество С.А. Есенина, Е.А. Евтушенко, В.В. Маяковского, Р.И. Рождественского. Следует полагать, что интересы студенческой молодежи 1960–х гг. отличались разнообразием и разносторонностью, попыткой понять внутренний мир героев, что способствовало формированию в ценностных ориентациях советской молодежи таких черт, как гуманизм, стремление к пониманию внутреннего мира личности.

В 1980–е гг. у советской молодежи наблюдается тенденция к освобождению от идеологического догматизма, происходит разочарование в социалистических идеалах.

Характерными особенностями читательских интересов молодежи второй половины 1980–х гг. становятся прагматизм, меньший интерес к поэзии и больший – к остросюжетным, но коротким рассказам, а также к фантастике. Теперь в поле внимания молодого поколения оказываются раннее запрещавшиеся произведения. Для молодежи стали важны стремление к личной свободе, независимость, протест против идеологии.

В последнее десятилетие XX века читательские предпочтения молодежи претерпевают изменения: с одной стороны, активный интерес к классической литературе, историческим и политическим романам, с другой – любовные романы и детективы, то есть развлекательное чтение.

Многие отечественные авторы полагают, что к концу первого десятилетия XXI в. в молодежной среде сложилась новая система ценностей. Анализируя читательские предпочтения студенческой молодежи 2000–х гг., Н.А. Стефановская пришла к выводу, что чтение в данной социальной группе, не являясь престижным занятием, носит скорее инструментальный характер [4].

Основная причина – современные технологии. В 2000–е гг. молодежь делает упор на «фэнтези» и научную литературу.

Наблюдается спад интереса к чтению книг, особенно «серьезной литературы», и рост внимания к журналам, прежде всего – развлекательного характера. Отмечается тенденция к прагматизации чтения, которое, кстати, нередко меняет масштаб и/или принимает новые формы (читаются произведения кратких жанров: статьи в энциклопедиях и справочниках, инструкции и руководства, все чаще в этой связи обращаются к электронным носителям) [5].

Духовные идеалы гуманистических идеалов предшествующих эпох – герои классической русской и зарубежной литературы; естественники же видят свой духовный идеал в персонажах массовой культуры как американской, так и отечественной.

По мнению Л.М. Курбановой, причина спада интереса к чтению на современном этапе зависит от нескольких факторов. Во-первых, если в XIX веке чтение было всеобщей «модой», то уже в XX веке большая часть женщин стала работать, и времени на чтение у них практически не оставалось. Во-вторых, XX век добавил в культуру повседневности телевидение, которое сократило досуговое время. В-третьих, последнее десятилетие вместе с изобретением электронных книг и облегчением доступа к электронным библиотекам мира вновь сократило свободное время современного человека [6].

Неудивительно, что на место «человека читающего» приходит «человек смотрящий» или «человек слушающий» аудиальные книги. Информационные потребности снижают интерес к слову и, в принципе, современный человек практически не располагает временем для чтения.

В заключение мы приходим к выводу о том, что ценностные ориентации молодежи в условиях информационного общества показали изменение идеалов в сторону «доходных» и «развлекательных». Коммуникационные технологии, быстро реагируя на объем и на качество меняющейся информации, тем самым аккумулируют их и становятся не только важнейшим социальным ресурсом, но и механизмом формирования новой иерархии ценностей в условиях информационного общества.

Библиография

1. Герасимова И.А. Формирование ценностных ориентаций молодежи в условиях современной социально-культурной деятельности // Вестник МГУКИ. № 4. 2013. С. 92–98.
2. Мазурицкая М.А. Ценностные ориентации российской молодежи с 1920–х по 2000–е гг. (на примере литературы и кинематографа). М., 2011. 182 с.
3. Абдулатипов Р.Г. Воля к смерти (философия кризиса глобального человека). М., 2007. 192 с.
4. Стефановская Н.А. Чтение в современном обществе: проблемы и тенденции. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. 144 с.
5. Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX века. М.: Наука, 1997. 132 с.
6. Курбанова Л.М. Ценностные ориентации молодежи в условиях информационного общества // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. № 8(16) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru>.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 34

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ «УТРАТА ДОВЕРИЯ»

*Казгериева Э.В., Гукешоков М.В., Хачеритлов М.Х., Дышеков М.В.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*kazgerieva@mail.ru

В статье предпринимается попытка анализа правовой конструкции «утрата доверия» в свете соотношения ее с понятиями «недоверие» и «доверие». Аргументируется необходимость междисциплинарного подхода к изучению сущности понятия доверия. Рассматриваются факторы, способствующие утрате доверия, виды и функции недоверия.

Ключевые слова: утрата доверия, недоверие, доверие, виды доверия и недоверия, функции доверия и недоверия.

THEORETICAL ANALYSIS OF THE LEGAL STRUCTURE «LOSS OF CONFIDENCE»

Kazgerieva E.V., Gukepshokov M.H., Hacheritlov M.H., Dishekov M.V.

Kabardino-Balkarian State University

The article attempts to analyze the legal construction of «loss of confidence» in light of its correlation with the concepts of distrust and trust. The article argues for the necessity of an interdisciplinary approach to the study of the essence of the concept of trust. Examines the factors contributing to the loss of trust, types and functions of distrust.

Keywords: loss of trust, distrust, trust, types of trust and distrust, functions of trust and distrust.

Правовая конструкция «утрата доверия» нередко использовалась в советском законодательстве (п. 2 ст. 254 «Совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны администрации» Закона РСФСР от 09.12.1971 «Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР» (вместе с Кодексом)) [1], в действующем российском праве как на федеральном (ст. 82.1 «Увольнение в связи с утратой доверия» Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [2], так и на региональном уровнях (статья 9–2 «Увольнение (освобождение от должности) лица, замещающего государственную должность Кабардино-Балкарской Республики, в связи с утратой доверия» Закона Кабардино-Балкарской Республики от 20.06.2008 № 32-РЗ «О государственных должностях Кабардино-Балкарской Республики» [3].

Обращает на себя внимание, что практические аспекты «утраты доверия» исследовались и советскими [4–9], и российскими учеными-правоведами [10–12]. Вместе с тем, анализ исследований в области права позволил прийти к выводу, что данная проблема не получила своего должного теоретического освещения.

Этимологическое содержание «доверия» определяется как **уверенность** в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь [13]; как **убежденность** в честности, добросовестности, искренности [14]; как отношение к действиям другого лица и к нему самому (соучастнику в общем деле, партнеру по договору, руководителю, которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности) [15]. Этимология слова «утрата» предполагает потерю, ущерб, урон [14]. Следовательно, формулировка «утрата доверия» всегда должна отражать объективное отношение к действиям другого лица, повлекшего потерю, ущерб, урон уверенности в добросовестности, честности, искренности.

Для осмысления правовой конструкции «утраты доверия» полагаем целесообразно соотнести ее с понятием «недоверие», поскольку законодатель использует рассматриваемые формулировки в различных правовых условиях. Например, статья 37 «Доверие, недоверие и отказ в доверии Правительству Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 23.05.2015) «О Правительстве Российской Федерации» [16]; статья 24 «Участие законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в формировании органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации. Выражение недоверия высшему исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации, руководителям органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации» Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.10.2015) [17]; статья 34 «Выражение недоверия Правительству Кабардино-Балкарской Республики и Председателю Правительства

Кабардино-Балкарской Республики» Закона Кабардино-Балкарской Республики от 20.02.1999 № 5-РЗ (ред. от 31.12.2014) «О Правительстве Кабардино-Балкарской Республики» [18] и т.д. Из вышеприведенных нормативных положений можно сделать вывод о том, что формулировка «недоверие» используется в отношении «статусных» коллективных субъектов.

Рассмотрим теперь законодательную практику использования формулировки «утрата доверия». Например, статья 82.1 «Увольнение в связи с **утратой доверия**» Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19]; статья 30.2 «Увольнение в связи с **утратой доверия**» Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О Следственном комитете Российской Федерации» [20]; статья 9–2 «Увольнение (освобождение от должности) лица, замещающего государственную должность Кабардино-Балкарской Республики, в связи с **утратой доверия**» Закона Кабардино-Балкарской Республики от 20 июня 2008 года № 32-РЗ «О государственных должностях Кабардино-Балкарской Республики» [21] и т.д. Вышеприведенные нормативные положения демонстрируют, что правовая конструкция «утрата доверия» используется законодателем в отношении конкретной личности.

Но подобный подход не всегда реализуем на доктринальном уровне, где нередко «утрата доверия» и «недоверие» понимаются как синонимичные. Например, С. Потрашков, рассматривая вопросы оснований **утраты доверия** к работнику со стороны работодателя, аргументирует, что «увольнение по причине **недоверия** всегда иницируется работодателем и требует четкого, документального оформления» [22].

Таким образом, представляется возможным сделать следующий вывод: вопрос о дифференцированном использовании на законодательном уровне «утраты доверия» и «недоверия» решается лишь в отношении субъекта доверия. В основе же лежат идентичные отношения, единая природа, первоосновой которой выступает доверие. Для сохранения терминологической чистоты приведем еще один аргумент. Утрата предполагает процесс, подразумевающий снисхождение от доверия к недоверию. В процессе утраты презюмировалось, что субъекту доверяли ранее. Конечным результатом утраты доверия будет являться недоверие. В этой связи полагаем, что «утрата доверия» и «недоверие» соотносятся как процесс и результат.

Не преследуя цели участия в научной дискуссии по вопросу соотношения понятий «утрата доверия» и «недоверие», в проведенном исследовании акцентируем внимание на их общей основе – «доверие», а утрату доверия и недоверия предлагаем рассматривать как синонимичные.

Анализ содержания утраты доверия/недоверия имеет свою специфику, которая заключается в том, что рассматривать его следует посредством его парной категории «доверие». Подобный подход уже предпринимался ранее в работах по исследованию доверия и недоверия А.Б. Купрейченко и И.В. Мерсияновой [23], К.В. Арановским, С.В. Князевым, А.Н. Кокотовым [24]. В литературе отмечают, что категория «доверие» изучалась раньше, нежели «недоверие» («утрата доверия»). Но отмечают, что до настоящего времени нет единого понимания содержания доверия. Так что же такое доверие?

Как отмечалось выше, «доверие» определяется как **уверенность** в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь; **убежденность** в честности; отношение к действиям другого лица и к нему самому и др. При рассмотрении доверия обращает на себя внимание, во-первых, что исследование доверия выходит за рамки правовой науки и является междисциплинарной проблемой, находящейся на стыке таких наук, как философия, социология, психология. Вместе с тем, можно констатировать, что в правовой науке и практике не всегда учитываются иные научные достижения. В свою очередь отсутствие в праве междисциплинарных знаний о таком явлении, как «доверие», не будет способствовать ни его теоретическому пониманию, ни практическому применению. Рассмотрим содержание «доверия» в других науках.

В психологии феномен «доверие» относят к категориям «повышенной сложности», «тончайшему психологическому явлению». В психологии выделяют несколько подходов к пониманию доверия: осознание риска человеком от ожидаемых действий людей, от которых он зависит; как результат кооперации сторон и основанный на взаимном ожидании эквивалентный обмен; как базовую социальную установку личности; как ожидание от окружающих людей, общественных систем, социального порядка [25]. В философии доверие рассматривается как необходимое условие нормальной социальной коммуникации, обеспечивающее согласие, диалог, понимание, сотрудничество [26]; как нравственное понятие, выражающее такое отношение одной стороны к другой, которое исходит из убежденности в ее добропорядочности, верности, ответственности, честности [27]. В социологических науках доверие понимается как предрасположенность к внушению и зависимости от другого человека [28].

Глубокое научное осмысление феноменов доверие/недоверие (утрата доверия) в отечественных исследованиях состоялось с середины 90-х годов прошлого века. По мнению А.Б. Купрейченко, причиной тому явился «дефицит доверия» в российском обществе [25]. В первую очередь, обращалось внимание на необходимость понимания сущности и содержания феномена «недоверие», предпринимались попытки дать определение, выделить структурные элементы, основания и критерии, выделить спектр факторов, влияющих на доверие/недоверие (утрату доверия) [29–31].

К факторам, влияющим на доверие и недоверие (утрату доверия), относят: определенность норм, которая порождает доверие и нормативный хаос (аномия), который порождает недоверие; прозрачность социальной организации, приводящей к распространению доверия, и непрозрачность, секретность деятельности, приводящей к распространению недоверия; стабильность социального порядка, укрепляющая доверие, и изменчивость социального порядка, непредсказуемость изменений, укрепляющих недоверие; подотчетность власти, определяющей доверие и произвольность, безответственность власти, определяющей недоверие; узаконивание прав и обязанностей, следование установленным правилам игры, которое воспроизводит доверие, и отсутствие установленных правил игры,

беспомощность, которые воспроизводят недоверие; строгое соблюдение принятых на себя обязательств и обязанностей, которые вызывают чувство доверия, и необязательность, вседозволенность, которые вызывают чувство недоверия; признание и охрана достоинства, неприкосновенности и автономии каждого члена общества [32]. В.Н. Минина среди основных факторов, способствующих распространению и укреплению недоверия, выделяет: неопределенность, двусмысленность правил взаимодействия рыночных агентов, устанавливаемых государством; распространение коррупции в системе государственного управления; неразвитость демократических институтов в системе государственного управления; противоречие между формальными и неформальными структурами [33].

Основываясь на вышеприведенных доктринальных позициях, представляется возможным выделить факторы, способствующие недоверию (утрате доверия) в правовой сфере: нормативный хаос (аномия); неопределенность правовых норм; непрозрачность, секретность государственной деятельности; изменчивость и непредсказуемость социального порядка; произвольность и безответственность власти; невыполнение взятых на себя обязательств; распространение коррупции в системе государственного управления; неразвитость демократических институтов в системе государственного управления и др.

Немаловажную значимость имеют и знания о видах доверия и недоверия, которые дифференцируются по следующим основаниям: виды доверия по объекту: доверие к миру, доверие к другим и доверие к себе [34]; виды доверия по субъекту: личность или группа; виды недоверия по формально-динамическим характеристикам: избирательное, широкое, неустойчивое, ситуативное; виды недоверия по сочетанию у субъекта разных уровней отдельных видов и форм: низкое недоверие, высокое недоверие; доверие, основанное на расчете, доверие, основанное на знании, доверие, основанное на тождестве [25].

Что касается правовой сферы, то виды доверия и недоверия (утраты доверия) можно свести к следующему: доверие по объекту в праве может быть только по отношению к другим людям; доверием по субъекту в праве может быть как личность, так и группа (в этой связи и наблюдается различие между утратой доверия – субъект – личность и недоверием – субъект – группа). Вместе с тем, в правовой науке и практике не используется дифференциация на низкое недоверие и высокое недоверие, что, полагаем, особо важно, поскольку высокое недоверие осложняет взаимодействие с субъектом (как коллективным, так и индивидуальным) и в конечном итоге может привести к тотальному недоверию. Таким образом, в правовой сфере не всегда выделяют различные формы доверия и недоверия в зависимости от выполняемых ими функций.

При анализе функций доверия (регуляция межличностных отношений, воспроизводство кооперативных отношений (сотрудничество, взаимопомощь, поддержка, согласие); стабилизация отношений и др.) чаще подчеркиваются их позитивные последствия для субъекта, а при анализе функций недоверия (утраты доверия) – негативные (деструктивные) последствия.

Проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые **выводы**:

1. Для осмысления правовой конструкции «утраты доверия» необходимо задаться вопросом о возможности тождества ее с «недоверием», поскольку законодатель использует рассматриваемые формулировки в различных правовых условиях.

2. Вопрос о дифференцированном использовании на законодательном уровне «утраты доверия» и «недоверия» решается лишь в отношении субъекта доверия.

3. В философском аспекте утрата доверия и недоверие соотносятся как процесс и результат, первоосновой которой выступает доверие.

4. Среди факторов, способствующих недоверию/утрате доверия в правовой сфере, следует выделить: нормативный хаос (аномия); неопределенность правовых норм; непрозрачность, секретность государственной деятельности; изменчивость и непредсказуемость социального порядка; произвольность и безответственность власти; неисполнение взятых на себя обязательств; распространение коррупции в системе государственного управления; неразвитость демократических институтов в системе государственного управления и др.; виды доверия и недоверия в правовой сфере представляется возможным классифицировать по основаниям: доверие по объекту – по отношению к другим людям; доверие по субъекту – личность, группа (в этой связи и наблюдается различие между утратой доверия – субъект – личность и недоверием – субъект – группа).

5. Выявлено, что в правовой науке и практике вообще не используется дифференциация на «низкое недоверие» и «высокое недоверие», что особо важно, поскольку «высокое недоверие» осложняет взаимодействие с субъектом (как коллективным, так и индивидуальным) и в конечном итоге может привести к тотальному недоверию.

6. В правовой сфере не всегда выделяют различные формы доверия и недоверия в зависимости от выполняемых ими функций.

Библиография

1. Закон РСФСР от 09.12.1971 «Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
3. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 20.06.2008 № 32-РЗ (ред. от 31.12.2014) «О государственных должностях Кабардино-Балкарской Республики» (принят Парламентом КБР 28.05.2008) // Официальная Кабардино-Балкария. № 31–32. 27.06.2008.

4. Хвалынская В.А. Утрата доверия как основание увольнения по инициативе администрации // Материалы научной конференции по итогам исследовательской работы студентов за 1966 год. Саратов, 1967. С. 56–58.
5. Гудимов Н.В. Расторжение трудового договора с работниками, обслуживающими денежные и товарные ценности, вследствие утраты доверия к ним // Правоведение. 1968. № 3. С. 72–78.
6. Ставцева А.И. Увольнение работников, обслуживающих денежные и товарные ценности, по мотивам утраты доверия (п. «в» ст. 47 КЗоТ РСФСР) // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 123–127.
7. Голоднов В.М. Об увольнении по мотивам утраты доверия // Советское государство и право. М.: Наука, 1965. № 8. С. 108–111.
8. Максютлов Т. Сроки увольнения при утрате доверия // Советская юстиция. 1974. № 21. С. 26.
9. Гусов К. Разрешение споров о восстановлении на работе лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Советская юстиция. 1976. № 1. С. 15.
10. Вахрушева Ю. Утрата доверия: практика споров по увольнению // Трудовое право. М., 2014. № 9 (172). С. 61–70.
11. Гуринович А.Г. Организационно-правовой механизм увольнения государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения // Право. 2013. № 3. С. 61–86.
12. Ефремов А.В. В каких случаях работник военного комиссариата может быть уволен за утрату к нему доверия со стороны военного комиссариата (работодателя)? (по материалам судебной практики) // Право в вооруженных силах. 2013. № 1. С. 121–125.
13. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eNec-dic.com/ozhegov/Doverie-7279>.
14. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremo-va.iNfo/word/doverie.html>.
15. Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vslovare.ru/slovo/filosofskii-slo-var/doverie>.
16. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 23.05.2015) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.12.1997. № 51. Ст. 5712.
17. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.
18. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 20.02.1999 № 5-РЗ (ред. от 31.12.2014) «О Правительстве Кабардино-Балкарской Республики» (принят Советом Республики Парламента КБР 03.02.1999) // Кабардино-Балкарская правда. № 38. 24.02.1999.
19. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
20. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 15.
21. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 20 июня 2008 года № 32-РЗ «О государственных должностях Кабардино-Балкарской Республики» // Официальная Кабардино-Балкария. № 31–32. 27.06.2008.
22. Потрашков С. Увольнение по причине недоверия // Трудовое право. 2015. № 9. С. 15–22.
23. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
24. Арановский К.В., Князев С.Д., Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография. М., 2004. 192 с.
25. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
26. Столяр В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2008. 21 с.
27. Рутковский Б.А. Понятие доверия в марксистской этике: дис. ... канд. филос. наук. М., 1967. 178 с.
28. Платонов К.К. Личность как субъект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 72–88.
29. Жуков А.П. Институт недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (в условиях нового порядка наделения полномочиями) // Конституционное и муниципальное право. М., 2007. № 14. С. 28–29.
30. Суркова И.С. Выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации // Современные проблемы юридической науки и правового образования: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2010. С. 53–58.
31. Шевелев А.С. Выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта РФ как форма парламентского контроля // Актуальные проблемы правовой науки: материалы международной научно-практической конференции. Архангельск, 2011. Вып. 5. С. 144–152.
32. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 126 с.
33. Минина В.Н. Недоверие к государственным институтам в российском обществе // Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. СПб., 2004. С. 150–167.
34. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: дисс. ... докт. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 392 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**Жугов А.А.***Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова***zhugov@mail.ru**

Статья посвящена освещению спорного вопроса о правовой природе защиты гражданских прав, которая рассматривается, с одной стороны, как регламентированный правом комплекс особых процедур, осуществляемых правоприменительными органами и самим управомоченным лицом в рамках правозащитного процесса и направленных на восстановление нарушенного права, с другой – как определенный порядок защиты права тем или иным юрисдикционным органом.

Ключевые слова: формы защиты гражданских прав, обязательство, договор.

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE PROTECTION OF CIVIL RIGHTS**Zhugov A.A.***Kabardino-Balkarian State University*

The article is devoted to the coverage of the disputed issue of the legal nature of the protection of civil rights, which is seen on the one hand, as a regulated right set of specific procedures performed, mykh enforcement restriction and by the authorized person within the human rights process and on-the Management Board on the restoration of the right, on the other – as a specific order to protect the rights of one or another jurisdictional authority.

Keywords: forms of protection of civil rights, obligation, contract.

Защита гражданских прав осуществляется в каждом определенном случае в одной из предусмотренных законом форм. Отнесение дел к подведомственности тех или иных органов, во-первых, зависит от особенностей государства на данном этапе его развития, а во-вторых, обусловлено конкретными объективными причинами. При этом в правовой литературе неоднократно обращалось внимание на то, что в основу разграничения форм защиты гражданских прав положено, прежде всего, свойство самого дела, подлежащего разрешению, характер и особенности материального правоотношения [1].

Форма защиты гражданских прав определяется в юридической литературе многообразно. Так, некоторые исследователи считают ее как регламентированный правом комплекс особых процедур, осуществляемых правоприменительными органами и самим управомоченным лицом в рамках правозащитного процесса и направленных на восстановление (подтверждение) нарушенного (оспоренного) права. Не споря в целом против данного определения, необходимо вместе с тем учитывать возможность защиты не только нарушенных или оспоренных прав (охраняемых законом интересов), но и прав (интересов), отрицаемых в иных формах.

Другие авторы под формой защиты прав понимают «определенный порядок защиты права тем или иным юрисдикционным органом». Некоторые ученые дополняют данное определение: «...в зависимости от его природы» [2]. Близким обозначается понятие форм защиты права, представленное А.П. Вершининым: «Форма» защиты – это порядок или разновидность юрисдикционной деятельности по защите прав в целом» [3]. В любом случае такой подход не принимает во внимание защиту гражданских прав, осуществляемую самим субъектом права (самозащиту права).

Правильным представляется мнение ряда авторов, понимающих под формой защиты прав «комплекс внутренних согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав, протекающих в рамках единого правового режима». А.И. Базилевич, кроме того, вносит в данное определение важное уточнение: «...и осуществляемых надлежаще уполномоченными органами, а также самим управомоченным лицом (носителем права)» [4]. Указанный подход к пониманию рассматриваемого явления позволяет учитывать возможность как юрисдикционной, так и неюрисдикционной защиты гражданских прав, а также не ограничивается судебной формой защиты прав, предусмотренной в первую очередь для рассмотрения спорных материально-правовых требований.

Систематизируя формы защиты гражданских прав, исследователи в основном ориентируются на природу юрисдикционных органов. Так, Д.М. Чечот выделил арбитражную, судебную, административную, нотариальную и общественную формы защиты субъективного права и охраняемого законом интереса [5]. А.П. Вершинин выделяет судебную (в частности, защиту прав судами общей юрисдикции, третейскими и арбитражными судами), административную и смешанную формы юрисдикционной защиты права [6]. М.С. Шакарян различала судебную, общественную и административную формы защиты прав [7].

В отличие от характера прав, подлежащих защите (их спорности либо бесспорности), иногда рассматривают соответственно спорный и бесспорный порядок принудительного осуществления субъективных гражданских прав и интересов. Существует и такая классификация форм защиты права, в основу которой положен характер связи юрисдикционного органа со спорящими сторонами.

Следует согласиться с теми учеными, которые сводят все формы защиты гражданских прав к двум главным: юрисдикционной и неюрисдикционной. При этом под юрисдикционной формой защиты гражданских прав понимается деятельность уполномоченных государством органов, направленная на защиту гражданских прав. Неюрисдикционной считается деятельность самого управомоченного лица в правоотношении по защите нарушенных, оспоренных либо отрицаемых в иной форме гражданских прав без обращения для этого к компетентным органам. К юрисдикционной форме относится, в частности, нотариальная форма защиты гражданских прав. Под гражданской юрисдикцией следует понимать деятельность всех органов, наделенных полномочиями по разрешению юридических дел спорного или бесспорного характера в сфере гражданского оборота, протекающую в рамках процедурно-процессуальных форм различной степени сложности.

Считаем, что форма защиты права – это установленная законом и инициируемая управомоченным лицом система активных действий уполномоченного органа, института гражданского общества или совокупность собственных действий субъекта права, обусловленных характером гражданского правоотношения и направленных на устранение препятствий в реализации субъективного права. В соответствии со ст. 11 ГК РФ законодатель выделяет две формы защиты гражданских прав: судебную и административную.

Библиография

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2013. 210 с.
2. Гражданское процессуальное право России / под ред. М.С. Шакарян. М.: Былина, 2006. 156 с.
3. Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб.: СПбГУ, 2010. 73 с.
4. Базилевич А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 186 с.
5. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград: ЛГУ, 1968. 197 с.
6. Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб.: СПбГУ, 2010. 73 с.
7. Бутнев В.В. К понятию механизма защиты субъективных прав. Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2012. 139 с.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 535.21

РАСЧЕТ ПОРОГОВ ЛАЗЕРНОГО РАЗРУШЕНИЯ ХЛОРИДА НАТРИЯ ИМПУЛЬСАМИ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ 30–50 ФС

Савинцев А.П.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

pnr@kbsu.ru

В работе с опорой на экспериментальные данные выполнен расчет лучевой стойкости хлорида натрия в диапазоне длительностей лазерных импульсов 30–50 фс. Показано, что порог лазерного разрушения определяется длительностью импульса поля.

Ключевые слова: лазерное разрушение, длительность импульса, порог лучевого разрушения, хлорид натрия.

CALCULATION OF LASER BREAKDOWN OF SODIUM CHLORIDE BY LASER PULSE DURATION OF 30–50 FS

Savintsev A.P.

Kabardino-Balkarian State University

In this paper, drawing on the data calculated the radiation resistance of sodium chloride in the range of the laser pulse duration of 30–50 fs. It is shown that laser breakdown is determined by the duration of the pulse field.

Keywords: laser breakdown, pulse duration, breakdown threshold, sodium chloride.

Лучевая стойкость оптически прозрачных твердых тел численно характеризуется порогом лучевого разрушения (порогом пробоя): критической плотностью потока оптического излучения, начиная с которой в объеме или на его поверхности наступают необратимые изменения в результате аномального поглощения светового потока.

Для прозрачных твердых тел имеет место определенная зависимость порога лучевой стойкости от длительности лазерных импульсов. Как показали опыты, чаще всего, с уменьшением длительности импульса лучевая стойкость растет.

В данной работе была поставлена задача: рассчитать значения лучевой стойкости хлорида натрия для лазерных импульсов длительностью 30–50 фс.

При этом ранее в работе [1] нами уже был сделан расчет порогов оптического повреждения хлорида натрия лазерными импульсами длительностью 1 пс–50 фс.

Облучение твердых материалов лазерными импульсами высокой энергии может приводить к удалению вещества с поверхности материала. Это явление, называемое лазерной абляцией, является главным механизмом разрушения ионных кристаллов в фемтосекундном диапазоне. Закономерности зависимости лучевой стойкости от длительности ультракоротких импульсов можно использовать для глубокого понимания особенностей абляционных процессов.

Ранее на основе экспериментальных данных нами был выполнен анализ зависимости порога лучевого разрушения (критической напряженности поля E) хлорида натрия лазерным излучением от длительности импульса τ в пикосекундном и фемтосекундном диапазоне. Выяснилось, что возможна аппроксимация экспериментальных данных несколькими прямыми с различным угловым коэффициентом K [1–3]. Это обстоятельство было использовано в текущей работе для расчета лучевой стойкости хлорида натрия для новых значений τ .

Использовалась расчетная формула [3]:

$$K = \frac{\lg E_2[E, B/\text{см}] - \lg E_1[E, B/\text{см}]}{\lg(1/\tau_2)[\tau, c] - \lg(1/\tau_1)[\tau, c]}.$$

Согласно [1], для фемтосекундных лазерных импульсов $K = 0.40 \pm 0.02$.

Результаты расчета величины E хлорида натрия для диапазона 30–50 фс показаны в табл. В качестве опорной точки использовалось измеренное нами значение $E = 76 \text{ МВ/см}$ для $\tau = 80 \text{ фс}$ [4].

Пороги лазерного разрушения хлорида натрия в диапазоне 30–50 фс

τ , фс	50	48	46	44	42	40
E , МВ/см	92	93	95	96	98	100

τ , фс	38	36	34	32	30
E , МВ/см	102	105	107	110	113

С учетом разброса величины K относительную погрешность значения E можно оценить значением 5 %.

Ранее в [5] уже указывалось, что следует ожидать $E = 100 \pm 5$ МВ/см для $\tau = 40$ фс.

Выполненный расчет можно использовать при анализе экспериментов, в которых было изучено воздействие на кристаллы хлорида натрия лазерных импульсов длительностью порядка 40 фс, когда интенсивность лазерного излучения на длине волны 800 нм близ поверхности изученных образцов превышала 50 ТВт/см² [6].

Таким образом, в работе был сделан расчет порогов оптического повреждения хлорида натрия лазерными импульсами длительностью 30–50 фс.

Полученные результаты дают для хлорида натрия новые точки на зависимости критической напряженности электрического поля от длительности лазерного импульса в фемтосекундном диапазоне.

Библиография

1. Savintsev A.P., Gavasheli Yu.O. Radiation resistance of sodium chloride for short laser pulses // Physics of Extreme States of Matter-2013. М.: Granica, 2013. P. 36–37.
2. Savintsev A.P., Gavasheli Yu.O. Study of breakdown mechanism of optically transparent dielectrics by focused laser beams // Physics of Extreme States of Matter-2012. Черноголовка: ИПХФ РАН, 2012. P. 104–105.
3. Савинцев А.П., Гавашели Ю.О., Кяров А.Х. Изучение механизмов пробоя хлорида натрия в сильных электрических и лазерных полях // Известия КБГУ. 2014. Т. 4, № 1. С. 72–75.
4. Савинцев А.П. Оптическое повреждение поверхности хлоридов натрия и калия фемтосекундными лазерными импульсами // Письма в ЖТФ. Т. 34. Вып. 3. 2008. С. 66–69.
5. Савинцев А.П., Гавашели Ю.О. Изучение фазовых траекторий, возникающих при облучении хлорида натрия короткими лазерными импульсами // Доклады РАН. 2013. Т. 452, № 4. С. 379–381.
6. Савинцев А.П., Гавашели Ю.О. Экспериментальное изучение разрушения хлорида натрия короткими лазерными импульсами // Тез. докл. 12 Рос. симп. «Атомистическое моделирование, теория и эксперимент». М.: ОИВТ РАН, 2015. С. 21.

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПЕЦИФИКИ «ОБРАЗА ЖИЗНИ» ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Шогенова М.Ч.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shog-marina@yandex.ru

В статье обосновываются особенности корреляционной связи этнической культуры и ее главной ценности – этнического языка. Предлагается концепция понимания «образа жизни» языковой личности как следствие духовной образованности этноса в контексте совокупности его опыта и традиций. Определяются факторы, которые оказывают влияние на формирование «образа жизни» языковой личности, а также выявляются критерии его оценки.

Ключевые слова: языковая личность, этнокультура, этнический язык, «образ жизни», духовная образованность.

CORRELATION OF THE ETHNIC CULTURE AND THE ETHNIC LANGUAGE AS A FACTOR DETERMINING THE SPECIFICITY OF A «LIFESTYLE» OF A LANGUAGE PERSONALITY

Shogenova M.Ch.

Kabardino-Balkarian State University

In the given article we prove the peculiarities of correlation between the ethnic culture and the ethnic language as its main value. We suggest the idea of understanding a language personality «lifestyle» as a consequence of the spiritual education of an ethnic group in the context of the totality of its experience and tradition. The factors that influence the formation of a «living» language person, as well as identifies the criteria for its evaluation. We determine factors that influence the formation of a language personality «lifestyle», the criteria for its evaluation are identified as well.

Keyword: language personality, ethnic culture, ethnic language, «lifestyle», spiritual education.

Из всех созданных человечеством разных типов культур этническая культура является одним из самых ярких показателей достижений людей, объединенных природными, генетическими корнями. Этническая культура – духовная составляющая каждого человека, сосредоточие его приоритетов и ценностей, свобода его мыслей и естественных для него представлений. Этнокультура включает в себя устойчивые, проверенные временем непреходящие ценности, которые транслируются последующим поколениям. Первичное восприятие мира и его понимание, которое формируется, складывается в сознании каждого человека, «рисует», отражается при помощи средств собственной этнической культуры, процесс самопознания и самоидентификации исследуется в зеркале именно этнической культуры. Тенденции ее развития основываются на традициях предков, отражаются в поведении, мышлении, приоритетах личности, опираются на выработанные во времени и пространстве этнический опыт и наследие, что придает этнической культуре характер консервативности, устойчивости, фиксированности и константности.

Этнический образ, духовный облик народа, национальный характер формируются в культурно опосредованном устойчивом пространстве. Своеобразие и уникальность каждой культуры как совокупности материальных и духовных достояний народа во многом предопределяются историческими и географическими факторами, которые обуславливают специфику организации собственно образа жизни человека, особенности физического, интеллектуального, духовного развития в контексте формирования его мировосприятия и мироощущения. Однако главной ее ценностью, доминирующим признаком, одним из важных идентифицирующих средств этничности, характерным показателем принадлежности человека к определенному этнокультурному сообществу является язык (хотя и не всегда выступает безапелляционным признаком этнической принадлежности).

По словам Э. Сепира, «люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества [1]. Применительно к нашей проблематике язык – важнейшее, необходимое средство, символика, атрибутивное составляющее каждой этнической общности, каждого человека.

В этнокультурной системе язык способствует «строительству», «конструкции» в сознании своего носителя представления об окружающем мире в контексте специфики этнического восприятия, характера, традиций, обычаев, ценностно-познавательной системы, менталитета народа; язык – аккумулятор культуры, который бережно хранит в себе всю энергию и дух общества, накопленные им знания и опыт, воплощая и отражая все это в жанрах устного народного творчества, в письменной речи, литературе и т.п.; язык – источник приобщения к культуре как для собственных ее представителей, так и для людей иной национальности; язык – это транслятор, компилятор этнической программы, передающейся «из прошлого в будущее»; язык нивелирует жизнедеятельность человека, создает условия для комфортного сосуществования людей. Однако ни культура, ни язык не могут существовать и не имеют никакой ценности без их создателя – личности. «Лингвистика XX века, обращенная к человеку в его «многомерности» и продекларировавшая, что «между языком и миром стоит субъект – носитель языка с его личным опы-

том и социализированным знанием о мире и языке» [2], создала все предпосылки актуализации проблемы, сконцентрированной на соотношении «языка–культуры–личности».

Рассмотрение такого триединства в их сложной корреляции представляется достаточно актуальным, так как их взаимосвязь эксплицитно или имплицитно проецирует судьбу целой исторической эпохи в контексте специфики жизнедеятельности и мироощущений личности, конструирует «образ жизни» человека, модель которого определяет смысл культурной эпохи, особенность культурного развития и культурной жизни в ее целостности и единстве.

В рамках нашей работы «образ жизни» понимается как результат, следствие духовной образованности, развитости личности (этноса) и представляет собой совокупность ее действий, продиктованных спецификой мировосприятия и самоощущений в русле этнической индексации. Характеристика «образа жизни» в этом контексте, на наш взгляд, 1) детерминирована уровнем интеллектуального мышления общества, от которого зависит как материальное, так и духовное состояние народа; 2) подчинена своеобразности восприятия этносом действительности и выбора методов, средств, путей объяснений происходящих в ней процессов и явлений; 3) обусловлена умением людей приспосабливаться к жизни и занимать в ней определенные позиции в координате «свой–чужой»; 4) предопределена степенью активности стремления этноса (личности) к сохранению и подчинению выработанной историей как всего человечества, так и конкретного этноса нравственной (духовной) системы ценностей и др.

Все эти критерии определяют специфику развития этнокультурной парадигмы конкретного времени (эпохи) и обнаруживаются в «культурных клавишах», способных создавать собственное звучание этноса в едином культурном пространстве. В связи с этим полагаем, что на культурную специфику «образа жизни» языковой личности (этноса в целом) оказывают влияние следующие культурные и языковые факторы:

1) интеллектуальная собственность этноса, определяемая по совокупности культурных достижений (к примеру, устное народное творчество, письменность, созданные на языке произведения;

2) филологический (фольклорный, лингвистический и литературоведческий) уровень (степень) образованности общества, оценка которого связана с его компетенциями в сфере знания и использования родного языка и литературы, языка и литературы другого (чужого, контактирующего народа и т.п.);

3) собственная этническая система ценностей, определяющая нравственные ориентиры общества (система этикетных правил, нравственных кодексов, система доминантных этнических констант и т.п.);

4) универсальная, общечеловеческая духовная система ценностей, принятая и включенная в жизнедеятельность общества;

5) религиозная система представления мира (надчеловеческие ценности, нравы, стереотипы, обычаи, вера и суеверие и т.п.);

6) толерантная модель мировидения этноса в контексте его отношения к «чужой» культуре.

Библиография

1. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. 464 с.
2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНОГО И ЛОКАЛЬНОГО МЕДИАТОРНОГО ОТВЕТА У ПАЦИЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕНТАЛЬНЫХ ИМПЛАНТАТОВ

Мустафаев М.Ш., Хараева З.Ф., Мустафаева Ф.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

musmag@mail.ru

Статья посвящена изучению соотношения провоспалительных и противовоспалительных цитокинов в сыворотке крови и содержимом десневой борозды пациентов с периимплантитом для выявления возможной корреляционной связи системных и локальных медиаторных изменений с количеством вводимых в кость челюсти дентальных имплантатов.

Ключевые слова: дентальная имплантация, периимплантит, дезинтеграция, интерлейкины, медиаторный ответ.

FEATURES OF SYSTEMIC AND LOCAL MEDIATOR RESPONSE IN PATIENTS WITH THE DIFFERENT NUMBER OF DENTAL IMPLANTS

Mustafaev M.Sh., Kharaeva Z.F., Mustafaeva F.M.

Kabardino-Balkarian State University

In our scientific research we propose studying a ratio of pro-inflammatory and anti-inflammatory cytokines in a blood serum and in the contents of gingival sulcus in patients with peri-implantitis. This is performed to identify possible correlation of systemic and local mediator changes with the number of dental implants introduced into a jaw bone.

Keywords: dental implantation, peri-implantitis, disintegration, interleukins, mediator response.

На сегодняшний день, по данным научной литературы, у 70 % населения России в возрасте от 20 до 50 лет нарушена целостность зубных рядов. И, хотя потеря одного-двух зубов в боковых отделах челюстей не приводит к видимому эстетическому дефекту, она значительно отражается на качестве жизни пациента, поскольку происходит перегрузка пародонта здоровых зубов, появляются проблемы с жеванием, зубы, окружающие дефект, могут переместиться, вызвать нарушения прикуса, стать подвижными или разрушиться. Кроме того, при потере зубов возникает атрофия костной ткани в области удаленного зуба, что, безусловно, затрудняет протезирование. Дентальные имплантаты, помимо восстановления целостности зубного ряда, препятствуют атрофии кости, потому как фактически в нее «вживляются». В настоящее время дентальная имплантация является альтернативным методом протезирования, который все чаще применяется в силу широкого спектра показаний и долговечности, но несмотря на ее бурное развитие, частота отторжений имплантатов, по мнению различных авторов, варьирует в пределах от 3 % до 10 % [1]. Зачастую к дезинтеграции имплантата приводит периимплантит (прогрессирующая резорбция окружающей имплантат костной ткани, вызванная воспалительным процессом).

Цель работы: установление зависимости степени тяжести периимплантита от количества установленных дентальных имплантатов посредством изучения системного и локального медиаторного ответа организма.

Одним из последствий травмы и наличия инородного тела является активация таких клеточных элементов, как макрофаги, нейтрофилы, NK-клетки, фибробласты, многие из которых участвуют в регуляции медиаторно-зависимых процессов ранозаживления [2]. До настоящего времени в полной мере не выявлены причины отторжения имплантатов на различных сроках после инсталляции при отсутствии противопоказаний к операции и безупречном ее проведении [3]. В результате анализа клинической характеристики пациентов с периимплантитом обнаружено, что большинство из них перенесли установку 7 и более имплантатов. Успешное имплантологическое лечение требует знаний об основных факторах риска и выработки индивидуальной тактики послеоперационного ведения пациентов. В связи с этим было проведено выявление особенностей медиаторного ответа на локальном и системном уровнях при установке различного количества имплантатов. Для выяснения особенностей ответной медиаторной реакции макроорганизма были исследованы показатели воспаления в сыворотке крови и зубодесневой борозде в группах пациентов.

Было проведено комплексное обследование 24 пациентов с периимплантитом. В соответствии с разработанными критериями включения и исключения все пациенты были распределены на 3 группы: 1 группа – 7 пациентов (в возрасте от 29 до 62 лет, 5 мужчин, 2 женщины) с 1–2 имплантатами; 2 группа – 7 пациентов (в возрасте от 30 до 61 лет, 5 мужчин, 2 женщины) с 3–6 имплантатами; 3 группа – 10 пациентов (в возрасте от 32 до 58 лет, 7 мужчин, 3 женщины) с 7 и более имплантатами. У всех пациентов воспалительный процесс в области имплантата развивался в отдаленный период – от 6 месяцев до 2 лет после установки внутрикостных имплантатов.

Анализ отрицательных результатов дентальной имплантации показал, что одной из основных причин послеоперационных осложнений, таких как периимплантит, является отсутствие понимания основных патогенетически значимых звеньев в развитии осложнений и, таким образом, эффективного комплекса профилактических мероприятий по прогнозированию, профилактике и лечению данных осложнений.

Интерес, проявленный к цитокинам, обусловлен их ведущей ролью в развитии и функционировании иммунной системы, в патогенезе различных заболеваний [4, 5], а также регенерации поврежденных тканей [6]. Наибольшее значе-

ние в регуляции воспалительной реакции, а также регуляции репаративных процессов в ране имеет сеть цитокинов, секретируемых макрофагами, нейтрофилами, моноцитами [4]. Известно, что содержание цитокинов в сыворотке крови и десневой жидкости позволяет оценить активность процессов местного воспаления и иммунных механизмов защиты, уточнить характер и степень поражения тканей пародонта [2, 4], в связи с чем у пациентов с периимплантитами были исследованы показатели как сыворотки крови, так и пародонта.

При стоматологическом обследовании у всех пациентов выявлена подвижность имплантата, кровоточивость при зондировании. Глубина патологических костных карманов зависела от степени тяжести. У всех пациентов были жалобы на дискомфорт и болевые ощущения в области дентального имплантата.

Из провоспалительных цитокинов был исследован ИЛ-1 β , основными продуцентами которого являются моноциты, макрофаги, а также нейтрофилы, активированные лимфоциты. В качестве противовоспалительного иммуноцитоккина был выбран ИЛ-10, который является ведущим медиатором, задействованным в инициации снижения выраженности защитных реакций [4].

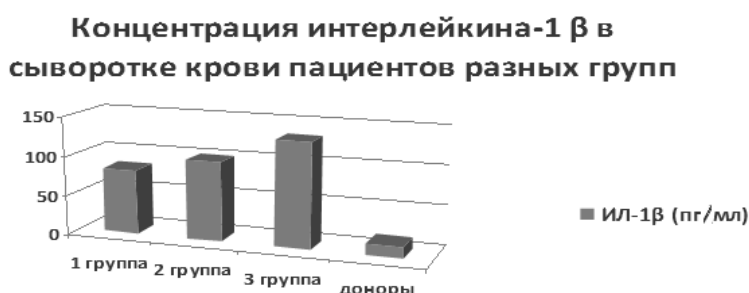

Рис. 1. Концентрация интерлейкина-1 β (ИЛ-1 β) в сыворотке крови пациентов с разным количеством имплантатов на 1–3 сутки после инсталляции, пг/мл

На ранних сроках после проведения дентальной имплантации как в сыворотке крови (рис. 1), так и в десневой жидкости выявлены повышенные концентрации ИЛ-1 β (табл. 1).

Уровень ИЛ-1 β коррелировал с объемом проводимого вмешательства и был наибольшим в третьей группе (рис. 1, табл. 1). Такой подъем концентрации провоспалительного иммуноцитоккина связан с ответом организма на операционную травму и является нормальной физиологической защитной реакцией.

Таблица 1

Концентрации интерлейкина-1 β (ИЛ-1 β), интерлейкина-10 (ИЛ-10) в содержимом десневой борозды из области соседних зубов с имплантатами на 1–3 день после инсталляции, пг/мл

Показатель	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Доноры
ИЛ-1 β	28,0 $\pm$ 2,0	35,0 $\pm$ 3,0 ^{1,2}	56,0 $\pm$ 7,0 ^{1,2,3}	15,0 $\pm$ 3,0
ИЛ-10	10,5 $\pm$ 1,0	3,5 $\pm$ 0,5 ^{1,2}	2,0 $\pm$ 0,5 ^{1,2,3}	10,0 $\pm$ 2,0
ИЛ-1 β /ИЛ-10	1,8 $\pm$ 0,2	10,60 $\pm$ 0,7 ^{1,2}	28,0 $\pm$ 1,2 ^{1,2,3}	1,5 $\pm$ 0,3

¹ $p < 0,01$ по сравнению с показателями доноров;

² $p < 0,01$ по сравнению с показателями первой группы;

³ $p < 0,01$ по сравнению с показателями второй группы.

В более отдаленный срок, от 3 до 6 месяцев после оперативного вмешательства (имплантации), обнаружено, что в сыворотке крови концентрации ИЛ-1 β и ИЛ-10 не отличаются от показателей доноров, $p > 0,01$. В то время как при исследовании тех же параметров в содержимом десневой борозды выяснено наличие достоверной разницы (табл. 2). Показатели ИЛ-1 β ниже раннего периода ($p < 0,01$), но достоверно выше показателей доноров ($p < 0,01$). Концентрация ИЛ-1 β увеличивается в зависимости от количества установленных имплантатов и максимальна в третьей группе (табл. 2). Показатель ИЛ-10 имеет обратную зависимость и минимален в группе пациентов с большим количеством имплантатов (7 и более). При вычислении коэффициента соотношения провоспалительных и противовоспалительных цитокинов, характеризующего общую направленность медиаторных изменений, обнаружена прямая корреляция с количеством вводимых имплантатов ($k = 0,9$).

Таблица 2

Концентрации интерлейкина-1 β (ИЛ-1 β), интерлейкина-10 (ИЛ-10) в содержимом десневой борозды из области соседних зубов с имплантатами через 3–6 месяцев после инсталляции, пг/мл

Показатель	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Доноры
ИЛ-1 β	18,0 $\pm$ 2,0	25,0 $\pm$ 3,0 ^{1,2}	36,0 $\pm$ 7,0 ^{1,2,3}	15,0 $\pm$ 3,0
ИЛ-10	9,5 $\pm$ 1,0	4,5 $\pm$ 0,5 ^{1,2}	2,5 $\pm$ 0,5 ^{1,2,3}	10,0 $\pm$ 2,0
ИЛ-1 β /ИЛ-10	1,8 $\pm$ 0,2	5,6 $\pm$ 0,7 ^{1,2}	14,4 $\pm$ 1,2 ^{1,2,3}	1,5 $\pm$ 0,3

¹ $p < 0,01$ по сравнению с показателями доноров;

² $p < 0,01$ по сравнению с показателями первой группы;

³ $p < 0,01$ по сравнению с показателями второй группы.

Таким образом, спустя 3–6 месяцев после дентальной имплантации выявлена сохраняющаяся местная провоспалительная медиаторная реакция у пациентов 2 и 3 групп при отсутствующих клинических признаках воспалительной реакции. В сыворотке крови в отдаленный период наблюдения ни в одной группе не было обнаружено достоверных изменений исследуемых цитокинов.

В некоторых работах ранее было обнаружено, что оксид азота задействован в повреждении альвеолярных отростков и его уровень (по концентрации нитрат-нитритов) может быть показателем состояния посттравматической регенерации [7]. В связи с этим, для дальнейшего изучения влияния количества имплантатов на локальный медиаторный ответ были исследованы концентрации нитрат-нитритов в тканях при установлении формирователей десны.

Обнаружено, что концентрации нитрат-нитритов достоверно выше в 3 группе ($p < 0,01$), в первой и второй группах пациентов не выявлено отличий от показателей доноров ($p > 0,01$) (рис. 2).

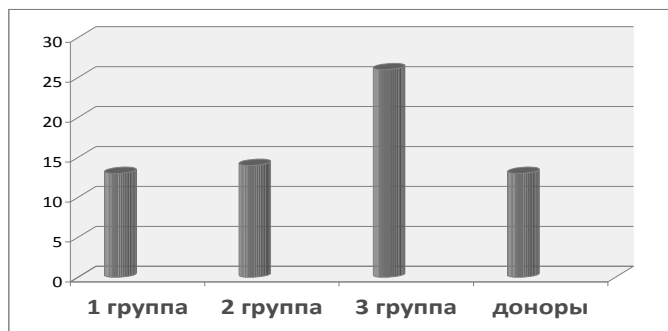

Рис. 2. Концентрация нитрат-нитритов (мкМ/млг) в тканях пародонта через 3–6 месяцев после инсталляции в разных группах пациентов

Таким образом, выявлена медиаторная реакция с преобладанием процессов местного воспаления у пациентов с большим количеством одновременно поставленных дентальных имплантатов. Известны работы по исследованию концентрации биологически активных веществ в десневой ткани у больных с периимплантитами, развившимися в отдаленный период [2], что, по-видимому, является следствием неконтролируемой локальной реакции, приводящей к отторжению имплантатов.

Результаты. Через 3–6 месяцев после операции концентрация ИЛ-1 β увеличивается в содержимом десневой борозды в зависимости от количества установленных имплантатов и максимальна в третьей группе (7 и более имплантатов). Показатель ИЛ-10 имеет обратную зависимость и минимален в группе пациентов с большим количеством имплантатов (третья группа), что говорит о сохраняющейся местной провоспалительной медиаторной реакции при отсутствии клинических признаков воспаления. На основе полученных результатов необходимо внести изменения в алгоритмы проведения плановых оперативных вмешательств по поводу дентальной имплантации, а также разработать комплекс профилактических мер по предупреждению развития осложнений.

Вывод. Приведенные факты служат основанием для использования комплекса мер по профилактике развития периимплантитов, своевременной антибактериальной терапии, назначения антиоксидантов с целью противодействия оксидативному стрессу и иммунологическим нарушениям. Однако важными аспектами подбора эффективной корригирующей терапии должны стать два фактора: во-первых, для полной элиминации инфекционных агентов из организма необходимо сохранение процессов радикалообразования на фоне повышения тканевой антиоксидантной защиты; во-вторых, необходима высокая биодоступность антиоксидантных препаратов, позволяющих эффективно восполнять их дефицит в тканях.

Библиография

1. Походенько-Чудакова И.О., Карсюк Ю.В. Обоснование исследования по разработке системы прогнозирования исходов дентальной имплантации // Вестник ВГМУ. 2014. Т. 13, № 1. С. 6–12.
2. Ахмедов Г.Д., Царёва Т.В. Динамика цитокинов у стоматологических пациентов при амбулаторном хирургическом лечении с применением антибиотиков цефалоспоринового ряда // Институт стоматологии. 2011. № 4. С. 13–15.
3. Вигдерович В.А. Прогнозирование результатов хирургического этапа дентальной имплантации: дисс. ... канд мед. наук. М., 1991. 163 с.
4. Архипов В.Д., Архипов А.В. Сравнительный анализ результатов внутрикостной дентальной имплантации // Российский вестник дентальной имплантации. 2005. № 3, 4. С. 38–42.
5. Вейссер В., Буреш А. Междисциплинарная имплантация. М.: Медпресса, 2008. 90 с.
6. Архипов А.В. Стоматологическая реабилитация пациентов с применением дентальных имплантатов в эстетически значимой зоне // Стоматология. 2013. № 1. С. 63–65.
7. Гулюк А.Г., Желнин А.В., Любый В.В., Звягинцева Т.А. Роль оксида азота в патогенезе заболеваний челюстно-лицевой области // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 5. С. 45–50.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ КАРИЕСА И ЕГО ОСЛОЖНЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА Г. НАЛЬЧИКА

*Тхазаплизева М.Т., Балкаров А.О., Хулаев И.В., Шогенова Ж.Л., Байрамкулова М.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*mar_tul25@mail.ru

В статье освещены проблемы, обозначенные в результате обследования, выявившего высокую распространенность кариеса временных зубов у дошкольников, распространенность осложнений кариеса, а также интенсивность его осложнений.

Ключевые слова: дети, кариес, осложнения кариеса.

PREVALENCE OF CARIES COMPLICATIONS IN PRESCHOOL CHILDREN IN THE CITY OF NALCHIK

Thazaplizheva M.T., Balkarov A.O., Khulaev I.V., Shogenova Zh.L., Bayramkulova M.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article highlights the problems identified in the survey, to identify high-lence of the propagation of deciduous teeth caries in preschool children, the prevalence of complications of caries and inten-sity of its complications.

Keywords: children, caries, tooth decay complications.

Молочные зубы играют важную роль в жизни растущего организма. Отсутствие стоматологической диспансеризации и профилактической работы с детьми раннего возраста привело к резкому нарастанию большинства стоматологических заболеваний и прежде всего кариеса и его осложнений. Наибольшие показатели распространенности кариеса зубов установлены у детей 5–6-летнего возраста. Интенсивность кариеса зубов у детей дошкольного возраста с течением времени повышается и наибольшего значения достигает к 6 годам [1, 2]. Выявлены высокая пораженность и потребность в лечении осложненного кариеса временных зубов, начиная с раннего возраста [3–5].

По результатам исследования В.М. Елизаровой [6], у детей до 3-х лет выявлен резкий рост осложненных форм кариеса. Число детей, обратившихся с пульпитом, за 4-летний период наблюдений увеличилось с 411 до 1215, среди детей 1–6 лет число лиц с периодонтитами увеличилось с 52 до 91 в год. Хронический гранулирующий периодонтит в столь раннем возрасте часто приводит к удалению временного зуба, нарушению или прекращению формирования зачатка постоянного зуба и ведет к формированию патологического прикуса. Кроме того, причиной возникновения некариозных поражений твердых тканей зубов и, в частности, местной гипоплазии эмали является влияние инфекционного очага из молочного зуба.

Наличие одонтогенной инфекции в раннем детском возрасте ведет к нарушению иммунитета, появлению очаговообусловленных заболеваний (заболевания почек, суставов и т.д.). У большинства детей источником воспалительных заболеваний челюстно-лицевой области являются молочные зубы (85,8 %), пораженные кариесом [7]. Так, по данным отделения ЧЛХ РКБ, за период 2001–2003 гг. госпитализировано 96 детей с одонтогенными воспалительными заболеваниями мягких тканей и челюстных костей в возрасте от 1 до 12 лет. Такое состояние проблемы обусловлено тем, что у детей, особенно младшего возраста, осложнена диагностика ввиду сложности сбора анамнеза, неадекватной реакции ребенка на субъективные клинические вспомогательные методы, а также особенностей морфологии молочных зубов и реактивности детского организма.

Серьезной причиной роста кариеса и его осложнений служит отсутствие или низкий уровень гигиенического воспитания, несвоевременное лечение зубов, связанное с тем, что многие родители считают лечение зубов молочного прикуса необязательным ввиду последующей физиологической смены.

Цель исследования: выявить распространенность и интенсивность кариеса и его осложнений временных зубов у детей г. Нальчика.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования были 325 детей в дошкольных учреждениях г. Нальчика в возрасте от 3 до 6 лет, из них мальчиков – 160 и девочек – 195.

Всего осмотрено	3 года	4 года	5 лет	6 лет
325	70	75	98	82

Распространенность кариеса и его осложнений оценивалась в процентах, интенсивность кариеса индексом КПУ (для временного прикуса).

Результаты исследования. В результате обследования выявлена высокая распространенность (85,2 %) и интенсивность (3,36) кариеса временных зубов у обследуемого контингента. Интактный зубной ряд имели всего 16,7 % детей.

Таблица 1

Распространенность и интенсивность кариеса у детей дошкольного возраста

Всего осмотрено	Распространенность кариеса	КПУ	К	П	У
325	85,2 %	3,75	2,34	1,01	0,39

В структуре КПУ преобладают кариозные полости (2,34), элемент П составил всего 1,0, имеются удаленные зубы (У) – 0,39.

Таблица 2

Распространенность и интенсивность кариеса у детей по возрастным группам

Возраст	КПУ	К	П	У	Распространенность %
3	1,84	1,42	0,42	0,0	67,85
4	3,15	1,96	0,82	0,37	89,65
5	4,73	2,91	1,3	0,52	91,3
6	5,3	3,1	1,5	0,7	92,1
Итого	3,75	2,34	1,01	0,39	85,2

С возрастом распространенность кариеса увеличивается. Так, у трехлетних детей распространенность составила 67,85 % и увеличивается у четырехлетних и пятилетних до 89,65 % и 91,3 % соответственно, в шестилетнем возрасте 92,1 %, т.е. к шести годам распространенность кариеса увеличивается на 24 %.

Интенсивность кариеса по индексу КПУ увеличивается от 1,85 у трехлетних детей до 3,13 и 4,69 у детей в возрасте 4 и 5 лет соответственно, у шестилетних – 5,2. Таким образом, интенсивность кариеса увеличилась почти в 3 раза. Во всех возрастных группах преобладает показатель К (1,42; 1,96; 2,91; 3,1), который с возрастом увеличивается почти в два с половиной раза. Надо отметить, что во всех возрастных группах очень низкий показатель П, и уже имеются дети, которым удалены зубы раньше сроков физиологической смены.

Для определения реальной картины в структуре КПУ временных зубов необходимо выделить осложнения кариеса, которые входят в состав элементов К (нелеченные осложнения кариеса) и П (зубы, леченные по поводу осложнения кариеса). Элемент У подразумевает зубы, удаленные по поводу осложнений кариеса.

Таблица 3

Распространенность и интенсивность осложнений кариеса у детей дошкольного возраста

Возраст	КПУ	К	П	Осложнения кариеса (ОК)				Распространенность ОК
				всего	нелеченные	леченные	удаленные	
3	1,84	1,08	0,12	0,64	0,34	0,30	0,0	28,57 %
4	3,15	1,7	0,59	0,86	0,26	0,23	0,37	41,37 %
5	4,73	2,45	0,89	1,39	0,46	0,41	0,52	52,17 %
6	5,3	2,54	0,96	1,8	0,56	0,54	0,7	60 %
Итого	3,75	1,94	0,64	1,16	0,4	0,37	0,39	45,5 %

Распространенность осложнений кариеса в популяции достаточно высока и составила 45,5 %. У трехлетних детей распространенность составила 28,57 % и увеличилась в два раза к шести годам (60 %). У 4- и 5-летних детей составила 41,37 % и 52,17 % соответственно. Интенсивность осложнений кариеса также значительно увеличивается с возрастом от 0,64 у трехлетних до 1,8 (в 2,8 раза) в шесть лет. Надо отметить, что 1/3 зубов с осложнениями кариеса удалены и только 1/3 подверглись эндодонтическому лечению.

В структуре осложнений кариеса преобладают пульпиты и составляют 59,5 % случаев, периодонтиты – 40,5 %. С возрастом распространенность пульпитов и периодонтитов увеличивается значительно: пульпиты в 3,2 раза, периодонтиты – в 6 раз. Полученные результаты могут свидетельствовать о неадекватной стоматологической помощи детям дошкольного возраста.

Выводы: результаты исследования показали высокую распространенность кариеса и его осложнений у детей дошкольного возраста, что свидетельствует о низком уровне первичной и вторичной профилактики. Высокая распространенность осложнений кариеса требует затраты большого количества времени и материальных расходов. Это необходимо учитывать для рационального планирования и организации детской стоматологической службы.

С целью предупреждения развития осложнений кариеса необходимо проведение плановой санации полости рта у детей дошкольного возраста.

Кроме того, необходимо проведение активной санитарно-просветительской работы среди родителей для привития ребенку гигиенических навыков.

Библиография

1. Алферова Е.А., Вусатая Е.В., Дремалов Б.Н., Красникова О.П., Чулочникова Е.Н. Исследование интенсивности и распространенности кариеса у детей дошкольного возраста // Вестник новых медицинских технологий 2011. Т. XVIII, № 2. С. 176.
2. Берикашвили З.Н. Воздействие факторов окружающей среды на распространенность и интенсивность кариеса зубов у детей дошкольного возраста и разработка методов его профилактики: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2010.
3. Куюмджиди Н.В., Романчук Е.В., Поздний Е.Ю. Стоматологический статус детей, направленных педиатром на диспансеризацию к стоматологу // Актуальные вопросы экспериментальной, клинической и профилактической стоматологии: материалы конференции, посвященной 70-летию Волгоградского государственного медицинского университета и 40-летию кафедры терапевтической стоматологии. 2005. Вып. 2. Т. 62. С. 141–145.
4. Лаптев В.И. Исследование заболеваемости кариесом в регионе, анализ и оценка влияния фторированного питания на кариозный процесс у детей: автореф. дисс. ... канд. наук. Воронеж, 2008. 33 с.
5. Ширяк Т.Ю., Салеев Р.А., Уразова Р.З., Анисимова О.Ю. Потребность в лечении осложненного кариеса временных зубов у детей // Казанский медицинский журнал. 2012. Т. 93, № 4. С. 634.
6. Елизарова В.М., Смирнова В.А. Проблема роста осложненного кариеса у детей младшего возраста // Дет. стоматология. 1998. № 1. С. 25–27.
7. Колесов А.А. Стоматология детского возраста. М.: Медицина, 1991. 78 с.

ТЕЧЕНИЕ ОСТРОГО ПЕРИОДА ИНФАРКТА МОЗГА У БОЛЬНЫХ С НАРУШЕНИЕМ УГЛЕВОДНОГО ОБМЕНА

*Тлапшокова Л.Б., Чудопал С.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*Laratlapshokova@mail.ru

Проводился анализ неврологических нарушений у пациентов с ишемическим инсультом при изменении содержания глюкозы в крови. Всем больным проводили динамическое клинико-неврологическое исследование с использованием шкалы NIHSS, MRS, определялся уровень гликемии.

Ключевые слова: ишемический инсульт, сахарный диабет, течение.

THE COURSE OF ACUTE PERIOD OF CEREBRAL INFARCTION IN PATIENTS WITH DISORDERS OF CARBOHYDRATE METABOLISM

Tlapshokova L.B., Chudopal S.M.

Kabardino-Balcarian State University

There has been analyzed the neurological disorders of patients with ischemic stroke in response to changes in blood glucose. All patients have underwent clinical neurological dynamic study, we have used the scale NIHSS, MRS and determined the level of blood glucose.

Keywords: ischemic stroke, diabetes, course of the disease.

Введение. Среди неблагоприятных факторов, которые влияют на клиническое течение ишемического инсульта, весомое место занимает гипергликемия, которая возникает почти у половины больных в дебюте мозгового ишемического инсульта и даже при отсутствии сахарного диабета оказывает существенный дополнительный нейротоксический эффект в условиях мозговой катастрофы [1].

Повышение уровня глюкозы в таких случаях большинство авторов связывают с гиперсекрецией «гормонов стресса» (кортизола и адреналина) на фоне сопутствующей гипоинсулинемии.

Доказано, что исходный уровень стрессовой гипергликемии независимо от наличия или отсутствия сахарного диабета тесно ассоциирован с клинико-функциональным исходом острого периода мозгового ишемического инсульта. При этом относительный 28-суточный фатальный риск в 1,7–2 раза выше у больных со стрессовой гипергликемией без сахарного диабета, чем при его наличии, что, возможно, обусловлено активацией церебральных компенсаторных механизмов на фоне предшествующей хронической гипергликемии [2, 3].

СД представляет собой один из ведущих независимых факторов риска развития острых нарушений мозгового кровообращения (ОНМК). Заболеваемость инсультом у мужчин, болеющих СД, в 1,5–4 раза, а у женщин – в 2–6 раз выше, чем у лиц аналогичного возраста, не страдающих диабетом. Соотношение ишемический/геморрагический инсульт у больных диабетом, по данным крупного эпидемиологического исследования, составило 11:1, в то время как в общей популяции – 5:1.

У пациентов с СД часто развивается атеротромботический и лакунарный инсульт [1].

Цель: проведение анализа клинических неврологических нарушений у пациентов с ишемическим инсультом при изменении содержания глюкозы в крови в остром периоде заболевания.

Материал и методы. В исследование были включены 104 больных (64 мужчин и 40 женщин) в возрасте от 47 до 79 (средний возраст – 60,2 ± 9,2 года) с ишемическим инсультом, поступивших в РСЦ РКБ в 2014 году.

Критериями включения в исследование явились наличие острого ишемического инсульта, подтвержденного методами нейровизуализации (КТ/МРТ), госпитализация в неврологический стационар в течение 24 ч с момента развития заболевания.

В исследование не включали пациентов с первичным геморрагическим инсультом, госпитализированные по истечении 24 ч с момента дебюта инсульта.

Углеводный обмен оценивали по уровню глюкозы плазмы венозной крови. Состояние кровотока по экстра- и интракраниальным артериям оценивали при помощи ультразвуковой доплерографии.

Локализация и размеры очага инсульта определяли по результатам КТ или МРТ. Патогенетический подтип инсульта определяли на основании критериев TOAST.

Выраженность неврологического дефицита определяли количественно в соответствии со шкалой NIHSS. Сахарный диабет 2 типа был диагностирован на основании анамнеза представленной медицинской документации, приема пероральных сахароснижающих препаратов или инсулинотерапии.

Проведено комплексное клинико-параклиническое обследование. 30 больных в возрасте от 58 до 80 лет в остром периоде мозгового ишемического инсульта, у которых в дебюте заболевания была выявлена стрессовая

гипергликемия – 1-я группа, 2-я группа: 34 больных СД 2, 3-я группа: 40 больных с ИИ без выявленных нарушений углеводного обмена.

Гипергликемию считали стрессовой, если уровень глюкозы крови на момент госпитализации составлял выше 7,0 ммоль/л, нормализовался на протяжении 72 часов и во время пребывания в стационаре не превышал 5,5 ммоль/л.

Всем больным проводили динамическое клиничко-неврологическое исследование с использованием шкалы NIHSS, клиничко-социальный исход острого периода заболевания оценивался при помощи модифицированной шкалы Рэнкина, определялся уровень гликемии.

Результаты. Была установлена связь между уровнем концентрации глюкозы в сыворотке крови и выраженности неврологического дефицита (NIHSS) в острейшем периоде инсульта.

Выявлено, что при исследовании в 1-е сутки заболевания наиболее выраженный неврологический дефицит (высокие значения NIHSS) регистрировался у больных с наиболее высоким уровнем глюкозы натощак в 1-е сутки госпитализации ($p < 0,001$).

Таблица 1

Характеристика ИИ по патогенетическому подтипу в различных группах

Группа	АТ		КЭ		Л	
Транзиторная гипергликемия n=30	N 13	% 43,3	N 3	% 10	N 14	% 46,6
Сахарный диабет n=34	14	41,1	2	5,8	17	50
Ишемический инсульт с нормальным углеводным обменом	18	45	12	30	10	25
Всего ИИ n=104						

Влияние уровня гликемии на развитие и течение патогенетических вариантов ИИ у больных трех групп различны. Оказалось, что среди больных с высоким уровнем сахара натощак > 7 ммоль/л (I-я и II-я гр.) значительно чаще встречались лакунарные инфаркты (46,6 % и 50 %, соответственно $p < 0,05$).

Эти данные согласуются с мнением, что при сахарном диабете инсульт является следствием поражения артерий мелкого калибра и артериальной гипертензии, поэтому именно лакунарные инфаркты характерны для пациентов с СД 2.

При анализе связи уровня гликемии и исхода инсульта установлено, что у больных, умерших в течение острого периода ИИ, уровень глюкозы венозной крови натощак в 1-е 24 часа оказался достоверно выше, чем у выживших ($9,2 \pm 0,4$ ммоль/л и $5,6 \pm 0,3$ ммоль/л $p < 0,01$).

Выявлено более тяжелое течение ИИ у больных с СД 2 и транзиторной гипергликемией в виде большей частоты летального исхода и более тяжелой инвалидизацией на 21-е сутки. Причем частота летальных исходов была следующая: в I-й – 13,3 % и во II-й – 17,6 % ($p = 0,57$).

У больных с СД 2 чаще выявляли внецеребральные поражения сосудистого русла (ангиопатия сетчатки, нефропатия); инфекционные осложнения, инфаркт миокарда, которые и приводили к развитию смертельных исходов. Основными же причинами смерти при компенсаторной гипергликемии в I-й и 3-й группах пациентов являлся отек головного мозга (85 % и 90 %).

Соответственно, и факторы, связанные с повышенным риском летального исхода, были разными. В группе пациентов с сахарным диабетом наибольший вклад в летальность вносили мерцательная аритмия, мужской пол, а в группе без диабета и со стрессовой гипергликемией – нарушение сознания и повреждение более 1/3 бассейна СМА, в результате чего развивался отек мозга.

Таблица 2

Летальность при инсульте

Группа	Умершие	Выжившие
I n=30	4(13,3 %)	26 (86,7 %)
II n=34	6(17,6 %)	28 (82,4 %)
III n=40	7(17,5 %)	33 (82,5 %)

Выжили 88 человек. Летальный исход зарегистрирован у 17 лиц (16,3 %).

Таким образом, более чем у каждого 6-го больного пациента инсульт заканчивается летальным исходом. Причем они, как видно из табл. 2, были сопоставимы по количеству.

Однако причиной смерти у лиц с СД являлась в основном декомпенсация соматической патологии 83,3 % (4 больных), а в I-й и 3-й группах смерть наступила вследствие отека мозгового вещества.

Выводы. В ходе исследования было выявлено более тяжелое течение ИИ у больных с СД 2 и транзиторной гипергликемией.

У больных с СД 2 (I группа) чаще выявлялись признаки внецеребрального поражения сосудистого русла в виде ангиопатии сетчатки и нефропатии.

Совокупность соматической патологии, гипергликемии, гипоксии ведет к усугублению локального лактата-цидоза в области инфаркта мозга, усилению глутаматэргической эксайтотоксичности, нарушению функций гемато-энцефалического барьера и отека мозга.

Библиография

1. Гусев Е.И., Скворцова В.И., Стаховская Л.В. Эпидемиология инсульта в России // Неврология и психиатрия им. С.С. Корсакова. 2003. № 8. С. 4–9.
2. Дедов И.И., Шестакова М.В. Сахарный диабет: руководство для врачей. М.: Универсум Пабблишинг, 2003. 445 с.
3. Arboix A., Rivas A., Garcia-Eroles L. Cerebral infarction in diabetes: clinical patter, stroke subtype, and predictors of in-hospital mortality // BMC. Neurology. 2005. V. 12. P. 5–9.

РОЛЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОЗДАНИИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (на материале региональных, республиканских и районных газет)

Кумыкова А.Х.

Лицей для одаренных детей МОН КБР

alena.afaunova@yandex.ru

В статье на материале региональных, республиканских и районных газет выявляются особенности использования в печатных СМИ своеобразных вопросительных конструкций, их роль в создании газетных заголовков.

Ключевые слова: газетные заголовки, вопросительные конструкции, роль, создание.

INTERROGATIVE CONSTRUCTIONS ROLE IN CREATING HEADLINES (on the materials of regional, national and regional newspapers)

Kumykova A.H.

High School for Gifted Children MES KBR

The article reveals the peculiarities of using in the print media peculiar interrogative constructions, their role in creating headlines.

Keywords: headlines, interrogative constructions, role, creation.

В настоящее время одной из актуальных проблем в современной лингвистике является изучение языка СМИ, который отличается демократичностью в выборе языковых средств, участвующих в создании соответствующего языкового портрета, а также разнообразием приемов, используемых для реализации основополагающей интенции адресанта – привлечение внимание адресата и его удержание.

В качестве **материала** используются лексико-синтаксические единицы, извлеченные из следующих печатных изданий: «Газета Юга», «Северный Кавказ» (регионального уровня), «Кабардино-Балкарская правда», «Горянка», «Советская молодежь» (республиканского уровня), «Баксанский вестник», «Первая» (районного уровня).

Распространенным способом создания интригующих заголовков являются вопросительные конструкции, которые в газетном тексте выполняют воздействующую функцию. Наблюдения над языком современной печати подтверждают, что они все больше и больше проникают в публицистику.

В стилистике республиканских газет особое внимание привлекает использование вопросительных конструкций, выраженных в форме риторического вопроса, вопросно-ответной формы изложения и т.д. Адресант прибегает к ним для вступления в коммуникативный акт с адресатом речи. Для создания и сохранения такой интенции форма вопроса оказывается чрезвычайно привлекательной и эффективной для современного публициста, поскольку дает возможность вести актуальную игру в «живую речь». Например: в тексте *Учиться – платить деньги?!* («Горянка» 2007, № 48, 6) автор дает положительный ответ «да» на данный вопрос, только его читатель может найти в основном тексте. Или статья *Стали жертвами скинхедов?* («Газета Юга» 2008, №8, 1), в которой адресат может узнать, о ком идет речь и скинхедов ли это жертвы, только ознакомившись с содержанием текста. Как показывают примеры, подобные заголовки способны заинтриговать читателя и заставить прочесть предлагаемый материал.

В особый ряд таких заглавий следует выделить те, в составе которых имеются вопросительные слова «что», «как», «почему» и т.д. Например: *Что мы едим?* («Первая» 2008, № 1, 3); *Зачем нужна такая почта?* («КБП» 2008, № 19, 4) и т.д. В аналогичных случаях ни один любознательный читатель не оставит без внимания статьи с такими заголовками. Они не только интригуют, но и задают прямой вопрос, который требует быстрого и правильного ответа.

Заголовки вопросительного характера могут создаваться при помощи частицы «ли». Так, например: *Возможно ли дружить парню и девушке?* («Горянка» 2007, № 28, 12); *Легко ли быть президентом?* («СК» 2008, № 16, 3); *Будет ли отдых безопасным?* («КБП» 2008, № 87, 6) и др.

В вопросительных заголовках может содержаться один из реальных ответов, подвергающийся сомнению при помощи использованного знака препинания – многоточия, или автор может в вопросе уже указать оба возможных ответа. Для того чтобы выбрать правильный, следует прочитать текст полностью. Например: *Ипотека: светлая перспектива или?..* («КБП» 2008, № 10, 2); *Безответная любовь – бороться или забыть?* («Горянка» 2010, № 21, 6, 11) и др.

В арсенале газетных заголовков, построенных при помощи вопросительных конструкций, имеются такие, по которым невозможно понять, о чем идет речь, так как главное слово зашифровано и выражено местоимением «это». Например: *Это ничего не значит?..* («Горянка» 2007, № 48, 6). Для того чтобы понять, что «это» такое, необходимо обратиться к основному тексту, и лишь прочитав его, возможно будет определить, что «это» = «измена». Таким образом, создав двойную интригу с помощью вопроса и слова «это», автор статьи реализовывает основополагающую интенцию.

В вопросительных заглавиях встречаются своеобразные конструкции, в которых содержатся несколько вопросов, один из которых является ответом. Для того чтобы найти один правильный из них, следует ознакомиться с содержанием текста. Например: *Переведем? Займем? Поищем у себя?* («КБП» 2008, №№ 47–48, 5).

Нечасто можно увидеть заголовки вопросительного характера, конструкция которого будет разбита знаком недосказанности (многоточия), что в свою очередь позволяет привлечь внимание адресата речи, заставить его придумать ряд возможных лексических единиц на месте пропуска. Например: *«Сияющая гора»... путь в будущее?* («КБП» 2008, №№ 47–48, 5). Этот прием способствует активизации у потенциального читателя мыслительной деятельности, что впоследствии приводит его к ознакомлению с исходным текстом.

Вопросительные заголовки, безусловно, один из самых часто применяемых приемов, так как всегда вопрос побуждает к размышлению, а это является одной из главнейших функций газет. С помощью вопросительных конструкций создается «газетная интрига», что побуждает читателя обратить внимание на статью, а затем – искать в ней же ответ на поставленный вопрос. Таким образом и достигается цель адресанта речи, вступая в коммуникативный акт со своим адресатом.

Особый интерес представляют заголовки, построенные на основе вопросно-ответной формулы, то есть адресант ставит вопрос и тут же дает единственно кажущийся возможным на него ответ. Так возникает своеобразная модификация вопросно-ответного хода. Данный ряд пополняют заголовки типа: *Что знают мужчины о себе? Почти ничего* («Горянка» 2008, № 16, 6); *Таксисты – люди вольные? Почти* («КБП» 2008, № 50, 4). Эти заголовки содержат вопрос и частично ответ. Из приведенных примеров видно, что предложенный автором ответ не является полным и требует дополнения, а оно хранится в тексте.

Примечательны заголовки, в которых прямого ответа на поставленный вопрос нет, но они восполнимы, так как во второй части он содержится. Например: *Акции уже есть? Или надо управлять* («Газета Юга» 2008, № 17, 2). Побуждающее к действию неполное предложение *или надо управлять* показывает, что на данный вопрос имеется положительный ответ. Или следующий пример: *Брат? Сосед ближе* («СК» 2008, № 16, 11) тоже показателен в этом смысле. В нем содержится противопоставление лексических единиц «брат/сосед», предпочтение в котором отдается соседу.

В региональных газетах часто встречаются приемы, в которых заголовки построены по другому принципу, то есть наоборот: автор вводит в суть дела и ставит вопрос, обращенный к адресату, чтобы побудить его к размышлению и заставить ознакомиться с текстом: *Кому-то трудно, надо помочь. Как?* («Горянка» 2008, № 13, 11); *Мужчины – с Марса, женщины – с Венеры: возможно ли взаимопонимание?* («Горянка» 2010, № 6, 6, 11); *Потребитель и производитель: конфликт интересов? Кто доволен услугами ЖКХ? Как выяснилось, никто* («Горянка» 2010, № 49, 6, 11) и т.д.

В приведенных заголовках содержится, казалось бы, ответ. Но, как показывает практика, подобные заголовки только усиливают интерес адресата и способствуют прочтению всего текста.

Своеобразными являются заголовки вопросительного характера, но в то же время не подразумевающие никакого вопроса ни формально, ни семантически. Такие заголовки загадочны и выполняют одновременно сигнальную и информативную функции. Например: *Медитация: что, как и почему* («СМ» 2007, № 7, 5); *Как потратить материнский капитал / Квартира: хочешь – строй, хочешь – покупай* («Горянка» 2008, № 6, 4).

Среди подобных вопросительных конструкций следует выделить такие, которые, несмотря на отсутствие знака вопроса в конце предложения, являются вопросительными. Например: *Рождение театра: чего не видел зритель* («КБП» 2008, № 74, 3); *Как предсказать землетрясения* («Горянка» 2008, № 22, 11); *О чем мечтает каждый ребенок* («КБП» 2008, № 105, 2); *Что может женсовет* («КБП» 2008, № 105, 2) и др.

Таким образом, распространенным способом создания интригующих заголовков в современном печатном издании является использование вопросительных конструкций, выполняющих в газетном тексте воздействующую функцию. В стилистике республиканских газет в свою очередь особое внимание привлекает применение следующих типов заголовков вопросительного характера: прямой вопрос, риторический вопрос, вопросно-ответная форма изложения и т.д. Все это, безусловно, делает «сегодняшний газетный текст нестандартным, оценочным, прагматически ориентированным» [1].

Небезызвестно, что «по своей воздействующей силе современный газетный текст становится более активным, наступательным, а порой и агрессивным» [2]. Этому способствует часто применяемая в газете форма вопроса, являющаяся чрезвычайно привлекательной и эффективной для современного публициста, поскольку дает возможность вести актуальную игру в «живую речь».

Библиография

1. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. 2006. № 3. С. 81–87.
2. Покровская Е.В. Языковая игра в газетном тексте // Русская речь. 2006. № 6. С. 58–62.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДИНАМИКИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Шогенова З.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Shogenova.88@mail.ru

В статье освещены вопросы по созданию математической модели заболевания щитовидной железы в Северо-Кавказском регионе. В рамках исследования намечено создание консультационно-диагностической автоматизированной системы для прогноза развития эпидемиологической ситуации в регионе.

Ключевые слова: математическая модель, эндокринные заболевания, популяционные модели.

MATHEMATICAL MODEL OF DYNAMICS OF MORBIDITY THYROID GLAND ON EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Shogenova Z.A.

Kabardino-Balkarian State University

This article highlights the issues of creating mathematical models of thyroid disease in the North Caucasus region. The research work is planned creation of consultative and diagnostic automated system for predicting the development of the epidemiological situation in the region.

Keywords: mathematical model, endocrine diseases, population model.

Известно, что Северный Кавказ, в том числе Кабардино-Балкарская Республика, является зоной распространения эндемичных заболеваний щитовидной железы. Население Кабардино-Балкарской Республики в основном оседлое, миграция за пределы республики небольшая, поэтому можно рассматривать население как изолированную популяцию.

Распространение таких заболеваний вызвано природными особенностями региона. Можно сказать, что распространение заболеваний щитовидной железы носит характер эпидемии. В отличие от инфекционных заболеваний, характер эпидемии будет зависеть только от внутренних свойств популяции, а не от контактов между заболевшими и здоровыми.

Можно считать, что процесс распространения заболеваний в популяции носит случайный характер. Так как нет генетически обусловленных заболеваний, то модель может быть линейной. Для выбора методик лечения и прогноза необходимых вложений в здравоохранение республики желательно иметь прогноз развития эпидемии эндокринных заболеваний на основе анализа структуры населения республики и характера развития заболеваемости в предыдущие годы.

В рамках исследования намечено создание консультационно-диагностической автоматизированной системы для прогноза развития эпидемиологической ситуации. Тем не менее, каждая группа заболеваний требует отдельной тщательной проработки. Математических моделей такого типа для заболеваний щитовидной железы создано не было. Таким образом, создание комплексных математических моделей развития заболеваемости эндокринными заболеваниями на Северном Кавказе является новой научной задачей.

Так как вероятность возникновения заболевания в отдельных возрастных группах разная для мужчин и для женщин, то необходимо учитывать половозрастную структуру населения. Численность населения Кабардино-Балкарской Республики составляет порядка 1 миллиона человек, в этом случае адекватной моделью служит матричное описание модели Лесли [1, 2].

Коэффициенты модели в каждой возрастной группе определялись по статистическим данным [3]. На основе анализа данных выявлено, что в период с 2000 года по 2010 год коэффициенты для КБР были постоянными (в рамках статистической погрешности).

Некоторые заболевания щитовидной железы сопровождаются повышением ферментной активности (повышением гормонов) и относятся к гипертиреозу (синдром, обусловленный гиперфункцией щитовидной железы, проявляющийся содержанием гормонов: трийоттиронина (Т3), тироксина (Т4)) или его уменьшением – гипотиреоз (состояние, обусловленное длительным, стойким недостатком гормонов щитовидной железы, противоположное тиреотоксикозу) [4].

Как видно из рисунка, у нас есть четыре группы заболевших, которые в процессе своей жизнедеятельности попадают из одного состояния в другое.

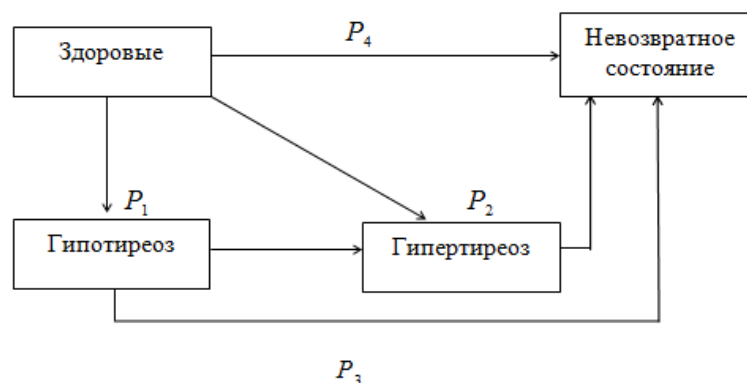

Рисунок. Схема перехода состояний из одной группы в другую

Создание такой математической модели популяционного типа и анализ клинических материалов для определения коэффициентов модели представляют несомненную актуальность не только в рамках прогноза ситуации в КБР, но и в рамках всего Северо-Кавказского региона.

Для анализа и прогноза заболеваемости математические модели популяционного типа создавались в ИВМ РАН профессором А.А. Романюхой [5]. Данные модели рассматривали заболеваемость туберкулезом в некоторых регионах центральной России.

С учетом специфики заболеваемости эндокринными заболеваниями математические модели такого типа по публикациям неизвестны. Структура населения, уровень жизни и природные условия на Северном Кавказе также значительно отличаются от центральных областей России.

Библиография

1. Полуэктов Р.А. Динамическая теория биологических популяций. М.: Главная редакция физико-математической литературы, 1974. 452 с.
2. Ризниченко Г.Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. М.–Ижевск: РХД, 2011. 33 с.
3. Пастарнак В.Н., Афашокова К.М., Маремкулов И.А. Кабардино-Балкария в цифрах 2010, К12: стат. сб. Нальчик: Кабардино-Балкария стат, 2010. 270 с.
4. Балаболкин М.И., Гаврилюк Л.И. Диагностический справочник эндокринолога. Кишинев: Картя молдаве-няска, 1984. 204 с.
5. Мельниченко О.А., Романюха А.А. Модель эпидемиологии туберкулеза. Анализ данных и оценка пара-метров. М.: МГУ, 2008. 128 с.

ДИАГНОСТИКА ЗАБОЛЕВАНИЯ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шогенова З.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Shogenova.88@mail.ru

В статье рассматривается математическая модель эндокринных заболеваний щитовидной железы. Исследование посвящено описанию эндокринной системы, математическому моделированию биосистем и популяционной динамике.

Ключевые слова: эндокринные заболевания, математическая модель, популяционная динамика.

DIAGNOSIS OF THYROID DISEASES USING MATHEMATICAL MODELS IN KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Shogenova Z.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article discusses a mathematical model of endocrine diseases of the thyroid gland. Passed phase of the study describe the endocrine system, mathematical modeling of biological systems, and population dynamics.

Keywords: endocrine diseases, mathematical model, population dynamics.

В настоящее время математическое моделирование объединяет в себе компьютерные методы моделирования биологических процессов эволюции и многие другие идеологически близкие направления в математическом программировании.

Кабардино-Балкарская Республика является зоной эндемичных заболеваний щитовидной железы, что, несомненно, обусловлено природными условиями региона. Можно считать, что процесс распространения данного заболевания в популяции носит случайный характер. Так как нет генетически обусловленных заболеваний, то модель будет линейной.

В силу того, что вероятность возникновения заболевания в отдельных возрастных группах разная как для мужчин, так и для женщин, то необходимо учитывать половозрастную структуру населения. Численность населения КБР порядка 1 миллиона человек, в этом случае адекватным является матричное описание (матричная модель Лесли) [1].

$$A = \begin{pmatrix} \alpha_1 & \alpha_2 & \alpha_3 & \dots & \dots & \alpha_N \\ \beta_1 & 0 & 0 & \dots & \dots & 0 \\ 0 & \beta_2 & 0 & \dots & \dots & 0 \\ 0 & 0 & \beta_3 & \dots & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & 0 & \dots & \beta_{N-1} & 0 \end{pmatrix}. \quad (1)$$

По диагонали матрицы стоят нули, под диагональными элементами – коэффициенты выживания, на первой строке стоят члены, характеризующие число особей, родившихся от соответствующих групп. Все остальные элементы матрицы равны нулю.

Рассмотрим две нозологические группы: гипотиреоз (первичный и вторичный). При первичном гипотиреозе снижение выработки гормонов щитовидной железы связано с патологическим процессом в самой железе. Вторичный гипотиреоз обусловлен патологическим процессом в гипоталамо-гипофизарной системе, управляющей работой щитовидной железы) и гипертиреоз (первичный – патология щитовидной железы, вторичный – патология гипофиза и третичный – патология гипоталамуса) [2].

Каждая из форм заболевания подразделяется на несколько стадий. Коэффициент модели в каждой возрастной группе определяется по статистическим данным [3]. На основе анализа данных выявлено, что в период с 2000 по 2008 гг. коэффициенты для КБР были постоянны и в рамках статистической погрешности.

Статистические данные рождаемости и смертности населения представлены в табл. 1, 2 [3].

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости

Годы	Родившиеся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте, лет								Суммарный коэффициент рождаемости ⁴
	молоче 20 ²	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49 ³	
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1	32,1	1,195
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1	33,1	1,223
2002	27,4	95,7	75,1	41,7	14,7	2,6	0,1	35,2	1,286
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1	36,5	1,319
2004	28,2	93,4	80,2	45,9	17,6	2,9	0,1	37,7	1,340
2005	27,5	86,8	77,9	45,5	17,8	3,0	0,2	36,8	1,287
2006	28,6	85,8	78,2	46,8	18,7	3,1	0,1	37,7	1,296
2007	29,1	87,5	86,3	54,5	22,8	3,8	0,2	41,4	1,406
2008	30,5	89,8	91,0	60,4	25,9	4,6	0,2	44,6	1,494

Таблица 2

Возрастные коэффициенты смертности

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего умерших мужчин	17,3	17,8	18,6	18,9	18,6	18,8	17,4	16,7	16,6
из них в возрасте, лет:									
0–4	4,4	4,4	4,1	3,9	3,6	3,3	3,0	2,8	2,6
5–9	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
10–14	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4
15–19	2,1	1,9	1,8	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5	1,5
20–24	4,9	4,4	4,0	3,9	3,9	3,8	3,4	3,2	2,9
25–29	6,0	5,8	5,7	5,9	6,1	6,5	6,2	5,7	5,1
30–34	7,0	7,1	7,3	7,5	7,8	8,2	7,8	7,4	7,3
35–39	9,1	9,4	9,9	10,2	10,2	10,3	9,1	8,5	8,2
40–44	12,7	13,1	13,9	14,4	14,2	14,3	12,4	11,4	11,0
45–49	17,9	18,7	19,6	20,1	19,5	19,4	16,7	15,3	14,8
50–54	24,4	25,7	26,9	27,9	26,8	26,9	23,6	21,3	20,9
55–59	33,4	33,9	34,7	35,0	34,4	34,4	31,0	28,6	28,9
60–64	44,5	46,4	49,4	49,7	47,5	46,9	41,7	39,1	38,8
65–69	59,5	59,9	61,2	60,6	59,2	58,8	55,1	53,6	54,0
70 и более	104,0	103,1	106,3	107,5	104,8	105,6	101,5	98,6	97,9
Всего умерших женщин	13,5	13,6	14,1	14,1	13,7	13,8	13,3	12,9	12,9
из них в возрасте, лет:									
0–4	3,3	3,2	3,1	3,0	2,7	2,5	2,3	2,2	2,1
5–9	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
10–14	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2
15–19	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,6
20–24	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8
25–29	1,3	1,4	1,4	1,5	1,6	1,6	1,5	1,5	1,4
30–34	1,7	1,8	1,9	2,1	2,1	2,2	2,0	2,0	2,0
35–39	2,3	2,4	2,6	2,8	2,8	2,9	2,7	2,6	2,5
40–44	3,4	3,5	3,8	4,0	3,9	4,0	3,6	3,3	3,3
45–49	5,1	5,3	5,5	5,7	5,6	5,6	5,0	4,6	4,5
50–54	7,6	8,0	8,3	8,6	8,2	8,1	7,2	6,6	6,5
55–59	11,4	11,6	12,0	12,1	11,9	11,8	10,8	9,9	10,0
60–64	15,8	16,4	17,0	17,3	16,8	16,5	15,1	13,7	13,5
65–69	25,6	25,5	25,8	25,0	24,1	23,8	22,3	21,5	21,4
70 и более	79,9	78,6	80,5	80,9	78,3	78,8	76,9	73,8	72,5

Исследование модели и решение системы дифференциальных уравнений проводилось численно по методу Эйлера на ЭВМ. Создаваемая нами математическая модель призвана получить новую информацию в эндокринной системе человеческого организма и помочь в вопросах диагностики заболеваний, связанных с данной системой.

Библиография

1. Ризниченко Г. Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. М–Ижевск: РХД, 2011. 33 с.
2. Балаболкин М.И., Гаврилюк Л.И. Диагностический справочник эндокринолога. Кишинев: Картя молдаве-
няска, 1984. 204 с.
3. Пастарнак В.Н., Афашокова К.М., Маремкулов И.А. Кабардино-Балкария в цифрах 2010, К12: стат. сб.
Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 2010. 270 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ МОЛИБДЕНА В КУКУРУЗЕ

Бокова Л.М., Султыгова З.Х., Инаркиева З.И., Дидигова Л.А., Темирханов Б.А.

Ингушский государственный университет

Исследовано содержание молибдена в почвах 4 районов Республики Ингушетия кинетическим методом, основанным на реакции окисления гидрохинона иодатом калия в присутствии оксалат-иона с образованием окрашенных продуктов окисления. Установлены оптимальные условия определения молибдена кинетическим методом, основанным на измерении оптической плотности окрашенных соединений при $\lambda_{\text{раб}}=470$ нм, образующихся в результате окисления гидрохинона иодатом калия в присутствии оксалат-иона. Разработаны высокочувствительные и воспроизводимые методы определения микроэлементов в зернах кукурузы, произрастающих на исследуемых территориях. Для определения в них меди, марганца, алюминия, кобальта и железа предложен эмиссионно-спектральный метод, а для молибдена – кинетический метод.

Ключевые слова: тяжелые металлы, почва, кукуруза, эмиссионно-спектральный анализ.

USING KINETIC METHOD DETERMINATION OF MOLYBDENUM IN MAIZE

Bokova L.M., Sultygova Z.H., Inarkieva Z.I., Didigova L.A. Temirhanov B.A.

Ingush's State University

The content of molybdenum in soils of four districts of the Republic of Ingushetia kinetic method based on the oxidation of hydroquinone with potassium iodate in the presence of oxalate ion with the formation of colored oxidation products. The optimal conditions for the determination of molybdenum kinetic method based on measuring the optical density of colored compounds in $\lambda_{\text{rab}} = 470$ nm, resulting from the oxidation of hydroquinone with potassium iodate in the presence of oxalate ion. Developed highly sensitive and reproducible methods for the determination of trace elements in the grains of corn growing in the study areas. To determine in which copper, manganese, aluminum, cobalt and iron is proposed emission spectral method, and molybdenum-kinetic method.

Keywords: heavy metals, soil, corn, emission spectral analysis.

Введение. Почва, являясь частью литосферы, представляет собой один из консервативных компонентов окружающей среды в отношении миграции загрязняющих веществ. Поверхностный слой почвы является одним из природных планшетов, в котором в результате выпадений накапливаются выбрасываемые в атмосферу вредные вещества.

При интенсивном антропогенном воздействии, в частности на территориях с развитой промышленностью и транспортом формируются зоны с повышенным содержанием загрязняющих веществ в почвах. Поэтому для оценки фактического уровня загрязнения почв тяжелыми металлами на территории Республики Ингушетия для нас важным представлялось проведение химико-экологического мониторинга в четырех районах Республики Ингушетия (Сунженского, Малгобекского, Назрановского и Джейрахского).

Материалы и методы исследования. Поскольку содержание молибдена в почвах на территории Республики Ингушетия весьма низкое, то целесообразным представлялось определение его микроконцентраций в зернах кукурузы с применением более высокочувствительного метода анализа.

В качестве базового метода для этих целей был применен кинетический метод, основанный на реакции окисления гидрохинона иодатом калия в присутствии оксалат-иона с образованием окрашенных продуктов окисления. Оптическую плотность растворов измеряли на фотоэлектроколориметре марки «ZAL» с синим светофильтром [1].

Можно выделить три группы методов определения концентрации определяемого вещества в кинетических методах:

1. Способ тангенсов. При этом способе измеряют концентрацию одного из образующихся веществ через определенные промежутки времени и строят график: время – концентрация одного из образующихся веществ (прямолинейная зависимость). Вместо концентрации образующегося вещества можно откладывать любую пропорциональную ей величину (оптическую плотность, силу диффузионного тока и т.д.). После построения графика определяют тангенсы углов наклона прямых, полученных при разных концентрациях катализатора и без него и, имея эти данные, строят калибровочный график: концентрация – тангенс угла наклона прямой.

2. Метод фиксированного времени. Этот метод заключается в том, что реакцию проводят в строго определенный промежуток времени и по окончании этого времени определяют концентрацию одного из реагирующих в растворе веществ (или измеряют какое-либо физико-химическое свойство раствора в определенный момент времени).

3. Метод фиксированной концентрации. При использовании этого метода измеряют время, необходимое для того, чтобы концентрация одного из реагирующих веществ достигла заданного значения. Между величиной, обратной этому времени и концентрацией анализируемого вещества, существует определенная зависимость.

Экспериментальная часть. Кинетический метод требует особо тщательной очистки применяемых реагентов и воды, а также использования специальной посуды из кварца и полиэтилена.

Почти всегда наряду с каталитической реакцией протекает некаталитическая реакция.

Сумма скоростей некаталитической реакции и реакции, обусловленной присутствием каталитически активных примесей в воде и реактивах, создает колеблющийся «фон», препятствующий точному измерению скорости каталитической реакции [2].

Важнейшими причинами, вызывающими колебания «фона», являются:

- колебания температуры в реакционном сосуде, различия в составе исследуемого раствора и раствора, применяющегося для построения калибровочного графика (особое значение имеет pH растворов, солевой состав, состав микропримесей),
- различия в поверхности реакционных сосудов и наличие адсорбированных веществ, влияющих на скорость реакции;
- наличие в растворах даже самых ничтожных количеств твердых веществ (пылинок, волокон фильтровальной бумаги).

Выбор данной цветной реакции был обусловлен ее высокой селективностью. Предварительная обработка проб зерен кукурузы для последующего определения в них молибдена кинетическим методом осуществлялась методом «мокрого» озолнения.

Калибровочный график строили по методу фиксированного времени в координатах: оптическая плотность на десятой минуте – концентрация молибдена. Найденное содержание молибдена в пробах пересчитывали на абсолютно сухое вещество. Содержание молибдена в зерне кукурузы, полученное кинетическим методом, было проверено двумя другими методами – химическим и спектральным.

Результаты определений представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительные данные о содержании молибдена в зерне кукурузы

Область (район) произрастания	Сорт	Навеска зерна в г.	Количество определений	Содержание молибдена, мг/кг
Химический метод (контрольный)				
Джейрахский	Кавказ	20	6	0,78
Сунженский		20	6	0,41
Назрановский		20	6	0,31
Малгобекский		20	6	0,41
Спектральный метод				
Джейрахский	Кавказ	15	6	0,76
Сунженский		15	6	0,37
Назрановский		15	6	0,40
Малгобекский		15	6	0,47
Кинетический метод				
Джейрахский	Кавказ	1	6	0,79
Сунженский		1	6	0,40
Назрановский		1	6	0,30
Малгобекский		1	6	0,40

Полученные результаты содержания молибдена сравнивали с результатами параллельных определений молибдена в исследуемых образцах химическими и спектральными методами анализа.

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что величины, характеризующие содержание молибдена в зерне кукурузы, полученные при его анализе кинетическим методом, близки к величинам, полученным при анализе химическим методом [3].

Сопоставления результатов определения меди, марганца, алюминия, молибдена, железа химическим методом и методом эмиссионно-спектрального анализа приведены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительные данные проверки правильности метода

Микроэлемент	Методы анализа		Средняя концентрация, мг/кг	Абсолютное отклонение, мг/кг	Ошибка, %
	Спектральный, мг/кг	Химический, мг/кг			
Медь	4,40	4,60	4,50	0,10	2,20
Марганец	31,50	33,50	323,50	1,00	3,10
Алюминий	6,60	7,40	7,00	0,40	5,70
Молибден	0,41	0,45	0,43	0,02	4,70
Железо	9,90	9,40	9,65	0,25	3,90

Из данных таблицы видно, что ошибка сопоставляемого метода анализа по меди, марганцу и железу небольшая (от 2,2 до 3,9 %, а для алюминия и молибдена – удовлетворительная и равна соответственно 5,7 и 4,7 %) [4].

Выводы. Установлены оптимальные условия определения молибдена кинетическим методом, основанным на измерении оптической плотности окрашенных соединений при $\lambda_{\text{раб}}=470$ нм, образующихся в результате окисления гидрохинона иодатом калия в присутствии оксалат-иона.

При определении молибдена, концентрации которого близки к пределу чувствительности эмиссионного спектрального анализа, кинетический метод анализа дает лучшие результаты, чем эмиссионно-спектральный.

Библиография

1. Яцимирский К.Б. Кинетические методы анализа. М.: Химия, 1997. 67 с.
2. Hele P., Boyle P. Improved tube fitting for acrylamide gel electrophoresis // *Analit Biochem.* 1972. P. 234.
3. Яцимирский К.Б., Тихонова Л.П. Катализ в аналитической химии. М.: Наука, 1970. 56 с.
4. Роева Н.Н., Бокова Л.М. Определение молибдена в зерновых культурах кинетическим методом // Материалы научно-практической конференции. Казань, 2005. С. 50–54.

Культурбаева Л.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

В статье исследуются социальные функции традиций в совершенствовании межнациональных отношений в контексте трендов возрождения этничности.

Ключевые слова: этнос, этничность, традиции, геокультурное пространство, этнонациональная культура, этнокультурная толерантность.

ROOTS IN THE SOCIOCULTURAL DISCOURSE REVIVAL OF ETHNICITY

Kulturbaeva L.M.

Kabardino-Balkarian State University

The article examines the social functions of traditions in improving interethnic relations in the context of the trend revival of ethnicity.

Keywords: ethnic group, ethnicity, tradition, geocultural space, ethno-national culture, ethnic and cultural tolerance.

Тренды этнического возрождения в современности становятся существенными факторами социально-философского осмысления истории культуры каждого этноса. Связано это с необходимостью сохранения этнического своеобразия и уникальности этнокультурного феномена, учета детерминант толерантности каждого народа.

Современная этнонациональная культура представляет собой целостное образование, обусловленное, с одной стороны, общностью территории, экономики, уклада жизни, с другой, духовно-историческими особенностями жизнедеятельности народов. Вместе с тем, этнонациональная культура не является лишь автономным образованием, а несет в себе общечеловеческое содержание, является качественно своеобразным сочетанием общечеловеческого и этнонационального. Следовательно, данное обстоятельство необходимо учитывать в современных условиях возрождения этнических культур, традиций, обычаев, в гармонизации межнациональных отношений.

В данном контексте особую значимость приобретает осмысление тех взаимосвязей и взаимообусловленностей этнокультурной толерантности народов многоэтнических регионов, таких как, например, Северный Кавказ, где факторы межнациональных отношений и межнационального общения представляет собой историческую объективную необходимость всех сфер общественной жизни.

На протяжении тысячелетий шло взаимопроникновение и взаимообогащение традиций, обычаев, культур различных народов. Благодаря этому духовная традиция этнических культур, в частности у горских народов существенно обогащалась, происходило расширение геокультурного пространства. Исследование многовекового этнокультурного пласта народов Северного Кавказа в этом отношении ждет своего воплощения.

Данное исследование, с нашей точки зрения, станет перспективным направлением по осмыслению социальных традиций в условиях национального возрождения, что будет иметь как важнейшее научно-теоретическое, так и актуально-практическое значение.

В традициях выражено мировоззрение: мироощущение, миропонимание и жизнепонимание, а также вытекающие из них нормы и правила поведения людей. Традиции охватывают различные области культуры, представляя собой исторически складывающиеся и передаваемые из поколения в поколение устойчивые нормы и принципы взаимоотношений людей, сохраняемые и поддерживаемые силой общественного мнения.

Если же говорить об этнокультурных традициях горских народов, которые складывались веками, то их становление и развитие были связаны чаще всего с заимствованиями друг у друга обычаев, ритуалов, обрядов и т.д. Данное обстоятельство способствовало укреплению дружбы и братства между различными этносами.

Таким образом, мы имеем свидетельство о глубокой древности традиции дружбы народов многонационального региона. Этот уникальный духовно-нравственный феномен следует широко использовать в воспитании современной молодежи с учетом требований времени. В этнокультурных традициях был заложен веками выработанный моральный кодекс. Это, можно сказать, был высший нравственный закон, подлинно «народная конституция». В этом же заключен фактор традиций горских народов как регулятор общественных взаимоотношений между семейными родами и личностями.

В настоящее время особо остро стоит проблема духовно-нравственного развития в условиях углубляющегося общего кризиса в стране, когда происходит утрата и деградация, в том числе духовно-этнической культуры. В данной связи мы сталкиваемся с необходимостью сохранения и возрождения исконно народных традиций каждого этноса, без чего невозможны как национальное возрождение, так и сохранение самобытности уникальных этнических культур.

Вместе с тем, хотелось бы отметить как положительный тренд, что в условиях демократизации определенных сфер общественной жизни нашей страны устанавливаются дружественные и культурные связи с диаспорами народов из Северного Кавказа на Ближнем Востоке, Европе, Американском континенте.

В условиях возрождения национальной культуры и укрепления межнациональных отношений большое значение приобретает исследование проблем северокавказских диаспор [1–10]. Так в последние годы устанавливаются тесные социально-экономические и культурные связи с выходцами из Северного Кавказа. С этой целью ежегодно проводятся международные конгрессы в республиках Северного Кавказа, встречи при активном участии северокавказских диаспор. В результате этого устанавливаются родовые этнические связи, люди знакомятся с историей культуры отчего края – этнической колыбелью. Все это способствует расширению геокультурного пространства горских народов, что имеет не только большое научно-познавательное значение для истории культуры своего народа, но и для сохранения богатейшего культурно-исторического наследия, духовного единения, возрождения лучших национальных традиций каждого этноса.

Однако в историко-культурологическом аспекте остаются недостаточно исследованными сохраненные в первозданном виде традиции, обычаи, ритуалы северокавказских диаспор. Необходимо восполнить этот пробел, что потребует всестороннего изучения социальных функций традиций северокавказских диаспор в контексте культурного наследия горских народов. В свою очередь, это будет иметь большое значение в расширении геокультурного пространства и в укреплении дружбы и братских связей между народами.

В целом лейтмотивом статьи является тот научный интерес, который связан с этнокультурной толерантностью и психологической совместимостью народов Северного Кавказа, веками живших в дружбе и согласии, несмотря на все перипетии исторических судеб.

В условиях системной реформации у каждого народа происходили и происходят процессы возрастания роли исторического сознания и исторической памяти. Восстановление социальной памяти людей играет важную роль в формировании национального самосознания и в сохранении духовно-нравственных ценностей и возрождении национальной культуры. Исследование социальной функции традиций имеет не только большое научно-познавательное значение в совершенствовании межнациональных отношений в нравственном воспитании подрастающего поколения, но и в формировании адекватного исторического сознания и национального самосознания.

Библиография

1. Авксентьева А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь, 1994. 86 с.
2. Алиев А.К. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968. 288 с.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. 250 с.
4. Аталиков В.М. Культура народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. 96 с.
5. Бабич И.Л. Взаимодействие адыгских традиций и этнополитических изменений на Северном Кавказе // Философия и социология в Республике Адыгее. – 1995. № 2. С. 3–26.
6. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
7. Бгажноков Б.Х. Формула толерантности // Кабардино-Балкарская правда. – 2003. – 4 марта.
8. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения // Материалы Межд. науч. конф. 14–19 окт. 1991 г. – Черкеск, 1993. 534 с.
9. Кумыков А.М., Болотокова З.В. Методология исследования этничности // Материалы Сев.-Кавк. регион. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива-2001». Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. Т. 1. С. 252–258.
10. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. – Майкоп, 1997. 192 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ НА ГОСПИТАЛЬНОМ ЭТАПЕ

*Захохов Р.М.¹, Федоров В.Э.², Толстокоров А.С.², Кумыков В.К.¹

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

²Саратовский государственный медицинский университет

*Zakh-rus@mail.ru

Проведена математическая оценка весового значения интегральных показателей заболеваний щитовидной железы в условиях многофакторного биогеоценоза Кавказа. Эффективная диагностическая модель построена с использованием методов регрессионного и дискриминантного анализа.

Ключевые слова: щитовидная железа, интегральные показатели, биогеоценоз, модель.

OPTIMIZATION OF DIAGNOSTIC EXAMINATION OF THYROID GLAND DISORDERS IN HOSPITAL STAGE

Zakhokhov R.M.¹, Fedorov V.E.², Tolstokorov A.S.², Kumykov V.K.¹

¹Kabardino-Balkarian State University

²Saratov State Medical University

The mathematical evaluation of the weight values of integral indices of thyroid gland disorders was carried out in the conditions of multifactorial biogeocoenose of Caucasus. The effective diagnostic model was designed with the use of regression and discriminant analysis.

Keywords: thyroid gland, integral indices, biogeocoenose, model.

Актуальность проблемы. А.П. Калинин и соавторы [1] считают, что в стационарах существует слишком большое разнообразие схем диагностики тиреоидной патологии, что связано с тем, что эти болезни очень разнообразны по этиологии и патогенезу и развиваются в органе со сложной морфофункциональной структурой.

По мнению И.И. Дедова с соавторами [2], в основу большинства диагностических алгоритмов может быть положено классифицирование по синдромальному признаку: гипер-, гипо-, эутиреоз. Но он имеет существенный недостаток: при большинстве заболеваний функция щитовидной железы (ЩЖ) не является постоянной, поэтому большинство диагностических подходов состоит в разделении заболеваний щитовидной железы (ЗЩЖ) в зависимости от морфологии и, реже, от этиологии [2]. Однако этиологические факторы недостаточно изучены, особенно – влияние на заболеваемость факторов риска. Зарубежные же авторы [3, 4] основным методом диагностики ЗЩЖ считают УЗИ, хотя его эффективность зависит от качества аппаратуры и опыта врача.

В [5] считается, что пункционная тонкоигольная аспирационная биопсия (ПТАБ) обладает высокой специфичностью (до 100 %), но меньшей чувствительностью (55–90 %), что вызывает сомнения. По [6], ПТАБ обладает меньшей чувствительностью (80–96 %) и меньшей специфичностью (45–87 %), а отрицательный результат исключает рак щитовидной железы (РЩЖ). Таким образом, еще не найден основной (единственный) метод диагностики ЗЩЖ. Следовательно, наиболее эффективными будут интегральные показатели, связывающие воедино факторы риска биогеоценоза, клинические данные, УЗИ-признаки и результаты цито- и гистологических исследований.

Ранее для создания эффективной интегральной системы диагностического обследования пытались использовать математические методы с определением весовых значений симптомов [7], что нашло отражение в [8] по клинко-морфологическим исследованиям по хирургической тактике при узловых образованиях (УО) ЩЖ в условиях промышленного центра с выявлением факторов риска, влияющих на рост тиреоидной патологии. Исследования по математической оценке весового значения симптомов ЗЩЖ в условиях многофакторного биогеоценоза Кавказа ранее не проводились.

Материалы и методы исследования. Инструментом построения эффективной диагностической модели явились методы регрессионного и дискриминантного анализа, представляющие собой линейные дискриминантные функции. Показатели рассчитывались на основе обучающей информации с признаками, среди которых были жалобы, анамнестические данные, результаты диагностических тестов и достоверно установленный факт принадлежности их к одной из выделенных клинических групп (группирующий фактор), представляющей собой матрицу наблюдений размером $n(k+1)$, где n – число строк, равных числу обследованных объектов с достоверно установленным диагнозом; $(k+1)$ – число столбцов с диагностическими и одним группирующим признаком.

В качестве обучающей выборки взяты наблюдения за 278 больными, из которых 103 относились к 1 группе (Y_1) – пациенты, у которых диагностирован РЩЖ; 70 человек – это лица, прооперированные по поводу аутоиммунного тиреоидита (АИТ) (Y_2) и 105 больных – с узловым коллоидным зобом (Y_3).

В результате проведенного анализа выделено 43 признака, которые характеризовали состояние пациентов по полу, возрасту, наличию профессиональной вредности, сопутствующим заболеваниям и эндокринопатиям. Дополнительными

параметрами были длительность болезни, предшествующее лечение, состояние ЩЖ, сопутствующая патология ЩЖ.

Данные УЗИ по эхогенности, контурам образования, размерам и локализации, наличию ограничительного ободка, выраженности кистозной дегенерации, а также кальцинатам внесены в группы наряду с цитологическими признаками: наличие фолликулярного эпителия, выраженность пролиферации, атипии, лимфоидные элементы, макрофаги, многоядерные клетки, клетки типа «голых ядер», элементы воспаления, характеристики коллоида.

Затем проведены кодирование каждого признака по балльной шкале и математическая оценка соответствия кодированных признаков для дальнейшей статистической обработки. Переменные X_2 (возраст) и X_3 (длительность заболевания), X_8 (размеры узла) входят в интервальную шкалу, а переменные X_5 (рост узла), X_9 (количество УО), X_{10} (локализация), X_{11} (размеры ЩЖ), функциональное состояние ЩЖ – в порядковую шкалу и также могут быть подвергнуты регрессионному и дискриминантному анализам. Переменные X_1 (пол), X_{15} (наличие кальцинатов), X_{17} (наличие ограничительного ободка) относятся к номинальной шкале, являясь дихотомическими. С учетом полярности и эта переменная может быть вовлечена в статистический анализ.

На первом этапе был выполнен однофакторный дисперсионный анализ, позволивший из множества выделенных признаков выбрать те, вклад которых в общую дисперсию был более значим (по F-критерию). В последующем для дальнейшего анализа осталось 28 признаков (табл. 1).

Таблица 1

Однофакторный дисперсионный анализ весовых значений симптомов ЗЩЖ

Факторы 1	Характеристика 2	Весовое значение 3
X_1 – пол	– женский;	10
	– мужской	0
X_2 – возраст	– менее 20	4
	– более 70	7
X_3 – длительность заболевания	– до года;	5
	– 1–2 года;	10
	– 2–5 лет;	15
	– свыше 5 лет	20
X_4 – профессиональная вредность	– химпредприятие	7
	– АЭС	14
	– ЧАЭС	21
	– нет	0
X_5 – рост узла	– медленный	– 24
	– быстрый	– 48
X_9 – предшествующее лечение	– не было	0
	– тиреоидные гормоны	6
	– тиреостатики	5
	– препараты йода	7
X_7 – сопутствующая эндокринопатия	– оперативное лечение	9
	– сахарный диабет	0
	– заболевания молочных желез	3
	– заболевания гениталий	3
X_8 – размеры узлов образования	– другая	3
	– до 1 см	10
	– 1–2 см	7
	– 2–4 см	8
X_9 – количество узловых образований	– более 4 см	15
	– диффузное увеличение	6
	– одно	16
	– два	32
X_{10} – локализация	– более двух	48
	– левая доля	0
	– обе доли	5
X_{11} – размеры ЩЖ	– правая доля	0
	– не увеличена (по данным УЗИ)	0
	– увеличение на стороне поражения	– 4
X_{12} – функциональное состояние ЩЖ	– увеличены обе доли	– 9
	– гипотиреоз	14
	– эутиреоз	17
X_{13} – эхогенность УО	– гипергиреоз	– 36
	– гипозоногенный	2
	– гиперзоногенный	4
	– анэзоногенный	6
X_{14} – контуры УО	– изозоногенный	8
	– различной эхогенности	10
	– четкие	4
	– нечеткие	8
X_{15} – кальцинаты	– конгломерат	12
	– диффузное поражение	16
	– есть	– 13
	– нет	– 26
X_{16} – кистозная дегенерация в узле	– нет	7
	– умеренная	14
	– выраженная	21
X_{17} – наличие ограничительного ободка	– есть	28
	– нет	0

X_{18} – краевой кровоток	– незначительный – выражен – нет	12 24 0
X_{19} – интранодулярный кровоток	– умеренный – выраженный – обеднен	– 26 – 48 0
X_{20} – кровоток в железе	– не изменен – неравномерный – усилен – нет	14 28 42 0
X_{21} – наличие макрофагов в пунктате	– умеренное количество – значительное количество	12 24
X_{22} – фолликулярный эпителий (ФЭ) (расположение)	– разрозненно – скоплениями – пластинами	– 37 – 74 – 111
X_{23} – пролиферация фолликулярного эпителия	– умеренная – незначительно повышена – выраженная – нет	– 141 – 282 – 423
X_8 – атипия	– умеренная – выраженная – нет	– 24 – 48 0
X_{25} – лимфоидные элементы	– единичные лимфоциты – лимфоидная инфильтрация – нет	17 – 15 – 29
X_{26} – клетки типа «голых»	– умеренное количество – значительное количество – отсутствует	– 12 – 24 – 12
X_{27} – коллоид в пунктате	– разжижен – не изменен – сгущение	8 12 16
X_{28} – сопутствующая патология ЩЖ	– нет – есть	0 –47

Результаты и обсуждение. Основным этапом нашего исследования было выполнение многофакторного регрессионного анализа: независимые переменные, имеющие наибольшие коэффициенты частичной корреляции с зависимой переменной, увязывались в регрессионное уравнение. Проведенный многофакторный регрессионный анализ привел к следующему уравнению регрессии:

$$Y = 1,65X_1 + 0,03X_3 + 0,07X_4 - 0,23X_5 + 0,6X_9 + 0,1X_{12} - 0,5X_{15} + 0,06X_{16} + 0,24X_{18} - 0,23X_{19} - \\ - 0,1X_{20} + 0,18X_{21} + 0,07X_{22} - 0,24X_{24} - 0,09X_{26} + 0,05X_{27} - 0,48X_{28}.$$

Проанализированы все исключенные переменные. Полученные коэффициенты являются регрессионными, стандартизованными в соответствующей области значений; они указывают на важность независимых переменных, вовлеченных в регрессионное уравнение. Анализ случайных отклонений наблюдаемых значений от ожидаемых – остатков показал нормальность их распределения, свидетельствуя о линейности этой зависимости.

В наблюдениях значения существенно выше предсказанных: 24 и 78 случаев соответствовали сочетанию рака и аденомы, 31 – микрокарциноме на фоне тиреоидита, 42 – низкодифференцированному раку; 119, 122 и 148 – сочетанию АИТ и узловой гиперплазии ЩЖ, 178 и 217 – узловому зобу (УЗ) и аденоме ЩЖ, 239 – узловому зобу с выраженными фиброзными изменениями стромы. Удаление их из обучающей выборки было обосновано, так как имело место сочетание разных видов тиреоидной патологии, и включение этих случаев искажало истинность выборки. Последующий пошаговый многофакторный регрессионный анализ привел к уравнению регрессии:

$$Y = 1,76X_3 + 0,08X_4 - 0,21X_5 + 0,15X_9 + 0,11X_{12} + 0,02X_{13} - 0,03X_{14} - 0,14X_{15} + 0,05X_{16} + 0,3X_{17} - \\ - 0,09X_{18} - 0,27X_{19} - 0,11X_{20} + 0,21X_{21} + 0,07X_{22} - 0,21X_{24} - 0,18X_{26} + 0,04X_{27} - 0,48X_{28}.$$

Введение переменных второго порядка значительно улучшило результаты уравнения, объясняя дисперсию переменной Y в 91,3 % случаев при высокой достоверности данного уравнения в дифференциальном диагнозе ЗЩЖ. Если при подстановке значений величина отклика Y не превышает 1,7, то больной относится к 1 группе с высоким риском наличия РЩЖ, в пределах от 1,4 до 2 – ко 2 группе (АИТ), при значении выше 2,1 – к 3 группе (УЗ).

Таким образом, уравнение регрессии можно использовать для постановки диагноза. При низких значениях Y пациента относят к группе риска по РЩЖ, при высоких – к группе лиц с АИТ и УЗ. Для Y в пределах от 1,4 до 1,7 больного с одинаковой вероятностью можно отнести к группе риска как по раку, так и по тиреоидиту, а от 2,1 до 2,3 – к УЗ и АИТ.

Выводы

1. Дискриминантная функция позволяет точно определить принадлежность больного к имеющимся классам при сомнительном результате регрессионного анализа, когда требуется точно установить классификацию больного. Наибольшее значение дискриминантной функции свидетельствует о принадлежности больного к определенной нозологической группе.

2. При ретроспективном обследовании больных с ЗЩЖ получены индивидуальные значения дискриминантной функции и вероятность попадания в ту или иную подгруппу. Сопоставлением результатов классификации со значениями дискриминантной функции определены их пороговые значения.

3. Высокий информационный вес в прогнозировании ЗЩЖ имеют такие факторы, как наличие лимфоидных элементов в пунктате, контуры УО, кальцинаты в структуре, пролиферация ФЭ, клетки типа «голых ядер» в пунктате. Значимы и продолжительность заболевания, рост УО, кистозные дегенерации в структуре УО, краевой кровоток; наличие макрофагов.

Работа поддержана по госзаданию Министерства образования и науки РФ. Название проекта: Разработка нового метода диагностики нарушений функции щитовидной железы (№ 2014/54, код проекта 2405).

Библиография

1. Калинин А.П., Майстренко Н.А., Ветшев П.С. Хирургическая эндокринология. СПб.: Питер, 2004. 854 с.
2. Дедов И.И., Мельниченко Г.А., Фадеев В.В. Эндокринология: учебник. 2-е изд. М.: ГЕОТАР-МЕДИА, 2012. С. 87–90.
3. Gallo M., Pesenti M., Valcavi R. Ultrasound thyroid nodule measurements «gold standard» and its limit // Endocr. Pract. 2003. V. 9. P. 194–199.
4. Lee C. Surgical management of grave's disease up-to-date in Taiwan // 12 Congress of Asian Association of Endocrine Surgeons. Tokyo, 2010. P. 61.
5. Жураев Ш.Ш., Баймаханов Б.Б., Кыжыров Ж.Н. Способ хирургического лечения диффузного токсического зоба // Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова. 2009. № 5. С. 68–71.
6. Олифирова О.С., Каналян С.В. Значение галектина-3 и тиреоглобулина в диагностике у больных с узловыми образованиями щитовидной железы: матер. 22 Всерос. симп. «Эндокр. хир. 2003–2014 гг.». СПб., 2014. С. 50–52.
7. Мышкин К.И. Послеоперационная болезнь. Эндокринные аспекты. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1983. 152 с.
8. Толстокоров А.С. Диагностика рака щитовидной железы, развившегося на фоне многоузлового зоба: мат. 2 Всерос. съезда хирур. СПб., 1998. 234 с.

СЕМЬЯ КАК ВАЖНЫЙ АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Хеймашева М.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

maryana.aspirant@yandex.ru

В статье обосновывается статус семьи как важного фактора развития полиэтнической компетентности.

Ключевые слова: семья, полиэтническая компетентность, гармоничная личность, толерантность, акмеологический фактор.

THE FAMILY AS AN IMPORTANT FACTOR OF ACMEOLOGICAL DEVELOPMENT OF MULTIETHNIC COMPETENCE OF UNIVERSITY STUDENTS

Heimasheva M.S.

Kabardino-Balkrian State University

The article explains the status of the family as an important factor in the development of multiethnic competence.

Keywords: family, multiethnic competence, harmonious personality, tolerance, acmeological factor.

Одним из важных факторов развития гуманной и гармоничной личности студентов является полиэтническая компетентность. Отсюда следует, что такое развитие личности возможно при создании условий, которые будут соответствовать расширению его кругозора о национальных традициях, углублению знаний об этнокультуре своей национальности и других этносов, раскрытию его потенциала. Гармоничное развитие личности возможно в гармоничной семье, где «все возрастные трудности, все особенности разных типов акцентуаций в значительной мере сглаживаются и не ведут к социальной дезадаптации». В такой семье вырабатывается своего рода «психологический иммунитет» к неблагоприятным влияниям среды.

Следовательно, в качестве субъектов образовательной деятельности целесообразно рассматривать не только специалистов образования, но и родителей как совокупный субъект полиэтнического образования, репрезентирующий общественные ценности. По мнению Зигмунда Фрейда, семья как социальный институт призвана социализировать ребенка, так как именно в семье у него складываются первые представления о человеческих ценностях, характере взаимоотношений между людьми, формируются нравственные качества.

В современном обществе наблюдается тенденция ослабления семьи как социального института, изменение ее социальных функций, потеря ведущих позиций в социализации индивидов. Это связано с тем, что практически отсутствует понимание того, что образование родителей, их общекультурное развитие – важнейший капитал страны.

Несмотря на это, говоря о социальных институтах культуры, М.С. Каган и Ю.Н. Солонин все же выделяют семью. По их мнению, семья и школа совокупно выполняют пайдеветическую, или воспитательно-образовательную функцию. В полиэтническом образовании именно родители студентов являются активными субъектами образования. Родители играют решающую роль в развитии личности ребенка, его характера, норм поведения, жизненных ориентаций и стратегий поведения, в передаче этнокультурных традиций и развитии его культурной ментальности [1].

Цель представленного исследования – теоретически обосновать с позиций акмеологического подхода систему совершенствования семьи в развитии полиэтнической компетентности студентов. Базой нашего исследования является Кабардино-Балкарский государственный университет, где обучаются представители разных национальностей. Стремление к жизни в мирном, толерантном обществе привело к необходимости определения условий формирования полиэтнической компетентности у подрастающего поколения.

В связи с этим, необходимо обратить особое внимание на семью, в которой происходит социализация личности ребёнка/студента. В семье закладываются уверенность в себе, осознание своих достоинств, свое личное «Я», основы поведения, позитивного и негативного отношения к представителям других национальностей. С помощью семьи дети осваивают способы понимания мира, мирного и толерантного взаимодействия с людьми, развивают полиэтническую компетентность. Жизнь в семье предоставляет ребенку очень большой опыт в процессе межличностных отношений и формирует определенные ценности, которые влияют на взаимоотношения ребенка с окружающими его людьми.

Ребенок, будучи студентом взаимодействует со многими людьми, а в особенности с представителями разных национальностей. И чтобы мирно сосуществовать с ними в одной образовательной среде, он должен быть полиэтнически компетентен. А, как правило, полиэтническая компетентность предполагает знание истории других национальностей, уважение к ним и возможность учиться самому лучшему, что есть в других культурах. И поэтому одним из самых важных факторов развития полиэтнической компетентности мы считаем именно семью, где родители являются активными субъектами в приобщении своих детей к толерантному, мирному и гуманному отношению к представителям разных этнических групп.

В современном образовательном поле проявляются случаи нетерпимости и насилия, связанные с национальной и религиозной неприязнью друг к другу. Среди детей сейчас широко распространились расизм, процветают различные формы дискриминации. И поэтому семья как один из важных институтов воспитания должна предоставлять своим детям возможность для развития такого качества, как полиэтническая компетентность, этническая толерантность.

Высшая школа рассматривает родителей как самых важных субъектов полиэтнического образования и воспитания. Рассматривая родителей, мы должны отметить тот факт, что в первую очередь у родителей должна быть развита на высшем уровне полиэтническая компетентность. Образование должно способствовать этому развитию, помогая им в решении этой проблемы. Мы считаем, что акмеологический подход является одним из самых эффективных методов для разрешения данной проблемы и формирования полиэтнической компетентности внутри студенческого коллектива [2].

Привлекая родителей к этой проблеме, образование в первую очередь решает важнейшую функцию приобщения их к высшим знаниям в области акмеологии, психологии, этнологии. Образование, рассматривая родителей как важнейший атрибут в развитии полиэтнической компетентности своих детей, становится полноценно поликультурным и полиэтническим. Задачей нашего исследования является: выявление уровня продуктивности родителей в развитии полиэтнической компетентности у детей; выявление акмеологических факторов, препятствующих и содействующих их продуктивной деятельности; выявление зависимости между уровнем продуктивности деятельности родителей и уровнем развития полиэтнической компетентности у детей.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что недостаточно эффективна, развита полиэтническая компетентность среди родителей у студентов. Родители как субъекты полиэтнического образования, как показывает практика, нуждаются в методической помощи, и поэтому в исследовании решается задача разработки специальных курсов повышения квалификации родителей для повышения их компетентности и внедрения их в образовательную деятельность.

Библиография

1. Кузьмина Н.В., Манойлова М.А. Акмеология полиэтнической компетентности: диагностика и развитие. СПб.: Центр стратегических исследований, 2012. 268 с.
2. Михайленко О.И. Особенности акмеологического сопровождения педагогической деятельности в системе университетского образования // Известия ВГПУ. 2010. № 4. С. 44–48.

**ХРИСТИАНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.**

Сатусиева Л.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

lhsatushieva@mail.ru

Предлагаемая статья, подготовленная на основе архивных опубликованных и неопубликованных материалов, посвящена описанию процесса религиозного строительства у казаков и крестьян на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, православие, секты, казаки, крестьяне, Российская империя, право.

**THE PEASANT QUESTION IN RUSSIAN POLITICS
IN THE CAUCASUS IN THE SECOND HALF XIX–EARLY XX**

Satushieva L.H.

Kabardino-Balkarian State University

The article, prepared on the basis of published and unpublished archival materials, is dedicated to the description of the religious building the Cossacks and peasants in the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, orthodoxy, sects, Cossacks, peasants, Russian Imperiya, right.

В течение всего времени своего существования Российская империя представляла собой государство, отличавшееся этническим, конфессиональным, административным и культурным разнообразием вошедших в него народов, которые должны были стать полноправными гражданами нового государственного образования. Актуальность темы нашей работы определяется высокой ролью религиозного фактора в становлении системы правовых отношений Российского государства и общества.

По нашему мнению, при всей значимости изучения религиозного вопроса его можно отнести к числу практически не исследованных, особенно применительно к Кавказу. Тем не менее, эта тема особо важна и интересна, поскольку в 1990-е годы в мировой и российской науке произошел пересмотр взглядов на имперскую политику вообще и религиозную в частности [1]. Новые подходы к истории отражены в работе *А.Ю. Бахтурина* «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.)» [2]. Одним из интересных и глубоких исследователей имперской политики на современном Западе стал *Андреас Канпелер*. В целом правовая история России как многонационального и многоконфессионального государства до настоящего времени является недостаточно разработанной. Об этом пишут многие исследователи [3]. За рамками современных работ остается правовая эволюция национально-религиозного государственного устройства России. Есть работы, в которых рассматривается правовое положение народов и наций в политической системе Российского государства [4]. Отчасти национально-религиозные вопросы были поставлены в исторических исследованиях применительно к горским народам Северного Кавказа [5]. Проблеме формирования российских форм управления на Северном Кавказе посвящены исследования историка *З.М. Блиевой* [6].

Правовой статус религии у казаков и крестьян. Во второй половине XIX в. правовой статус религиозной жизни у казаков и крестьян Северного Кавказа различался: религиозные институты части казаков подчинялись Главному священнику Кавказской армии, а крестьян и другой части казаков – либо Кавказской епархии, либо Грузино-Имеритинской епархии Св. Синода.

Церкви и духовенство, находящиеся в военном подчинении, были в выигрышном положении, так как их финансирование осуществлялось из средств казачьих войск [7]. Как нам представляется, различное подчинение духовенства казаков и крестьянства предполагало различное положение священников.

В станицах, которые относились к Кавказской епархии, порядок принятия относительно православной церкви решений был особый: Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом при поддержке Наместника Кавказского подавал рапорт военному министру и далее рапорт, уже рассмотренный в Министерстве, шел в Св. Синод [8]. Православное духовенство в казачьих станицах, принадлежавших Кавказской армии, финансировалось из казны казачьих войск и таким образом имело большую финансовую поддержку в отличие от духовенства, подчинявшегося Кавказской епархии [9].

Православное духовенство, принадлежавшее Кавказской армии, также имело различный статус. Это видно из дел о назначении пенсий священникам. Священник Кавказской армии подчеркивал, что «жалование духовенству так называемых старых станиц Кубанского и Терского казачьих войск, издавна устроенных по правую сторону р. Кубань и по левую сторону р. Терек, никак не производилось ни от казны, ни от войска, во всех же прочих станицах, вновь возведенных и возводимых за Кубанью и Терек, производится жалование из войсковых сумм в одинаковом размере. По Указу от 1832 г., пенсии священникам определялись только в тех местах и учреждениях

воинского ведомства, где им производилось штатное казенное содержание, если священник не получал такое содержание, то и пенсия ему не была положена [10].

Характер взаимоотношений между священником Кавказской армии и Кавказской епархией можно показать на примере одной ситуации, имевшей место в 1862 г. Главному священнику Кавказской армии С. Гумилевскому было поручено устроить в предгорьях Северного Кавказа в двух казачьих станицах церковные причты (Указ Грузино-Имеринской епархии от 21 августа 1862 № 3522), но у него не было свободных священников, которых он решил попросить в Кавказской епархии [11]. Находясь на службе в Кавказской епархии, священники, как правило, не получали жалованья вообще, поэтому они с удовольствием переходили в другое, «военное» подчинение с тем, чтобы получать деньги. Главный священник Кавказской армии мог приглашать на работу на Северный Кавказ священников и из других губерний [12]. Финансирование православных церквей, подчиняющихся Кавказской армии, было действительно в несколько раз лучше, чем в Кавказской епархии. Причем решение о выделении средств принимало военное ведомство во главе с военным министром за подписью Государя, а Св. Синод лишь утверждал эти суммы [13].

13 декабря 1859 г. глава Кавказской епархии епископ Кавказский Игнатий Брянчанинов отправил большую Записку на имя Наместника Кавказского князя Александра Ивановича Барятинского, в которой он проанализировал ситуацию, связанную с православной жизнью на Северном Кавказе. А.И. Барятинский поддержал И. Брянчанинова и отправил эту Записку при поддержке Кавказского Комитета в Св. Синод.

Главными пунктами в Записке И. Брянчанинова были следующие:

- назначение жалования духовенству г. Моздока и г. Кизляра,
- повышение окладов содержания Кавказскому Епархиальному Управлению,
- преподавание татарского языка.

Однако Св. Синод готов был поддержать лишь введение преподавания татарского языка в Кавказской семинарии. Князь А.И. Барятинский просил определить содержание священников в такой же степени, как это существовало для Западных губерний Российской империи (Указ Синода от 7 декабря 1859 г.). Наконец-то был издан Указ Священного Синода о назначении 6 епархий, в том числе и Кавказской, жалования духовенству (от 22 сентября 1860 г.): Тверская, Херсонская, Харьковская, Тобольская, Кавказская, Нижегородская. На все духовенство Кавказской епархии было выделено 100 тыс. рублей, с этих денег было увеличено жалование священникам пяти церквей г. Моздок и г. Кизляра в размере 3792 руб. в год [14].

Православные церкви в Кубанской области оказались «перемешанными»: Кавказская епархия была, как выразился о. Игнатий, «прорезана ведомством Обер-священника С. Гумилевского во многих местах». Епископ Игнатий подготовил предложения о слиянии церквей в одном подчинении. Он писал, что казаки Линейного войска хотели бы подчиняться Кавказской епархии, а не священнику Кавказской армии, поскольку местоположение канцелярии Стефана Гумилевского находилось от них далеко – в Тифлисе, а не в Ставрополе. Его рапорт был рассмотрен Государем Императором, который отказал епископу на следующем основании: «установленный порядок был важен **для ослабления раскола среди казаков, поэтому он не разрешает изменить подчинение казаков**» [15].

В 1862 г. обер-прокурор Толстой предложил от имени Военного министра, а тот в свою очередь от имени Командующего Кавказской армии об установлении нового порядка в религиозной жизни крестьян и казаков. Согласно рапорту Командующего Кавказской армией (№ 3574 от 24 декабря 1861 г.), были предложены следующие правила: 1) в каждой станице должен быть один священник и два церковника; 2) все распоряжения отдает главный священник Кавказской Армии; 3) священники имеют право на подъемное пособие – 285 руб., а причетники – 50 руб.; 4) жалование священников – 200 руб., 70 коп. и причетникам – 61 руб., 43 коп. в год из Войсковых сумм Кубанского войска; 5) провиант причетникам как нижним чинам полагается; 6) священникам полагаются прогонные деньги от казны – на 2–3 лошади. Св. Синод поддержал предложение командующего Кавказской армии (№ 1363 от 26 февраля 1862 г.), а затем эти правила рассматривались Кавказским комитетом и Государем, который написал на документе «исполнить». Затем последовал новый Указ Священного Синода (№ 2772 от 29 октября 1862 г.) об окончательном утверждении [16]. *Такова была процедура принятия многих решений.*

Между тем постепенно процесс «объединения» церквей и духовенства на Северном Кавказе в едином подчинении шел, и уже в 1867 г. часть казачьих церквей была передана из управления Кавказской армии в Кавказскую епархию [17]. Закончился он к 1885 г. Все казачьи и крестьянские приходы Кубанской области стали подчиняться Ставропольской епархии. Крестьянские и казачьи приходы Терской области стали относиться к Владикавказской епархии, а Черноморского округа – к Сухумской епархии Грузинского экзархата.

Заключение. Исследуя историю формирования системы правового регулирования православия от отколовшихся от православия различных сект у казаков и крестьян Северного Кавказа, мы пришли к выводу о том, что Российская империя, хотя и стремилась к тому, чтобы быть правовым государством, в деятельности которого должны превалировать принципы права, была страной, в которой преобладала *политическая целесообразность*. Отношение к религиозным направлениям на Кавказе определялось конкретными политическими целями. Опираясь на архивные материалы, мы показали в статье, как менялся статус религиозных сообществ казаков и крестьян в зависимости от того, что происходило на Кавказе в данный исторический период.

Библиография

1. Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в.–февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 195 с.

2. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 338 с.
3. Стешенко Л.А. Правовая политика в сфере национальных отношений (теоретическое и историко-правовое исследование): дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2003. 325 с.
4. Бобровников В.О., Бабич И.Л., Соловьева Л.Т. Реформы и контрреформы в Кавказском наместничестве // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 248 с.
5. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. М., 2000. 286 с.
6. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII–первой трети XIX века. Владикавказ, 1992. 107 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп.137. Д.1440.
8. РГИА. Ф. 796. Оп.138. Д.1829.
9. РГИА. Ф. 796. Оп.139. Д.1705.
10. РГИА. Ф. 796. Оп.144. Д.1388..
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 143. Д.1683. Л.1.
12. РГИА. Ф. 796. Оп.143. Д.227.
13. РГИА. Ф. 796. Оп.137. Д.2067.
14. РГИА. Ф.1268. Оп.20. Д.10. Д.272..
15. РГИА. Ф. 796. Оп.139. Д. 327. Л. 1–10.
16. РГИА. Ф. 796. Оп.143. Д.227.
17. Государственный архив Краснодарского края. Ф.774. Оп.1. Д.353.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»

Для публикации в журнале «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета» принимаются статьи на русском или английском языках, содержащие результаты актуальных фундаментальных и прикладных исследований, передовых наукоёмких технологий, научных и научно-методических работ.

1. Основные документы, необходимые для публикации

1.1. Один экземпляр статьи в бумажном виде и на электронном носителе отдельным файлом (на диске); на наклейке диска (дискеты) (обязательно!) указываются фамилия автора (авторов) и название статьи.

1.2. Полные сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках в бумажном виде и в электронном варианте, оформленном отдельным от статьи файлом, который включает в себя следующие данные:

- фамилия, имя, отчество (полностью) каждого автора;
- место работы (наименование организации), ученая степень, ученое звание, должность каждого автора;
- контактные телефоны, почтовый индекс и адрес, адрес электронной почты (e-mail) каждого автора.

1.3. Сопроводительное письмо на бланке учреждения, где выполнена работа.

1.4. Внешняя рецензия доктора наук (по желанию).

1.5. Акт экспертизы о возможности опубликования в открытой печати – для физико-математических, химических, биологических, технических, экономических наук и науки о земле.

1.6. Справка об учебе в аспирантуре или докторантуре для аспирантов и докторантов.

1.7. «Лицензионный договор» (один на авторский коллектив) в 2-х экз. Без Договора статья не будет опубликована. Текст Договора размещен на сайте журнала «Известия КБГУ».

2. Правила оформления статьи

2.1. Объем статьи – в пределах 15 страниц формата А4, интервал – 1,5, размер шрифта Times New Roman Cyr 14 пт; поля страницы: слева – 3 см, справа – 1 см, сверху – 2,0 см, снизу – 2,5 см.

Краткие сообщения – в пределах 4 машинописных страниц, включающих не более 2 рисунков и 2 таблиц.

2.2. Статья должна включать:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора (авторов) (на русском и английском языках);
- реферат статьи (до 500 знаков) (на русском и английском языках);
- ключевые слова (5–7 слов на русском и английском языках);
- текст статьи, отражающий цель исследования, методы работы, собственно исследования, конкретные выводы;
- библиография (в библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте; номер источника в тексте указывается в квадратных скобках – автоматическая нумерация ссылок не допускается);

- подпись автора (авторов).

2.3. Иллюстрации к статье (рисунки, фотографии) должны быть черно-белыми, четкими (разрешение не менее 300 dpi, расширение *.jpg) и вставлены в текст. Обычный размер иллюстраций – не более половины листа А4. Формулы и символы помещаются в текст с использованием редактора формул Microsoft Education. Таблицы вставляются в текст; ссылки на рисунки и таблицы обязательны; названия таблиц и подрисуночных подписей обязательны.

2.4. Нумерация страниц обязательна.

2.5. Тип файла в электронном виде – RTF.

Образцы оформления библиографии:

книга

Самарский А.А., Гулин А.В. Устойчивость разностных схем. М.: Наука, 1973. 210 с.

Интегральные схемы: Принципы конструирования и производства / под ред. А.А. Колосова. М.: Сов. радио, 1989. 280 с.

статья из книги, сборника, журнала

Петренко В.И., Доготь А.Я. Пневмогидравлический кавитационный процесс // Геодинамические основы прогнозирования нефтегазоносности недр: тезисы докладов 1-й Всесоюзной конференции. М., 1988. Ч. 3. С. 616–617.

Хлынов В.А. Общегосударственное планирование рыночной экономики: Опыт Японии // Экономист. 1994. № 4. С. 89–94.

Базаров А.Ж. О некоторых нелокальных краевых задачах для модельных уравнений второго порядка // Известия вузов. Математика. 1990. Т. 2, № 3. С. 11–15.

диссертации и авторефераты диссертаций

Ерков С.А. Формирование художественного восприятия произведений изобразительного искусства на уроках изобразительного искусства в 5, 6 классах средней общеобразовательной школы: дис... канд. пед. наук. М., 2006. 184 с.

Вахромов Е.Е. Психологические особенности самоактуализации подростков с отклоняющимся поведением: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2003. 30 с.

При несоблюдении указанных правил редакция оставляет за собой право не публиковать статью.

3. Порядок рецензирования

3.1. Рукопись направляется на рецензирование ведущим специалистам в данной области (внешнее и внутреннее рецензирование).

3.2. Результаты рецензирования редакция сообщает автору по электронной почте.

3.2. По результатам рецензирования редколлегия принимает решение о целесообразности опубликования материала, о чем дополнительно сообщается автору.

Статьи представляются в редакционно-издательский отдел ИПЦ КБГУ.

Адрес ИПЦ КБГУ: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Контактный телефон: (8662) 72-23-13.

E-mail: rio@kbsu.ru, izvestia_kbsu@mail.ru. E-mail-адрес защищен от спам-ботов, для его просмотра у вас должен быть включен Javascript.

Ответственный секретарь редакции – **Шогенова Марина Чашифовна**.

После положительного решения редколлегии о публикации статьи в журнале «Известия КБГУ» автор (или авторы) статьи перечисляет на р. сч. КБГУ плату из расчета 500 руб. (в т.ч. НДС) за страницу рукописи.

Назначение платежа: редакционно-издательские услуги («Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1. В стоимость входят расходы по доставке журнала по территории России. Автор (или авторы) статьи получает 2 экземпляра журнала бесплатно.

Для выкупа дополнительных номеров журнала необходимо передать в редакцию (ИПЦ КБГУ) письмо-заявку с указанием номера и количества экземпляров журнала и перечислить на р. сч. КБГУ плату из расчета 250 руб. (в т.ч. НДС) за один экземпляр журнала с назначением платежа: редакционно-издательские услуги (за журнал «Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1.

Реквизиты КБГУ для платежей:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (КБГУ)

Почтовый и юридический адрес:

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефон: 42-25-60,

Voice/fax: +7(495) 3379955

Телетайп: 257245 «Альфа»

E-mail: bsk@kbsu.ru

ОКПО 02069510

ОКОНХ 92110

ОГРН 1020700739234 от 22.07.11г.

ОКОГУ 13240

ОКАТО 83401000000

ОКЭВД 80.30.1

ОКОПФ 72

ОКФС 12

Банковские реквизиты:

Получатель:

ИНН 0711037537/ КПП 072501001

Отдел № 1 УФК по Кабардино-Балкарской Республике (0401 КБГУ л/с 20046Х17540)

Банк получателя:

ГРКЦ НБ Кабардино-Балкарск. Респ. Банка России г. Нальчика

БИК 048327001

Р/с 40501810100272000002

КБК 000000000000000000130

Копия платежного документа передается или высылается в редакцию журнала по электронной почте.

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDINGS OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ V, № 4, 2015

Редактор *Л.З. Кулова*
Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *Л.З. Кулова*

В печать 28.08.2015. Формат 60х84 ¹/₈.
Печать трафаретная. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7379.
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение КБГУ.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.